
ОГОНЁК
№ 11 МАРТ 1973
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

1 марта в КПСС началось проведение обмена партийных документов. По установившейся традиции партбилет образца 1973 года за номером первым был выписан в Центральном Комитете КПСС на имя Владимира Ильича Ленина — основателя и вождя Коммунистической партии Советского Союза. Подписал ленинский партийный билет Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

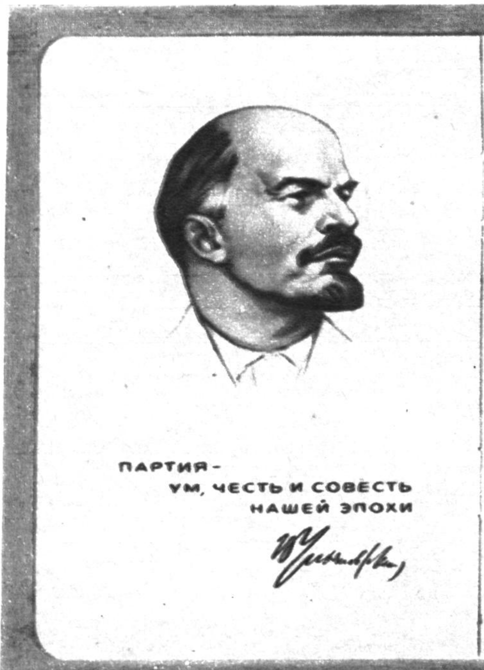
При подписании присутствовали товарищи Г. И. Воронов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, П. Е. Шелест, Ю. В. Андропов, П. Н. Демичев, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, Д. Ф. Устинов, В. И. Долгих, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, председатель Центральной ревизионной комиссии КПСС Г. Ф. Сизов, члены ЦК КПСС Г. С. Павлов, К. У. Черненко.

Оформление партийного билета на имя В. И. Ленина не просто символ — это свидетельство непоколебимой верности нашей партии его заветам. Великая энергия ленинского ума, биение горячего ленинского сердца продолжают жить в делах и свершениях партии и народа. Ленинские идеи, его вечно живое революционное учение, ленинская наука творить и побеждать — неиссякаемый животворный источник, из которого наша партия и народ черпают непоколебимую уверенность в своих силах, мужество и революционный оптимизм, волю к победе. Вот почему имя В. И. Ленина бесконечно дорого каждому коммунисту, каждому советскому человеку.

Отныне члены КПСС будут получать партийные билеты с изображением Владимира Ильича и его проникновенными словами: партия—ум, честь и совесть нашей эпохи. Это будет постоянно напоминать каждому коммунисту о том, что быть членом великой ленинской партии — значит верой и правдой служить своему народу, все свои силы и знания отдавать борьбе за его интересы, за торжество коммунизма.

Партийный билет на имя Владимира Ильича Ленина передан на хранение в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

В ЦЕНТРАЛЬНОМ



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ
ПАРТИЯ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ЦК КПСС



УПЛАТА ЧЛЕНСКИХ ВЗНОСОВ

19____ год

Месяц	Месячный заработок	Сумма взноса	Подпись секретаря
Январь			
Февраль			
Март			
Апрель			
Май			
Июнь			
Июль			
Август			
Сентябрь			
Октябрь			
Ноябрь			
Декабрь			

Партийный билет № 00000001 на имя Владимира Ильича Ленина, основателя Коммунистической партии, Советского государства, великого вождя трудящихся, подписывает Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

КОМИТЕТЕ КПСС

Руководители партии и правительства в зале заседаний ЦК КПСС во время оформления партийного билета на имя В. И. Ленина.



ВРУЧЕНИЕ ПАРТИЙНОГО БИЛЕТА ТОВАРИЩУ Л. И. БРЕЖНЕВУ

Обмен партийных документов, который начался 1 марта,— значительное событие в жизни Коммунистической партии Советского Союза, в жизни каждого коммуниста. С огромным подъемом, горячим и единодушным одобрением коммунисты, все советские люди встретили сообщение о том, что по установившейся традиции партийный билет образца 1973 года за номером первым был выписан в ЦК КПСС на имя Владимира Ильича Ленина — основателя и вождя Коммунистической партии и Советского государства. Непоколебимо верная его идеям и заветам наша партия под руководством Центрального Комитета КПСС, его Политбюро ведет советский народ по ленинскому пути к новым победам коммунизма.

2 марта в Центральном Комитете КПСС партийный билет за номером 00000002 был вручен Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Леониду Ильичу Брежневу. Билет вручил секретарь парткома аппарата ЦК КПСС И. И. Козлов.

При вручении партийного билета товарищу Л. И. Брежневу присутствовали секретари ЦК КПСС.

Принимая партийный билет, товарищ Л. И. Брежнев горячо поблагодарил Центральный Комитет и всех коммунистов великой ленинской партии за оказанную ему честь и большое доверие работать секретарем Центрального Комитета КПСС.

Он сказал при этом, что, как и прежде, будет служить великому делу Ленина, идеалам Коммунистической партии, советскому народу, делу коммунизма.

(ТАСС).

ВРУЧЕНИЕ ПАРТИЙНЫХ БИЛЕТОВ ЧЛЕНАМ ПОЛИТБЮРО, КАНДИДАТАМ В ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО И СЕКРЕТАРЯМ ЦК КПСС

В партийных организациях были вручены партийные билеты членам Политбюро ЦК КПСС, кандидатам в члены Политбюро ЦК КПСС и секретарям ЦК КПСС. (ТАСС).



С 26 февраля по 2 марта 1973 года по приглашению министра обороны СССР Маршала Советского Союза А. А. Гречко в Советском Союзе с официальным дружественным визитом находился военный министр и главнокомандующий вооруженными силами Арабской Республики Египет генерал-полковник Ахмед Исмаил Али.

Ахмед Исмаил Али был принят 27 февраля Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым.

Ахмед Исмаил Али имел встречи и беседы с министром обороны СССР Маршалом Советского Союза А. А. Гречко и с другими государственными и военными руководителями, а также посетил воинские части Московского военного округа.

В ходе встреч и бесед, проходивших в теплой, дружественной обстановке, были обсуждены вопросы, представляющие взаимный интерес. При этом стороны провели широкий обмен мнениями по дальнейшему развитию сотрудничества между вооруженными силами обеих стран.

На снимке: во время беседы Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с военным министром и главнокомандующим вооруженными силами АРЕ генерал-полковником Ахмедом Исмаилом Али.

Фото ТАСС.



Основан 1 апреля 1923 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 11 (2384)

10 МАРТА 1973

ВЕРНОСТЬ ЛЕНИНСКИМ ЗАВЕТАМ



В жизни нашей партии наступил важный этап — обмен партийных документов. Он проходит в обстановке высокого политического и трудового подъема.

Коммунисты-ленинцы, все советские люди с огромным удовлетворением встретили весть о том, что партийный билет нового образца за номером первым выписан на имя Владимира Ильича Ленина. Подписал ленинский партийный билет Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. В эти дни и ветераны нашей партии и молодые коммунисты вновь и вновь вспоминают слова, обращенные ЦК РКП(б) к партии в 1924 году, когда не стало Ленина: «Ленин живет в душе каждого члена нашей партии. Каждый член нашей партии есть частичка Ленина».

...С волнением принимают коммунисты партийные билеты нового образца, билеты с изображением Владимира Ильича. О многом хочется в такие минуты сказать, вспомнить, поделиться мыслями. И в первую очередь заявить о своей готовности отдать все силы, знания, весь жар души своей делу Ленина, борьбе за торжество коммунизма.

...Коммунисты листопрокатного цеха московского металлургического завода «Серп и молот». Они пришли в партком после смены, пришли от горячих станов, где, опережая время, борются за досрочное выполнение заданий третьего, решающего года пятилетки.

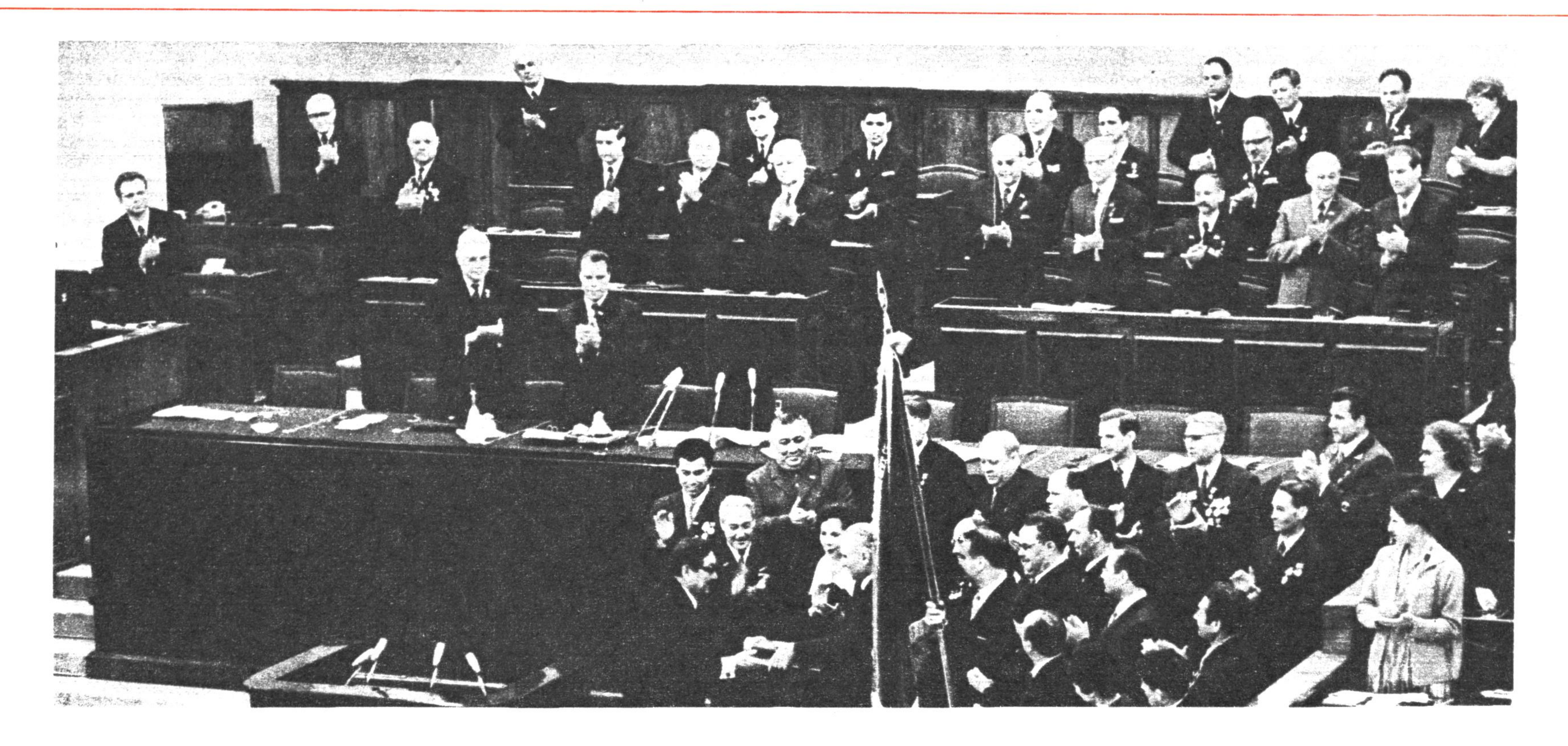
Партийный билет получает старший вальцовщик А. И. Галятин. Его бригаду знает весь завод. Это по ее почину на «Серпе и молоте» началось социалистическое соревнование под девизом: «15 месячных норм за год». Галятин бережно кладет в карман партбилет.

— День этот никогда не забуду! — говорит старший вальцовщик.— И праздник и ответственность... Понимаем: ко многому обязывает звание коммуниста. Дела в нашей бригаде идут неплохо. В январе выполнили задание на 143 процента и дали 99,9 процента продукции первого сорта. А накануне обмена партийных документов подвели итоги февраля — обязательства, принятые в начале года, перевыполнены: 146 процентов — таков итог февраля. И по части качества не сдали позиции. Думаю, что пора пересматривать наши старые обязательства.

На снимке: рабочие листопрокатного цеха московского металлургического завода «Серп и молот», получившие новые партийные документы.

Слева направо: секретарь парторганизации цеха С. Д. Данилюк, мастер горячего отдела Н. М. Черкалин, старший отжигальщик Н. Г. Туманов, старший вальцовщик А. И. Галятин, старший аппаратчик Н. В. Романов, старший вальцовщик В. Н. Разутов, старший отжигальщик В. Г. Авдеев и отжигальщик В. Ф. Павкин.

Фото В. МУСИНОВА.



ТВОРЧЕСТВО МИЛЛИОНОВ

Их сегодня свыше шести миллионов. Имя им — изобретатели и рационализаторы. Передовые рабочие, колхозники, ученые, специалисты народного хозяйства, объединенные ВОИР, своим постоянным творческим накалом активно содействуют развитию науки и техники, совершенствованию общественного производства, повышению производительности труда. В последний день февраля они прислали в Москву около тысячи своих представителей — делегатов IV съезда Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов — подвести итоги проделанной работы, обсудить задачи, стоящие перед изобретателями, рационализаторами и новаторами страны в третьем, решающем году пятилетки.

Съезд открылся 28 февраля в Большом Кремлевском дворце. Собравшиеся тепло встретили товарищей А. П. Кириленко, В. И. Долгих, И. В. Капитонова. Вместе с ними — заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР Т. Кулатов. Съезд открыл председатель Центрального совета Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов Г. П. Софонов.

В своем выступлении Т. Кулатов приветствовал делегатов и в их лице миллионы изобретателей, рационализаторов и новаторов производства. Он огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов и под бурные аплодисменты прикрепил орден Ленина к знамени Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов.

На снимке: Москва. Большой Кремлевский дворец. Вручение ордена Ленина Всесоюзному обществу изобретателей и рационализаторов.

Фото В. Климова.

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ И ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ

Борис ГУРНОВ

27 января за круглым столом Дома международных конференций в Париже государственный секретарь США Уильям Роджерс перебрал одну за другой пять автоматических ручек, прежде чем смог без помарок поставить подпись под Соглашением о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. Историки вспоминают, как не шло перо у Наполеона, когда ему пришлось подписывать знаменитое отречение. Конечно, Роджерс не Наполеон и Париж не Фонтенбло. Вспоминалось же это потому, что, подписывая соглашение, Роджерс, по существу, подписал отречение от попыток колонизаторов разных мастей покорить Вьетнам. Своей мужественной борьбой против сменявших друг друга агрессоров Вьетнам доказал, что его победить невозможно, потому что невозможно победить народ, сражающийся за свою свободу и независимость.

С начала борьбы вьетнамского народа и до победы правого дела, разума и реализма, закрепленной парижским соглашением, прошло почти 30 лет. Прошло еще ровно 30 дней, и вот мы снова на авеню Клебер. В том же зале Дома международных конференций так же, как и в январе, передают вокруг огромного кольцеобразного стола солидные кожаные папки: подписывается Акт международной конференции по Вьетнаму — документ, в котором закрепляются результаты парижского соглашения в международном плане. Идут последние минуты конференции.

Все вроде бы так же, как и месяц назад, и все же не так. За новым, тридцатиметровым по окружности столом двенадцать представителей. Это главы дипломатических служб ДРВ, ВРП РЮВ, США и сайгонской администрации, министры иностранных дел СССР, Франции, Китая и Великобритании, а также четырех стран — Венгрии, Польши, Канады и Индонезии, представленных в Международной комиссии по контролю и наблюдению за выполнением парижского соглашения.

Переговоры, завершившиеся подписанием соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме, держали нас в напряжении почти пять лет. Международная конференция по Вьетнаму продолжалась всего лишь пять дней. Сроки и трудность задач соответственно несравнимы. Но и в течение этих пяти дней возникло немало проблем, начиная с сугубо технических — в дни прилета в Париж двенадцати министров иностранных дел бастовали диспетчеры парижских аэродромов, и кончая политическими — опаснейшими маневрами сил, выступающих против установления прочного мира в Юго-Восточной Азии. Эти силы в течение месяца после подписания парижского соглашения вызвали тысячи его нарушений.

Проблему посадки специальных самолетов с зарубежными участниками конференции французские власти решили с помощью военно-воздушных сил. И когда многие журналисты поехали встречать министров на парализованные стачкой аэропорты Орли и Бурже, дипломатов принимали на военном аэродроме Бретини. С политическими проблемами конференции дело обстояло сложнее. Весь смысл и парижского соглашения и международной конференции в том, чтобы добиться прочного политического урегулирования во Вьетнаме и навсегда исключить применение вооруженных сил как способа решения политических вопросов.

«Пример соглашения по Вьетнаму служит свидетельством того, что ныне, в условиях изменившегося мира, самые спорные, самые трудные проблемы могут быть решены за столом переговоров»,— заявил в Париже министр иностранных дел СССР А. Громыко. Он подчеркнул, что «в настоящее время ключевым вопросом является необходимость своевременного осуществления сторонами статей и положений парижского соглашения».

В том же духе высказались и другие участники конференции. Однако в речах иных представителей западных стран мы слышали неко-

На землю Вьетнама пришел мир. **Фото ТАСС.**





торые «но», с помощью которых пытались затуманить искусственно нагнетенными трудностями перспективы Парижской конференции.

Третий день ее работы стал днем «дорожного инцидента на половине пути». В до крайности автомобилизированном Париже уже привыкли, что автомобильная терминология часто упоминается в разговорах и текстах, не имеющих к средствам передвижения ни малейшего отношения. В тот день пленарного заседания конференции не было, и мы, журналисты, жили в тревожной атмосфере «просачивающихся» из кругов американской делегации слухов: якобы в связи с нарушением правительством ДРВ сроков освобождения очередной группы американских военнопленных делегация США может чуть ли не отказаться от дальнейшего участия в работе конференции.

Кое-кто из журналистов дал в тот день тревожные заголовки со словами «Ультиматум», «Тупик конференции»...

На следующий день после созыва по инициативе делегаций ДРВ и ВРП РЮВ совещания министров иностранных дел четырех сторон, подписавших парижское соглашение, последовало заявление представителя американской делегации о том, что они приехали на конференцию «не для того, чтобы стать свидетелями ее провала». А торопливые коллеги-журналисты оправдывались тем, что «поддали тревоги и сенсационности, лишь бы заполнить пустой день». Однако авторы этой «журналистской хитрости» попали в смешное положение. Ведь назавтра они же сообщали об успешном окончании работы редакционного комитета и парафировании заключительного документа конференции. Через день счастливчики, получившие специальные пропуска в основной зал Чести, а остальные в помещении для прессы по внутреннему телевидению наблюдали процедуру торжественного подписания Акта международной конференции по Вьетнаму. Этот документ закрепил в международном плане результаты парижского соглашения, подтвердил основные национальные права вьетнамского народа — независимость, суверенитет, единство и национальную целостность Вьетнама.

«Соглашение, достигнутое в Париже,— итог тяжелой и мужественной борьбы вьетнамского народа против агрессии, торжество правого дела, реализма и разума,— говорил в своем выступлении на конференции министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.— Оно стало возможным прежде всего благодаря героическим усилиям самого вьетнамского народа, с которым не могли не быть солидарны все, кому дороги идеалы свободы и независимости».

Все, кому дороги эти идеалы, с радостью встречали успешное завершение международной конференции по Вьетнаму. Даже те, кто в день подписания Акта практически вновь расписался в своем поражении, выражали, по крайней мере внешне, удовлетворение.

Недовольный, мрачный и раздраженный, как и месяц назад, садился в «ситроен» только министр иностранных дел сайгонской администрации. При подписании соглашения в январе его освистали собравшиеся на авеню Клебер манифестанты, и он заявил тогда протест французским властям. Ныне он внес свою ложку дегтя в атмосферу общей удовлетворенности, заявив, что, несмотря на подписи под заключительным Актом конференции (в том числе и его собственную), он все же недоволен ее результатами и продолжает считать сайгонскую администрацию «единственно законной властью» в Южном Вьетнаме. На протест по поводу освистания сайгонского министра французские власти в свое время ответили официальным извинением. Ныне же сайгонский представитель вынужден был удовлетвориться лишь тем, что поставил свою подпись под Актом на другом листе, отдельно от представителей ДРВ и ВРП РЮВ.

На огромной доске объявлений в пресс-центре конференции появилась под вечер сделанная кем-то карикатура на сайгонского министра. «Чего добился Сайгон?—написал мелом неизвестный шутник. И ответил:— Не только на деле, но и на бумаге представитель Сайгона отделил себя от народа Вьетнама. И лишний раз доказал, что существуют люди, которым не хватило ни тридцати лет войны, ни тридцати дней мира, чтобы понять и осознать реальности сегодняшнего дня».

Париж, по телефону.

ПУТЬ К МИРУ В ЕВРОПЕ



Лев ВОЛОДИН

В послевоенной истории Европы нынешний год, несомненно, оставит особый след. Европейские государства подходят к решению главной проблемы континента — созданию прочной и надежной системы безопасности. Эта важная и ответственная работа уже переведена на практические рельсы: в Хельсинки проходят многосторонние консультации по подготовке общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества. Представители 32 государств Европы, а также США и Канады, ведут переговоры с целью определить сроки и место проведения общеевропейского совещания, состав его участников, повестку дня.

В начале февраля участники многосторонних консультаций приостановили на две недели пленарные заседания, которые сейчас возобновлены. В хельсинкском зале «Диполи» вновь ведутся дискуссии по конкретным вопросам подготовки общеевропейского совещания.

Уже сам факт проведения многосторонних консультаций расценивается в широких кругах европейской общественности как первостепенное политическое событие. Обозреватели в разных странах неоднократно подчеркивали деловой и конструктивный характер переговоров на многосторонних консультациях. Уже выявилась общность точек зрения на такой важный вопрос, как первоочередность обсуждения проблем на общеевропейском совещании. Все участники консультаций согласны с тем, что предстоящее совещание должно начать свою работу с обсуждения проблем европейской безопасности.

По общему мнению, многократно высказываемому в Хельсинки, сближению позиций разных стран особенно способствовала позиция Советского Союза, который внес на рассмотрение участников консультаций уточненный проект повестки дня совещания и проекты заданий для комиссий. Представителями Польши, Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Франции, Швеции советские предложения были расценены как важный шаг, направленный на скорейшее достижение согласия.

Таким образом, первые этапы конкретной подготовки общеевропейского совещания убеждают, что при конструктивном и реалистическом подходе можно плодотворно продвигаться вперед в решении насущной проблемы европейского континента — укрепления безопасности и развития сотрудничества всех его государств. И если беспристрастно взглянуть на сложившуюся обстановку в Европе, которая прежде всего характеризуется продолжающимся процессом разрядки напряженности, то легко увидеть, что нет никаких объективных причин, препятствующих скорейшему созыву общеевропейского совещания. Наоборот, реальность наших дней лишь подтверждает ту уверенность, которая была выражена на XXIV съезде КПСС: Европа может и должна стать континентом прочного мира, образцом мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

События последнего времени наглядно иллюстрируют, насколько глубоко пустили корни в жизнь европейского континента принципы мирного сосуществования. Они стали плодотворной основой для отношений между государствами разных политических и социальных систем, способствуя их взаимовыгодному сотрудничеству во многих областях. Об этом свидетельствуют улучшение отношений между социалистическими странами Европы и ФРГ, расширяющееся сотрудничество СССР с Францией, успешное развитие связей и контактов с Финляндией, Италией, скандинавскими странами.

Все это не может не поставить в повестку дня европейской политики вопрос о качественно новом этапе перехода от двусторонних связей на основе принципов мирного сосуществования к многостороннему сотрудничеству в интересах мира и безопасности народов континента. Именно этой цели призвано служить общеевропейское совещание, и потому так настойчиво в широких политических кругах звучит призыв не откладывать его созыв в долгий ящик, а в кратчайшие сроки закончить все, что связано с его подготовкой. Советский Союз, со своей стороны, выдвинул совершенно четкое предложение: провести общеевропейское совещание в конце июня нынешнего года в Хельсинки.

Конечно, в Советском Союзе, других социалистических странах в полной мере сознают, что противники европейской безопасности, стремящиеся возродить на континенте дух «холодной войны» отнюдь не сложили своего оружия, хотя и вынуждены уступать одну позицию за другой. Некоторые из деятелей стран НАТО пытаются загрузить повестку дня общеевропейского форума таким комплексом вопросов, которые лишь осложнили бы его успешное проведение. Мысль не хитрая — раз уж нет возможности сорвать совещание, то следует закрутить в один узел такие проблемы, каждая из которых требует самостоятельного и глубокого рассмотрения. Естественно, такая позиция крайне далека от подлинной заботы о судьбах Европы и может лишь нанести ущерб европейским народам, интересам всех государств континента.

«Конечно, предстоит еще немало потрудиться, чтобы надежно закрепить тенденцию к миру, безопасности и сотрудничеству,— подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в своей речи на торжественном митинге в Праге в честь 25-летия февральской победы.— Если говорить о Европе, то и здесь нужно еще решить ряд сложных проблем, чтобы навсегда изгнать с континента сам дух «холодной войны».

...Дипломаты в «Диполи» продолжают конкретное рассмотрение организационно-процедурных вопросов подготовки общеевропейского совещания. Им потребуется немало усилий, доброй воли, дипломатического искусства, чтобы преодолеть различия в позициях, найти взаимоприемлемые формулировки и быстро завершить свою работу. Предыдущий опыт со всей убедительностью показывает: дорога вперед открыта. Главное сейчас — сосредоточить усилия на вопросах, объединяющих все европейские государства, на том, что является для них общим. Такой подход, несомненно, позволит в скорейшие сроки завершить консультации 34-х в Хельсинки и перейти к созыву самого общеевропейского совещания.

Вязьма 1973 года...

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

ВЯЗЬМА ВЕСНОЙ 1973-го...

...Сейчас в этом городе празднично и по-весеннему солнечно. Приехало много гостей. Празднует старая русская Вязьма тридцатилетие своего второго рождения.

Когда я думаю о том, как, наверное, нарядно и весело сейчас на улицах Вязьмы, мне вспоминается разговор с Дмитрием Петровичем Романовым, седым человеком, с которым мы познакомились в местном краеведческом музее незадолго до праздника.

— Он принимал город в 1943-м, — сказал о Романове секретарь городского комитета партии Николай Иванович Щедров.

Мы прошли с Дмитрием Петровичем в тот музейный зал, где на стендах и витринах собраны поблекшие фотографии и вырезки из газет тридцатилетней давности, потертая на сгибах военная карта, ржавые осколки мин и многое, многое другое, что продолжает жить с нами памятью о Великой Отечественной войне.

Дмитрий Петрович стал тогда первым председателем горисполкома. И вот он вспоминает и неторопливо рассказывает о том, как оживал город:

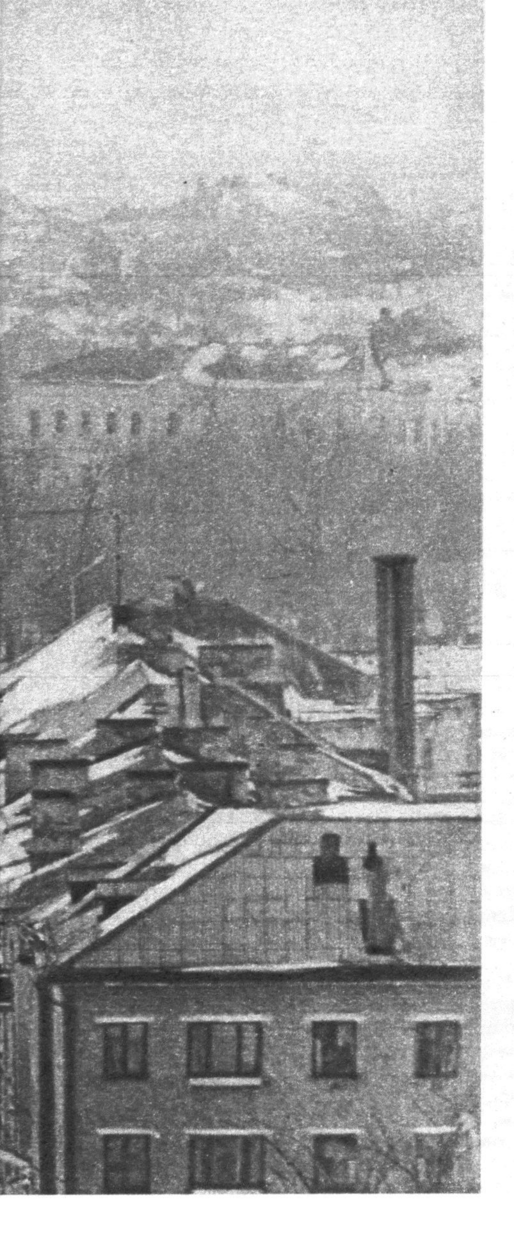
— С чего ж начать?.. Со строительства... Расчищали завалы, собирали гарь и разный хлам, годный для того, чтобы накрывать землянки... Прислали нам триста ребятишек-фэзэушников в помощь. Старик столяр Пименов мобилизовал своих сверстников, распределили они между собой ребят, стали вроде бригадирами. Событием было, когда на улице Ленина восстановили первый жи-



Машинист Борис Алексеевич Болотин.



1943 год. Вязьма...



Их рабочее место — высота. Монтажники бригадир Григорий Шитько, Алек Григорьев.

лой дом! Работали всем миром. Потом свет появился: наш механик Александр Федорович Федоров с двумя своими сыновьями соорудили движок. Слабый был движок. Однако вскоре из Рыбинска прислали нам шестисотсильный. Потом заработал водопровод. Это Павел Николаевич Воронцов собрал своих друзей-сантехников. Дневали и ночевали в насосной — пустили воду! К осени открылась школа. Была одна учительница, Александра Николаевна Ерохова, был один учебник на троих...

Два поколения вяземских граждан собрались на киносъемку в предпраздничный день. Деды и внуки. У входа в краеведческий музей города, богатый интереснейшими экспонатами, археологическими и историческими, есть короткая надпись, из которой ясно, что этот музей собран и создан учениками 5-й средней школы под руководством заслуженных учителей Российской Федерации П. М. Заворина и С. И. Борисова.

— Была сначала маленькая комната в школе, потом стало очень тесно, выделили еще две. Ребята сразу после войны стали собирать экспонаты по родному краю. Пантелеймон Михайлович и Степан Ильич ходили со старшеклассниками в походы, устраивали даже археологические раскопки. Знаете, мы с тех еще пор ведем переписку с десятками людей. Сколько стало друзей у нашей школы! Слышали вы, например, что в Югославии живет Вязьма? Это женщина. Когда она была еще грудным ребенком, фашисты убили ее мать. Девочку нашли около мертвой партизаны. Как назвать? В это время кто-то прибежал с вестью, что советские войска освободили город Вязьму. Так и решили назвать девочку! Мы переписываемся с ней, она живет в Загребе. Частые гости у нас родные генерала Михаила Григорьевича Ефремова. Вы, конечно, видели на площади памятник ему?..

Обо всем этом нам рассказывала Тамара Коровкина, пионервожатая. Разумеется, мы видели на центральной площади города памятник герою-полководцу. По замыслу автора, скульптора Е. В. Вучетича, командующий 33-й армией М. Г. Ефремов запечатлен в то мгновение, когда, смертельно раненный, истекающий кровью, он указывает своим солдатам путь вперед. Военные историки будут, вероятно, еще не раз обращаться к подвигу высокой воинской доблести, совершенному тридцать лет назад советскими солдатами на Ржевско-Вяземском плацдарме.

Мы идем улицей жилого городка железнодорожников, направляясь в Вяземское локомотивное депо. Сегодняшний город, в сущности, весь состоит из таких вот рабочих, новых городков — текстильщиков, машиностроителей, железнодорожников...

Депо в Вязьме славно своими революционными традициями. В октябре 1917 года здесь был создан большевиками революционный комитет, провозгласивший Советскую власть. В мае 1919-го большевики депо провели свой первый коммунистический субботник, один из тех, о которых писал В. И. Ленин в своей работе «Великий почин».

Борис Алексеевич Болотин — коренной вяземский житель, потомственный железнодорожник. Дед и отец были машинистами.

— Этим человеком мы все гордимся,— сказал Владимир Иванович Максимов, секретарь партийного комитета Вяземского ордена Трудового Красного Знамени локомотивного депо.— Он у нас вроде как олицетворяет преемственность традиций коллектива...

Водил машинист поезда точно по графику, без происшествий. Когда же грянула война, совершил подвиг, который сам-то он называет просто: выполнением задания. В сущем аду работали железнодорожники Вяземского узла в те дни и ночи, когда враг рвался к Москве. Гитлеровцы непрерывно бомбили узел. В такую пору получил машинист Болотин задание доставить в Смоленск состав с горючим. Четверо суток длился беспримерный рейс. Вражеские бомбардировщики изрыли воронками пространство по обе стороны пути эшелона. Какое же надо было иметь мастерство, какое бесстрашие, чтобы в этом огненном смерче довести состав! Орденом Ленина был награжден Борис Алексеевич за тот рейс.

Сегодня Болотин — ударник коммунистического труда, правофланговый пятилетки. Трудовой коллектив вяземских железнодорожников, его ветераны и его молодежь намерены к 25 декабря выполнить свои обязательства, взятые на третий, решающий год девятой пятилетки, что перевезут они сверх нормы миллион тонн народнохозяйственных грузов.

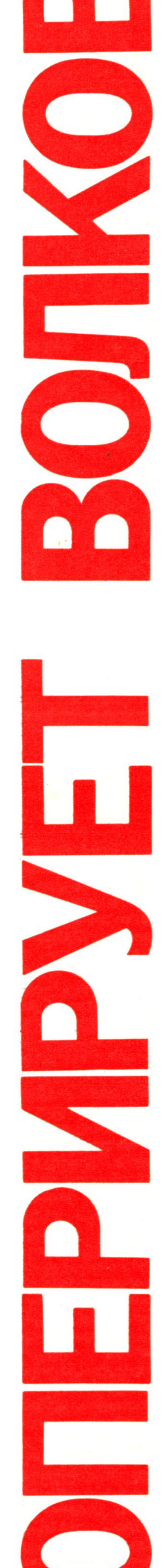
Вязьма 1973 года...

Многое пережил, многое испытал этот небольшой, но славный русский городок! Люди всех краев великой советской земли — солдаты, партизаны, рабочие, колхозники — по зову партии, не жалея крови и пота, дружными усилиями отстояли его в тяжелых боях, отняли у лютого врага, помогли встать из пепла и вдохнуть новую жизнь.

А жители Вязьмы — ветераны и молодежь, сохранили и приумножили то, чем всегда славился их родной город, — самобытность, истинно русское хлебосольство, душевную теплоту...

Ветеран войны полковник Афанасий Матвеевич Астапенко.





Владимир ПАВЛОВ

Долго и тщательно, в двух растворах, профессор моет руки. Осторожно расправляя каждую складку, медсестра натягивает на них тончайшие резиновые перчатки и повязывает на лицо профессора марлевую маску.

Сейчас профессор «неприкасаемый». Задавать ему вопросы бесполезно: он не отвечает либо ограничивается несколькими непонятными терминами.

Таким необщительным я вижу Мстислава Васильевича Волкова впервые. А знаю его много лет, еще совсем молодым. Еще до того, как он стал директором и заведующим детской клиникой ЦИТО [1], главным травматологом страны, действительным членом Академии медицинских наук, председателем ученого совета Минздрава СССР, лауреатом Государственной премии...

Время профессора Волкова рассчитано по минутам, и все-таки его хватает на все. И на общественную деятельность — он вот уже третий созыв депутат Моссовета. И на то, чтобы писать монографии и научные статьи, читать лекции и даже рисовать: Волков — неплохой художник.

А ежели встретитесь с ним, убедитесь еще и в том, что профессор — остроумный, обаятельный собеседник.

— Я довольно долго был деканом факультета и секретарем парткома Второго московского мединститута,— сказал мне однажды Волков.— Партия учит нас организаторскому мастерству. И, конечно, учит не терять времени даром... Но главное для меня — лечить детей!

Теперь вы понимаете, почему я вместе с профессором Волковым оказался в операционной детской клиники ЦИТО и почему нисколько не удивляюсь его сегодняшней замкнутости и отрешенности.

— Как бы ни был опытен хирург, каждая операция — шаг в неизведанный мир,— говорил мне Волков.— Никакая диагностика не предскажет всех неожиданностей, которые поджидают его. Я просто не позволяю себе взяться за скальпель, если чем-то озабочен, не могу сосредоточиться. Операция как поиск разведчика: малейшая рассеянность, крохотное упущение могут стать роковыми...

В операционной много людей. Ассистент — профессор В. Л. Андрианов, анестезиолог-реаниматор доктор Р. Б. Франтов, рентгенолог, электрики, радиотехники, механики во главе с инженером по ультразвуковым инструментам и оборудованию И. И. Гореловым, медсестры. И еще два человека из ЦНИЛ [2] колдуют в углу, у облицованной голубым кафелем стены, над каким-то аппаратом, назначение которого я узнаю позже, во время операции... Здесь, в операционной, сейчас все подчинено единственному — предстоящему сражению с болезнью. Мне передается тревожная напряженность участников этого сражения, без суеты, но споро завершающих последние приготовления к операции. Операция сложная: некоторые ее элементы профессору Волкову и его коллегам сегодня придется выполнить впервые в хирургической практике.

Я рассматриваю развешанные на светящихся экранах, в специальных держателях, рентгеновские снимки детской руки. Даже моему неискушенному глазу видно, что рука эта поражена тяжким недугом: начиная от сустава плечевая кость утолщена чуть не втрое, на ее поверхности — черные, извилистые волоски трещин. В истории болезни, что лежит тут же, под снимками, на специальном столике, читаю: Надя К., 14 лет, из Белоруссии. Мать — колхозница, отец — тракторист. Диагноз: остеобластокластома (гигантома) — опухоль, превращающая кость в труху.

В операционной появляется каталка — привезли больную. Ее осторожно перекладывают на операционный стол.

Врач-анестезиолог подносит к губам Нади наконечник трубки, подающий закись азота, и щелкает тумблером на пульте анестезирующего аппарата.

— Спи, маленькая, спи,— тихо и ласково говорит Волков; он стоит наготове у изголовья девочки.— Дыши глубже... Ну, раз, два, три...

— Я не хочу спать!— шепчет Надя и тут же засыпает.

Сестра освобождает из-под простыни ее правую руку и аккуратно наклеивает на нее прозрачную стерильную пленку, предохраняющую операционную рану от инфекции.

— Нож!— командует Волков. В пальцах его взблескивает хирургический скальпель.

Всматриваюсь в лицо профессора — оно совершенно спокойно. Лишь отвердевшие губы и особая, появившаяся в последний момент точность движений выдают внутреннюю собранность. На пленке и на нежной коже девочки пролегает разрез. Операция началась...

Каждый хирург у операционного стола ведет бой за жизнь и здоровье больного. Детский же, кроме того, отстаивает частицу будущего человечества. Волков осознал эту истину на фронте.

Первые же научные работы будущего профессора, которые он выполнил после окончания института под руководством выдающегося советского ученого С. Д. Терновского, были посвящены общей детской хирургии, ортопедии и лечению детских травм. Темой своей кандидатской диссертации он избрал «ампутацию конечностей у детей». И еще в то время Мстислав Васильевич совершал операции, на которые решались не многие хирурги. По сей день он получает письма от своих, давно уж ставших взрослыми маленьких пациентов, в которых они благодарят за избавление от тяжкого недуга — врожденного вывиха бедра. Многих врачей обучил он этой, некогда редкой операции — нынче ее делают в любом областном центре страны. Да и хирургическое вмешательство требуется далеко не всегда. Если заболевание обнаружено у грудного ребенка, специальный корсет, изобретенный Волковым, водворит кости на место, и человек до конца своих дней так и не узнает, что ему грозили костыли.

А операция продолжается. Отделены мягкие ткани, обойдены крупные сосуды и нервные стволы, осторожно отвернута вверх и вниз не тронутая опухолью нежная ткань надкостницы. В пальцах Волкова — обнаженная плечевая кость. Теперь уже не на снимке, а воочию я вижу последствия разрушительной болезни. От малейшего нажатия кость мнется, как теплый воск. Под лопнувшей и изъеденной во многих местах, тонкой, словно бумага, уцелевшей костной тканью обнаруживается рыхлая масса разросшихся клеток гигантомы.

— Пилу!— приказывает профессор.

Нет, это не обычная хирургическая пила. Большинство инструментов, которыми пользуется Волков, приводится в действие ультразвуком. Вот они лежат на отдельном столике, рядом с отвертками и гаечными ключами, удивительными здесь, в операционной. Целый набор ультразвуковых пил, долот и даже сварочный аппарат: Волков первый освоил ультразвуковую сварку кости у детей!

В руке у профессора — ребристый, напоминающий миниатюрный отбойный молоток корпус ультразвукового аппарата. Из корпуса торчит насадка — тонкий стерженек, на конце — небольшая, с ноготь, зубчатая пластинка.

— Плюс!— произносит Волков.

Электрик поворачивает ручку дистанционного управления. Доносится чуть слышное жужжание. На поверхности кости появляется ровный и тонкий пропил. Еще один такой же — и пораженная опухолью часть отделена... В другое время профессор сделал бы пропилы выше, захватил бы побольше здоровой ткани: нельзя допустить, чтоб в кости осталась хоть единая клеточка гигантомы, которая в этом случае может снова разрастись. На сей раз он этого не делает: оставшиеся клетки опухоли будут уничтожены иным, новым путем... Вот тут-то и вступает в действие до того непонятный аппарат, который принесли сотрудники ЦНИЛ — доктор медицинских наук А. А. Писаревский и его коллега кандидат наук С. В. Войтына. Конец длинного пластмассового шланга, идущего от аппарата, несколько раз обматывают вокруг кости, и по шлангу струится жидкий азот. Теперь можно с уверенностью сказать: холод убил уцелевшие опухолевые клетки.

Острой ложкой долота-распатора профессор выскребает остатки замороженной опухолевой трухи и перекладывает в баночку — их предстоит исследовать в лаборатории.

— Вязанку хвороста!

«Вязанка хвороста» — тонкие лучинки (так лучше и быстрее идет заживление) стерильной донорской кости заменили вырезанный участок. В будущем эти лучинки, как и замороженная часть кости, будут отторгнуты организмом и рассосутся. Но до этого они сослужат службу матрицы, каркаса, по которому нарастет новая костная ткань.

Теперь надо скрепить лучинки, чтоб они не рассыпались, превратить в настоящую вязанку. Их можно связать кетгутом — специальной нитью, рассасывающейся в организме. Но профессор предпочитает более совершенный способ.

— Сварку!

Сестра подает ампулу с жидкой пластмассой — циакрином и маленький пузырек с живой костной стружкой.

Профессор насыпает на «хворост» стружку, смачивает ее циакрином и прикладывает сварочный наконечник...

Пусть читатель не думает, что хирургическая сварка сколько-нибудь похожа на ту, которую мы видим на заводах и стройках. Сварочная лопаточка нагревает смесь всего до 60 градусов. Этого достаточно для полимеризации и диффузии безвредной, легко растворимой сонами нашего тела и выводящейся за пределы организма его «канализационными» системами пластмассы — циакрина...

Профессор формирует аккуратный валик — сварной шов!— и накладывает еще один, такой же. Теперь «вязанка» скреплена прочно, не рассыплется.

— Шить!— командует Волков, и сестра вкладывает в его пальцы иглодержатель с кривой хирургической иглой.

Наконец рана зашита. Профессор с ассистентами и медсестрой накладывают гипс.

— Все!— роняет профессор, стягивая перчатки.— Теперь рентген. И покажите мне снимки!

Рентгенологи подкатывают к операционному столу рентгеновскую установку. А мы переодеваемся и идем в небольшую уютную комнатку заведующего детской клиникой, в которой профессор отдыхает после операции.

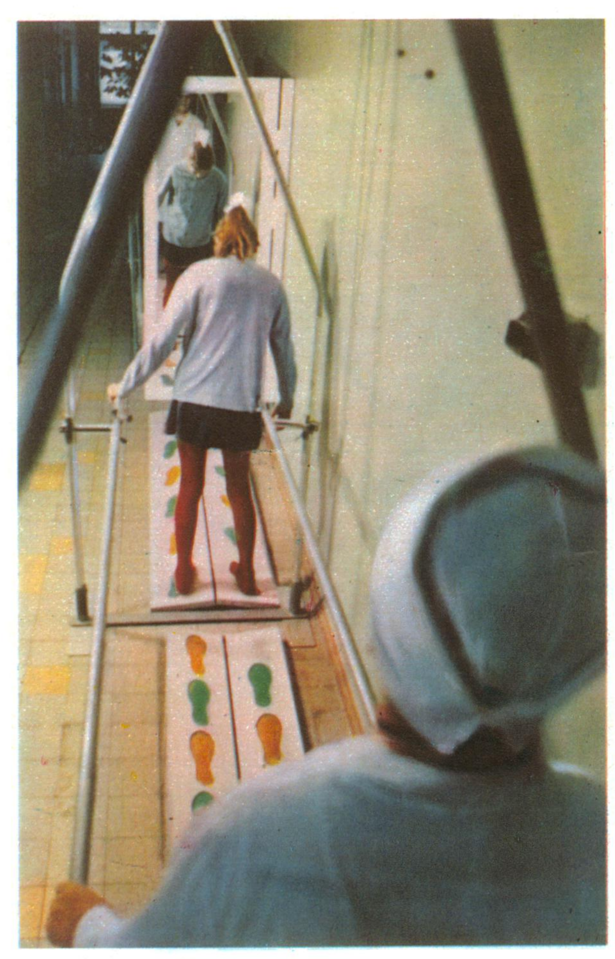
Волков усаживается в глубокое кресло под большим портретом профессора Терновского, которого сам, еще при жизни учителя, нарисовал углем с натуры, разливает кофе и снова превращается в обаятельного собеседника...

Сейчас, когда пишутся эти строки, Надя уже выписалась и уехала домой. Она здорова. Опухоль, грозившая оставить ее без руки, побеждена. И ее отец и мать вновь обретут счастье — видеть своего ребенка здоровым.

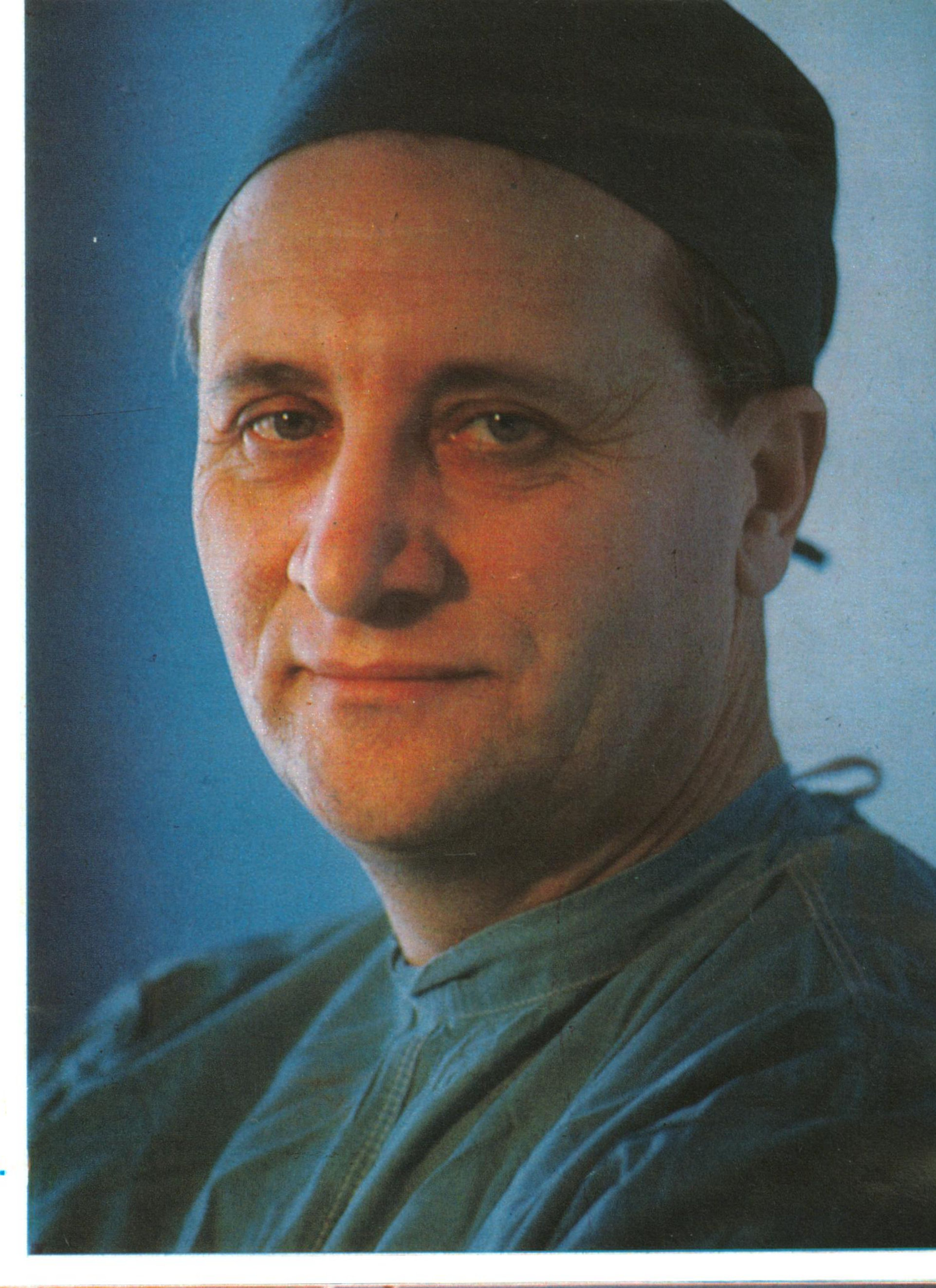
---

[1] ЦИТО — Центральный ордена Трудового Красного Знамени институт травматологии и ортопедии.
[2] ЦНИЛ — Центральная научно-исследовательская лаборатория Минздрава СССР.

Фото И. ТУНКЕЛЯ.



Нелегкая наука — ходить!





Академик М. В. Волков.



Операция—это сражение...



Детское отделение ЦИТО: здесь маленькие пациенты и лечатся и учатся.

СЧАСТЛИВЫЙ ТАЛАНТ

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. В. МИХАЛКОВА

Николай ДОРИЗО



Сергей Михалков вошел в нашу советскую предвоенную литературу, будучи еще совсем молодым поэтом, и, что бывает весьма редко, сразу же заявил о себе как о самобытном, неповторимом явлении.

Его небольшая по объему книга стихов для детей заняла свое прочное суверенное место рядом с книгами таких блистательных мастеров детской поэзии, как Чуковский и Маршак.

Кто не знает «Дядю Степу»? Кто из нас не знает стихи Михалкова «А что у вас?» — эти добрые, веселые стихи о мамах, которые всякие нужны и всякие важны. Стихи об упрямых, «принципиальных» баранах, не желающих уступить друг другу дорогу, стихи про изнеженного «Мимозу», про двух приятелей, живущих в одной квартире вместе со своими ужами, ежами, чижами, захватившими в полон весь дом. Стихи про Фому, который никогда и ничему не верил...

Эти стихи до сих пор популярны, как песни. Чтобы их цитировать, не надо обращаться к книге — они все на памяти, все на слуху. Достаточно сказать первые строчки:

Я приехал на Кавказ,
Сел на лошадь в первый раз, —

и любой человек — взрослый, ребенок — может продолжить эти стихи.

Детям эти стихи дороги как открытие мира. Взрослым эти стихи дороги как воспоминание о детстве, о его заветных красках и запахах, неизгладимых и незабываемых, всегда вызывающих светлую и чуть грустноватую улыбку души.

Довоенные дети — первые читатели этих стихов — давно стали папами и мамами, дедушками и бабушками, генералами и учеными, писателями, рабочими, хлебопашцами и космонавтами. А стихи не потускнели, не только не постарели, но даже не повзрослели, не потеряли с годами свое обаяние.

Стихи как люди. Красота их может постареть, обаяние не стареет никогда, порой самые красивые, сногсшибательные новаторские образы и сравнения с годами становятся старомодными, удивляешься, почему это считалось когда-то новаторством, рассчитанным на читателя будущих времен. А обаяние, казалось бы, простого пушкинского словосочетания: «Мороз и солнце; день чудесный!» — настолько сильно в наши дни, как будто вырвалось из-под пера сегодня, сейчас, только что, ни минутой раньше.

Стихи Михалкова обращены к детям. А сама тональность разговора с детьми, интонация этого разговора потребовали от поэта не изысканно-усложненных, псевдокрасивых образов (здесь фальшь их стала бы сразу очевидной). Чтобы ребенок понял поэта, с ним надо было говорить предельно просто, конкретно, увлекательно.

Порой поэт говорит с детьми от своего имени, говорит так, будто играет с ними в умную, волшебную игру. Уважая в ребенке личность, он не теряет взрослой серьезности, однако при этом становится сам как бы чуть-чуть ребенком. Святая наивность свойственна лучшим образцам взрослой поэзии, стихам для детей просто необходима.

Но бывает и так, что поэт говорит от имени ребенка, точно чувствуя его психологию, особенности детской речи, и тогда отсвет обаяния детства ложится на стихи. Ведь нет ничего обаятельнее детства. Все дети обаятельны, только одни это обаяние теряют с годами, а у других, к сожалению, очень немногих, оно остается как непосредственность, душевная чистота, способность восхищаться повседневными жизненными радостями. Для того, чтобы писать стихи для детей, чтобы найти общий язык с ребенком, взрослому человеку, поэту надо обязательно обладать этими качествами. Сергей Михалков ими обладает. Он и в жизни очень похож на свои стихи.

В жизни люди говорят прозой, а не стихами. Но у настоящего поэта стихотворная речь звучит так естественно и непринужденно, как будто и в жизни он говорит только стихами, как будто это единственная речь, которой можно говорить:

Кто на лавочке сидел,
Кто на улицу глядел,
Толя пел,
Борис молчал,
Николай ногой качал.
Дело было вечером,
Делать было нечего.
Галка села на заборе,
Кот забрался на чердак.
Тут сказал ребятам Боря
Просто так:
— А у меня в кармане гвоздь.
А у вас?
— А у нас сегодня гость.
А у вас?

Здесь не чувствуешь никакой условности стихотворной речи. Как будто поэт не сочинял стихотворение, а просто взял и дословно застенографировал подслушанный им детский разговор. Даже не застенографировал, а включил магнитофон и записал этот разговор на пленку. Настолько явственно слышится живая детская речь во всех ее интонациях.

Сергей Михалков как настоящий поэт умеет увидеть в обыкновенном необыкновенное. И это качество роднит поэта с его детским читателем. Поэт и его детский читатель отлично понимают друг друга. Они как бы говорят на одном языке. Ведь ребенку более, чем взрослому, свойственно видеть в обыкновенном необыкновенное, удивляться, восхищаться всем тем, что нас окружает и к чему мы, взрослые, к сожалению, потом привыкаем с годами.

Оказывается, это очень интересно, как чинятся часы (стихотворение «Часы»), как ездят на велосипеде (стихотворение «Велосипедист»), как разговаривают по телефону (стихотворение «Телефон»).

Эти стихи о самых что ни на есть обыкновенных вещах написаны выпукло, увлекательно, как волшебная сказка.

Случалось ли вам когда-нибудь собирать с маленьким ребенком ягоды в лесу? Если случалось, то вы, видимо, обратили внимание, как зорко он высматривает любую крохотную ягодку, скрытую травой. Вам с высоты вашего роста она незаметна, а он ее заметит сразу.

Говорят, поэзия видит мир сквозь увеличительное стекло. Детство обладает таким же зрением.

Для маленького ребенка не гротеск, не преувеличение гигантский рост дяди Степы, позволяющий ему с тротуара дотянуться рукой до чердака горящего дома, открыть окошко и спасти голубей или снять змея с телефонных проводов, ибо любой высокий человек кажется ребенку великаном. Да к тому же этот добрый великан дядя Степа очень реален:

...Спать ложился дядя Степа —
Ноги клал на табурет.
. . . .
И того, кто ростом мал,
На параде поднимал,
Потому что все должны
Видеть армию страны.

Здесь все конкретно, привычно, убедительно. Здесь в необыкновенном ребенок видит обыкновенное. Ведь его отец, ложась спать, быть может, тоже кладет ноги на табурет и поднимает сына на параде.

Умение найти в обыкновенном необыкновенное, а в необыкновенном обыкновенное — чудесный поэтический дар Михалкова, очень тождественный психологии ребенка.

Сергей Михалков никогда не приспосабливался к детской психологии. Он с этим даром родился. Этот дар, дар детского поэта, помог ему найти себя и в другом жанре — жанре взрослой басни, которую он не только обновил, но и, я бы сказал, открыл заново в послевоенные годы.

Юмор, лукавство, сюжетность, емкость, сказочность и естественность повествования — все то, что свойственно его стихам для детей, определило характер басенной речи поэта.

В этом жанре Сергею Михалкову по праву принадлежит первое место. «Лиса и Бобер», «Лев и ярлык», «Заяц во хмелю», «Непьющий Воробей», «Морской Индюк», «Слон-живописец» — эти всем известные басни давно стали хрестоматийными. Подхалимы, глупцы всех мастей, завистники, себялюбцы, ханжи, перестраховщики, карьеристы высмеяны в баснях Михалкова зло, остроумно, изобретательно.

И, наконец, эти басни помогли поэту найти себя в жанре сатирической драматургии.

Если басни Михалкова всегда микропьесы, то его сценические миниатюры «Куракушка», «Ревизоры поневоле», «Паршивая овца», его сатирические комедии «Раки и Крокодил», «Памятник себе...» являются своеобразными баснями-притчами.

Поэт, оставаясь верным себе, своей манере, все время расширяет круг поиска, ему навстречу идут новые жанры. Многие годы не сходят со сцены детских театров его пьесы для детей «Сомбреро», «Красный галстук», «Чужая роль». Популярны в народе песни поэта.

Из года в год на экранах появляются фильмы, снятые по сценариям Сергея Михалкова.

О поэте написано немало критических статей, монографий, подробно анализирующих его работу в разных жанрах.

Сергей Михалков — явление, рожденное нашей советской эпохой, с которой он кровно связан всем своим существом. Имя его широко известно не только в нашей стране, но далеко за ее пределами.

Свою творческую работу за письменным столом он естественно и талантливо продолжает как большой общественный деятель, находясь во главе писательской организации России, редактируя общеизвестный сатирический киножурнал «Фитиль», выполняя множество больших и малых дел, нужных нашей партии, нашему народу.

Счастливый талант.

Аппаратчица Татьяна Сучкова.

СОРАТНИЦА ХЛЕ

Герой Социалистического Труда Владимир Максимович Колосов (в центре) с товарищами по бригаде Алексеем Шубиным и Иваном Матвиенко.

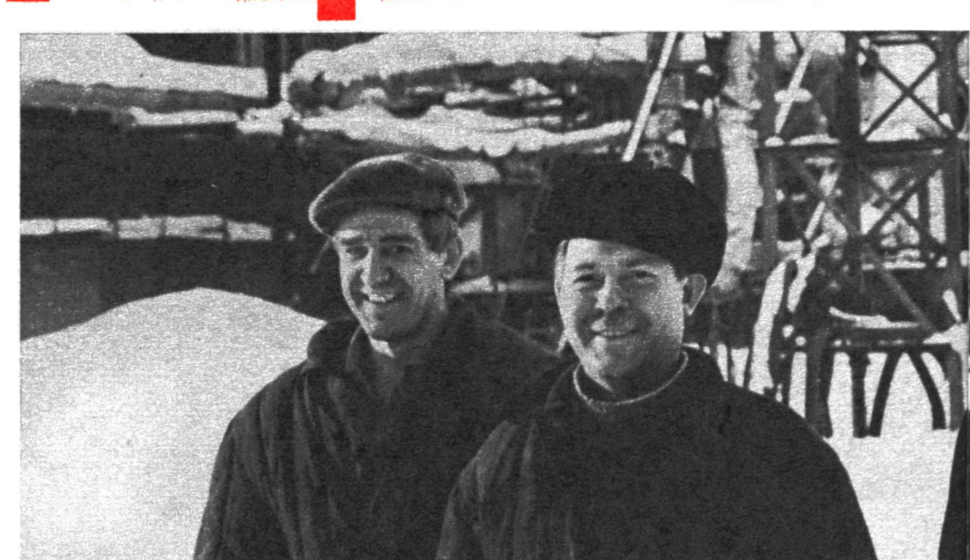
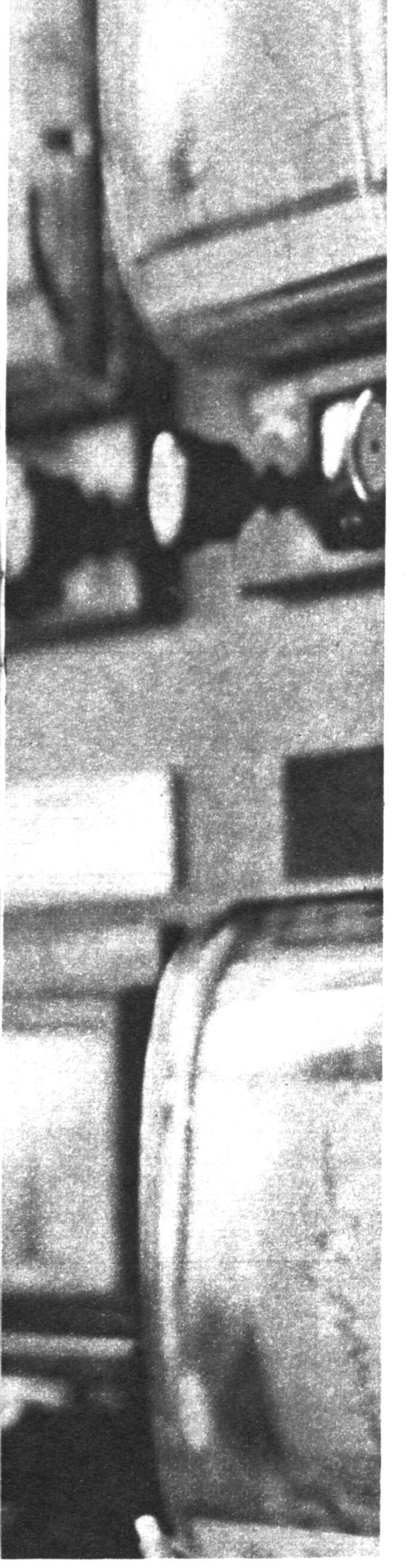


Фото А. ГОСТЕВА.



Беседа корреспондента «Огонька» Л. Семенова с министром химической промышленности СССР Л. А. КОСТАНДОВЫМ.

Вопрос. По данным специалистов Министерства сельского хозяйства, две трети прироста урожаев последних лет колхозы и совхозы страны получили благодаря применению минеральных удобрений. Не могли бы Вы, Леонид Аркадьевич, рассказать, как развивается производство таких удобрений?

Ответ. Следует, по-моему, начать с такого важного фактора: химическая индустрия уже более десяти лет в полтора раза опережает темпы развития нашей промышленности в целом. А так как на любом химическом предприятии мы, как правило, получаем не один целевой продукт, а сразу несколько,— то и производство минеральных удобрений зависит от темпа и качества работы всех предприятий целой отрасли народного хозяйства.

К концу девятой пятилетки сельское хозяйство страны будет получать по 75 миллионов тонн удобрений в год. При этом хотелось бы отметить, что доля СССР в мировом производстве химических удобрений возросла с 11,5 процента в 1960 году до 20 процентов в 1973-м. Впервые СССР не только по темпам, но и по абсолютному приросту превзошел здесь Соединенные Штаты Америки.

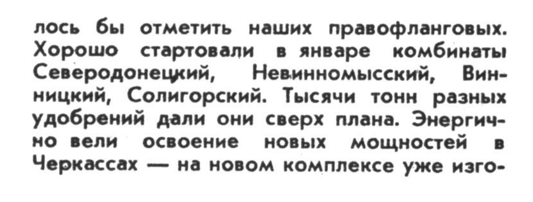
Вопрос. За счет чего это достигнуто?

Ответ. Во всех республиках построены и действуют современные предприятия химической индустрии. Такие гиганты большой химии, как Березниковский и Белорусский комбинаты, дают калийные удобрения не только нашему сельскому хозяйству, но и на экспорт в другие страны. Введены в строй крупные мощности азотных удобрений в Невинномысске, Новгороде. Ассортимент удобрений мы стараемся сочетать с потребностью земледельцев.

Вопрос. Как идет социалистическое соревнование трудовых коллективов, поставляющих минеральные удобрения?

Ответ. Химики чувствуют себя соучастниками борьбы хлеборобов за высокий урожай. И это находит свое отражение в обязательствах наших трудовых коллективов: интенсификация технологических процессов, увеличение выпуска концентрированных и сложных удобрений, высокоэффективных средств защиты растений. Хотелось бы отметить наших правофланговых. Хорошо стартовали в январе комбинаты Северодонецкий, Невинномысский, Винницкий, Солигорский. Тысячи тонн разных удобрений дали они сверх плана. Энергично вели освоение новых мощностей в Черкассах — на новом комплексе уже изго-

БОРОБА



...На Новокемеровском химкомбинате так грузят горы сульфата аммония.

товлены сотни тонн аммиачной селитры. Цехи, смены, бригады соревнуются здесь за досрочное — на месяц раньше — освоение новых мощностей. А трудностей и всяких неполадок много. Задерживают поставщики оборудования, в частности Новочеркасский завод нефтяного машиностроения.

Итоги января говорят о том, что соревнующиеся коллективы еще не используют все резервы — и технические и моральные — для того, чтобы с честью выполнить свой долг перед тружениками полей.

Справедливы претензии кубанских хлеборобов к узбекским химикам. Отгрузка аммиачной селитры Навоинского комбината в январе шла с перебоями. Сейчас принимаются все меры, чтобы узбекские химики могли войти в ритм и довести ежемесячную выработку минеральных удобрений до ста семидесяти тысяч тонн.

Отстают еще предприятия, поставляющие средства защиты растений. А там, где дела идут хорошо, где социалистическое соревнование носит деловой, конкретный характер, там порой рядом с теми, кто перевыполняет план, — бригады, смены, которые не справляются с дневной нормой. Такая картина наблюдается, например, на Солигорском комбинате. Его показатели в общем-то могут даже и порадовать. Но, к сожалению, есть там и отстающие рудоуправления.

Недавно министерство горячо поддержало очень живое, действенное, гласное соревнование смены цеха сложных удобрений — ею руководит опытный специалист Р. Мутигулин с Воскресенского химкомбината. Воскресенцы вызвали на соревнование украинских химиков — смену Т. Пискача с Винницкого комбината. Пока идут впереди украинцы. Но оба коллектива дают минеральные удобрения сверх плана.

Вопрос. Какое место среди соревнующихся занимает коллектив Новокемеровского комбината?

Ответ. Сибиряки достойно трудятся на благо урожая семьдесят третьего года. Но почему вас заинтересовал именно этот комбинат?

Вопрос. Дело в том, что наш фотокорреспондент А. Гостев недавно побывал на этом комбинате. Вот его фотографии. Не могли бы Вы прокомментировать их?

Ответ. Снимки фотокорреспондента «Огонька» еще раз подтверждают ту особенность химического комбината, о которой я говорил в начале беседы: производство удобрений зависит от того, сколь успешно будет осваиваться выпуск основного продукта. Вот, скажем, эта фотография... Колонны, агрегаты... Здесь рождаются не удобрения, а капролактам, из которого, как известно, делают мужские сорочки, рыболовные сети, прочный каркас для автомобильных шин, техстропные ремни. А отходы этого производства — пища полей. Несколько вагонов сульфата аммония, столь нужного хлеборобам, ежесуточно отгружают сибирские химики. За счет интенсификации производства сверх плана новокемеровцы намерены в 1973 году дать стране дополнительно 40 тысяч тонн минеральных удобрений. И, судя по итогам января, этот коллектив сдержит свое слово. Что же еще сказать о снимках? Мне приятно было увидеть портреты передовых людей комбината, о которых я много слышал... И монтажника — это одна из главных в химии профессий — Николая Крапиву, и аппаратчицу Татьяну Сучкову, и Героя Социалистического Труда Владимира Максимовича Колосова — от его бригады, занимающейся ремонтом агрегатов, многое зависит...

Порадовали фотографии, запечатлевшие сибиряков на отдыхе. Это заслуженный отдых людей ударного труда. К сожалению, не везде руководители предприятий понимают, что забота о хорошем отдыхе рабочих — это забота и о высокой производительности их труда, а значит, и забота об урожае семьдесят третьего года. Мы никогда не забываем меру своей ответственности за него.

Зимний производственный пейзаж.



Виктор Баянов водит тепловозы. Он машинист железнодорожного цеха Новокемеровского химкомбината.

Хорошо в лесу на лыжах! Молодые рабочие химкомбината Зинаида Фомичева и Анатолий Солод.





Прекрасны окрестности зимней базы отдыха Новокемеровского химкомбината.

Евг. ЕВТУШЕНКО

БЛОКОВС

* * *

С. Лесневскому.

Взойдите те, кто юн,
на блоковский валун,
и каждым вдохом кожи
почувствуйте, как дрожь
охватывает рожь,
и станьте частью дрожи.

Как, выгорев, мертва
без трепета трава
и жалко вековует,
то, как ни мельтеши,
без трепета души
душа не существует.

В стране такой большой
жить с крошечной душой
несоразмерно слишком.
Быть русским — не медаль,
а внутренняя даль,
где голос предков слышен.

Кто предал связь времен,
пусть будет заклеймен
на блоковском граните,
и если прервалась
хоть в чем-то эта связь,
мы — узелок на нити.

Есть завтра во вчера,
и эти клевера,
и поле бранной сечи,
и древние холмы —
все это тоже — мы,
но лишь без дара речи.

И надо нашу речь,
как дух страны, беречь,
как эту землю, воду.
Нельзя поганить слог,
которым Пушкин, Блок
восславили свободу.

А если всходит лгун
на блоковский валун,
пусть устыдится, что ли,
разлитой в небесах,
в оврагах и лесах
просящей слова боли.

Есть лживенькая мысль:
нет дали — только близь,
но если мы страдали,
в самом страданьи есть
несдавшаяся честь
и ощущенье дали.

Взойдите те, кто юн,
на блоковский валун,
но там не балаганьте.
Отдав предтечам дань,
в себя вдохните даль
и частью дали станьте.

Кто нам в награду дал
такую ширь и даль?
Просторы вековые,
над избами дымы...
Россия — это мы,
когда мы даль России.

МАЛЕНЬКАЯ ЖЕНЩИНА

Маленькая женщина, вперед!
Верь своим трепещущим комочком
не в корысть, не в злобу, не в порок,
а хотя бы просто этим строчкам.



Маленькая женщина, вперед!
Верь в монетку золотую чью-то,
спрятанную вовсе не в пирог —
в черный хлеб, как в черствое, но чудо.

Маленькая женщина, вперед!
Награди природу своим сыном.
Пусть его душа твою вберет,
и тогда он будет самым сильным.

Маленькая женщина, вперед!
Ты — мужчины своего защита.
С женщин начинается народ.
В женщине душа народа скрыта.

ПУШКИН

Непредставима жизнь без Пушкина.
Она без Пушкина — вдова.
Пока душа не обездушена
и Пушкин в ней — душа жива.

Что толку просто быть писателем?
Он, скипетр перышка держа,
был той державы основателем,
чье имя — русская душа.

Не станьте роботами лживости,
чтоб не исчезнули совсем
черты его мятежной живости,
пииты века ЭВМ.

Светясь над Павками Корчагиными
и космонавтами, парит
тот профиль с чудными курчавинками
и столько сердцу говорит.

Когда обступит пошлость модная
и среди всякой суетни
ты мертвый сам и пишешь мертвое,
вздохни и Пушкина вдохни.

И звуки вновь нахлынут лирные...
К тебе, сегодняшний пиит,
с живой водою нехлорированной
с кувшином охтенка спешит...

СЫН И ОТЕЦ

Ребенок, будь отцом отцу —
ведь твой отец ребенок тоже.
Он хочет выглядеть построже,
но трудно — видно по лицу.

Тебе читает книгу он
про Маугли и про Шер-хана,
но в нем самом — за раной рана,
он еле сдерживает стон.

Ребенок, слезы отложив,
утешь отца игрою шумной,
когда, вернувшийся из джунглей,
отец не верит в то, что жив.

Не оскорби из баловства
своим ребячьим произволом,
своим бесчувствием веселым
твое наследство — боль отца.

БУДЬ ЧЕЛОВЕКОМ

В горькой просьбе
«Будь человеком!»
друга
или жены

КИЙ ВАЛУН

разве ты не прочел ответа,
как мы жить
должны?
Ты на нечеловечество мира
оглянись:
вот над атомной кнопкой —
микро-
организм.
Под микробными знаками свастик
и другими знаками злоб
вновь какой-нибудь головастик
вдохновляет
амеб.
Страшно, если ты,
современник,
в мире бомб
и пуль
не поднялся еще с четверенек,
даже сев
за руль.
Мать готовит,
стирает сыночку,
но напрасная честь:
сквозь нейлоновую сорочку —
питекантропа шерсть.
Из распутства,
из пьянства,
из мата
протоплазмой концлагерей
зверство лезет
угрюмо,
космато —
недостойное, впрочем, зверей.
Зверство ходит,
клыков не щеря,—
воспиталось оно.
Телевизор в электропещере —
вот его лжеокно.
Тянет горестным чадным ветром.
Людям шепчет пожарищ дым:
«Не рождаются человеком,
а становятся им!»
И тоскуют о человеке
лес редеющий,
черный снег,
дождь отравленный,
мертвые реки
да и сам человек...

ГОРНАЯ ДОРОГА

К. Гердову.

Куда мы торопимся, Костя,
маджари едва пригубя?
Мы к небу торопимся в гости —
я правильно понял тебя?

В горах ни корысти, ни гневу
нет места — все небом полно.
А вдруг мы понравимся небу
и нас не отпустит оно?

Идем, как по бывшим державам,
по скалам, где плеск родника,
по листьям, как будто по ржавым
доспехам солдат Спартака.

Идем по пронесшимся бурям,
по грудам литых желудей,
как будто по замершим пулям,
когда-то летевшим в людей.

Кто принял историю мира
в свою негигантскую грудь,
того навсегда распрямило,
того никому не согнуть.

Подумаем, Костя, о вечном
над палыми листьями лет.
Пусть мужество будет беспечным —
а хитрого мужества нет.

Вся хитрость Язона от рабства.
Нет неба в таком везуне.
До неба тому не добраться,
кто слишком хитер на земле.

А мы предпочли без обиды
под юное это вино
руну золотому Колхиды
простого барашка руно.

Нет женщин вернее дороги.
Нам с нею прекрасно втроем,
мы, словно античные боги,
ее за собою ведем.

Дорога и двое сильных —
великий триумвират.
Но с нами в сандалиях пыльных
идут и Платон и Сократ.

А может быть, и мушкетеры,
и даже булгаковский кот,
и тот незабвенный, который
со всеми идет, кто идет.

И дикое яблоко ловко
мне в руку летит, и — в руке
с притихшею божьей коровкой
на влажной зеленой щеке...

* * *

Как бы я в жизни ни куролесил,
весел-невесел,
трезв или пьян,
где-то в Непале
или в опале —
как ни взлетел бы я,
как бы ни пал,
как бы молиться судьба ни велела,
нету молитвы другой у меня:
«Только бы,
только бы ты не болела,
только бы,
только бы не умерла...»
Если на улице вижу больницу,—
мысль о тебе,
будто нож под ребром.
Кладбищ нечистая совесть боится.
Местью грозят:
«Мы ее отберем!
В тех, кто любимых пытает,—
нет бога.
Смерти страшней
истязанье твое.
Пусть отдохнет.
Ее спрячем глубоко,
чтобы ты больше не мучил ее!»

«Жизнь! —
воззываю всей болью глубинной —
Что мне бессмертья сомнительный рай!
Пусть я умру,
но не позже любимой —
этою карой меня не карай!»

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК

У подножия Гагринского хребта
есть один удивительный памятник.
Гробовая плита,
словно парус взвита,
нагоняя на кладбище панику.
Строго траурен цвет,
но печали в нем нет,
потому что резцом ненавязчивым
в этом камне воспет
двадцати с лишним лет
Закарян Арутюн Амазаспович.
С фото, видимо, он
в мрамор переведен.
Белозубый стоит,
улыбается,
и в руках
белозубый аккордеон
улыбается,
как полагается.
Над курчавым вихром
кепор-аэродром
на бочок
упоительно сдвинут,
и живым серебром
под грохочущий гром
Арутюн Амазаспович вымыт.
Ему надпись к лицу:
«Сыну, мужу, отцу...»
Озорно он играет,
покачивается.
Можно быть и отцом,
но таким молодцом,
что и после конца
не оканчиваться.
Голосила родня,
его хороня.
Начертали:
«Погиб трагически...»
А у ног задарма
на дорогу хурма
и открытое пиво египетское.
С жизнью кончен расчет,
но великий почет
после смерти
остаться личностью.
Вниз туман течет —
его к людям влечет.
Тянет вечностью,
тянет античностью.
Арутюн Амазаспович,
людям ты рад.
Пальцы вбей в инструмент,
выше голову,
чтобы звуки, как град,
чтоб вспорхнули с оград
жестяные могильные голуби.
Кто патриций, плебей —
не пойму, хоть убей,
ведь играют крестьянские клавиши
для морских зыбей
и для всех голубей,
не забыв жестяных,
что на кладбище.
Смерти нет для того,
в ком живет родство
с миром подлинным,
а не монашеским.
Еще встретимся мы
и вкусим хурмы,
Закарян Арутюн Амазаспович!

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

Галина **КУЛИКОВСКАЯ**

Участников недавней, свежей у них в памяти интернациональной плавки «Дружба» в Череповце, посвященной 50-летию образования СССР, больше всего поразила печь № 12. На обширной загрузочной площадке и у пультовой было столько «болельщиков», что администрация цеха не на шутку встревожилась, опасаясь, как бы кто не попал под непрерывно курсирующие в пролете заправочные машины и составы с чугуном и скрапом.

Интерес к этой печи был неслучаен. Не мартен она и не конвертор, и на первый взгляд кажется, будто два мартена срослись боками, подобно сиамским близнецам. Работают «близнецы» строго поочередно: в то время как один набирается сил и переваривает загруженную в него шихту, другой уже выдает сталь.

— Колоссально! — воскликнул по-немецки стоявший рядом со мной богатырской стати человек, когда ровно через час 55 минут начался выпуск металла.— Три тысячи тонн в сутки! Миллион в год! Какой высокий уровень производства! Я не видел ничего подобного!

Петера Зауэра, Героя Социалистического Труда с завода в Ризе, что в ГДР, поддержали Иштван Пек из венгерского Дунауйвароша, Иван Колев с болгарского комбината имени Ленина в Пернике.

Зарубежные друзья восторгались, вникали в суть процессов, задумываясь над тем, как сделать подобное же у себя. Словом, созданные в Советском Союзе агрегаты нового типа — двухванные печи — заслужили всеобщее признание. Вот цифры, характеризующие их: в череповецкой печи № 12 и магнитогорских № 29 и 32 в минувшем году было выплавлено 3 358 тысяч тонн стали — мощность большого металлургического завода. В пересчете на каждую печь — миллион 120 тысяч тонн в среднем! Такой производительности в нашей стране не достигал еще ни один сталеплавильный агрегат, включая конверторы.

В истории создания этих печей много поучительного и порой драматического. Непросто разрабатывались их конструкции, трудно шли поиски, в которых участвовало несколько коллективов — 19 специалистам было выдано авторское право. Поиски продолжаются и сейчас, потому что люди подлинного творчества никогда не ставят точки над «и»: тогда конец движению вперед. История этих печей дает нам классический пример для разговора об ответственности руководителя.

Ответственность... Как проявляется она, где начинается и где кончается? Какими критериями ее можно определить? «Ответственный,— толкует словарь русского языка в отношении к человеку,— обладающий достаточными правами и обязанностями для того, чтобы дать полный отчет в своих действиях и принять на себя вину за ошибки, плохой ход дела». И пример: «Ответственность — это значит чувствовать свою ответственность перед Родиной».

Не с полным ли сознанием своей ответственности перед Родиной Ф. Д. Воронов и А. И. Бородулин, директора Магнитогорского комбината и Череповецкого завода, в пору становления молодых сталеплавильных цехов, когда, казалось, можно было ограничить круг своих забот самым главным — достижением проектных мощностей,— заглянув в будущее, дерзко ринулись на штурм только что вступивших в жизнь мартенов?

...Шел 1964 год. Металлургия мира энергично перестраивалась на главную трассу своего дальнейшего развития — конверторное производство. Однако рядом, параллельно с ней, лежала другая, традиционная, изрядно разбитая, поизносившаяся за столетие своего существования магистраль — мартены. И никто не собирался их закрывать. На земле существует колоссальный парк мартенов. Только в нашей стране их сотни. Как же тут быть? Значит, новому — новое, а старому — старое? Новым цехам и новым заводам — конверторы, а в старых — пусть скрипя доживают свой век мартены, пока, подобно паровозам, они не отомрут сами собой? А как быть с крупными мартеновскими цехами, сооруженными сравнительно недавно, за последние пятнадцать лет?

Трудно сказать, как складывалась бы судьба мартенов, если бы не появился и не выручил их столь чудодейственный источник жизни, как кислород. Сооружение на заводах кислородных станций, применение кислородного дутья как раз и внесли в мартеновский организм ту живительную в буквальном смысле этого слова струю, которая позволила перейти мартенам на второе, глубокое дыхание. Стало возможным резко интенсифицировать процесс получения стали, сократить время плавок и тем самым значительно поднять производительность ветеранов сталеплавильного производства — мартенов. Так именно и поступили металлургические заводы, имеющие кислород. Того требовала жизнь.

При этом неизбежно как в кислородных конверторах, так и в мартенах с кислородным дутьем вырос «угар» железа, вылетающего с продуктами сгорания в трубу. Это снижает, как говорят профессионалы, выход годного металла с каждой тонны шихты, загружаемой в печь. Для уменьшения этих потерь пришлось задуматься над совершенствованием технологического процесса.

Металлурги Магнитогорска и Череповца тоже взяли кислород на вооружение. Но не только. Для них он послужил трамплином, с которого предприятия совершили прыжок в неизведанное. Два директора, Воронов и Бородулин, не сговариваясь, но почти в одно и то же время решили создать печи нового типа, исключающие пороки мартенов и превосходящие их по производительности. Подобная разведка боем шла и за рубежом... Было известно о качающихся, а не стационарных спаренных агрегатах, вроде двух седоков, посаженных на один велосипед — «тандем». «Тандемы» работают на чугуне с большим содержанием фосфора. Канадская фирма «Стил K^0 оф Кэнада» на заводе в Гамильтоне переделала на двухванную печь обыкновенный мартен. Но эта попытка оказалась столь неудачной, что канадцы вскоре вернулись на исходные позиции.

Итак, за границей опыта по созданию агрегатов точно такого типа, собственно, не было. Советским металлургам пришлось идти дорогой непроторенной, пришлось пойти на смелый эксперимент. Это был незаурядный эксперимент — в промышленных масштабах, в действующих цехах!

30 июня 1964 года на Магнитке вошла в строй первая очередь кислородной станции. А через год, 16 июня, в 7 часов 15 минут утра, в мартеновском цехе № 1 началась завалка печи № 29 — двухванной. Никто из собравшихся не знал, как поведет себя печь-незнакомка и чего от нее ждать. Что касается Ф. Д. Воронова, то он в это время был в отъезде.

Передо мной паспорта двух первых плавок, хранящиеся в центральной заводской лаборатории. С хронометрической точностью, минута за минутой, час за часом воспроизводят они события того памятного дня. Первая плавка прошла более или менее благополучно, левая ванна сработала без особых происшествий и выдала сталь через 8 часов 05 минут.

Но вот вторая плавка... Завалка правой ванны рудой и известняком началась в 9 часов 20 минут утра. Завалка скрапа — в 9 часов 30 минут. Прогрев — 10... И тут время будто раздробилось. Записей много, их пришлось перенести на дополнительный лист. Сделаны они неровным почерком, передавая взволнованное состояние человека: «Удаление шлака через летку», «Ванна села», «Попытка набрать пробу», «Выброс пламени, 16—35»...

Мастер Вениамин Иванович Прозоров, вспоминая о том дне, рассказывал мне, как вдруг из фурмы с гулом сорвало гибкий кислородный шланг. Он был без металлической оболочки и от первой случайной искры вспыхнул. Кто бывал в горячем цехе, тот может представить себе, что это такое. Шланг грохочущей, крутящейся шаровой молнией повис над пролетом. Рабочие, инженеры, конструкторы, лаборанты разбежались. На площадке остался один человек — Филатов, главный инженер, которого Воронов, уезжая, оставил вместо себя. Пройдет еще несколько лет, и Филатов станет одним из самых активных ратоборцев за двухванные печи.

Только в половине одиннадцатого вечера, через 13 часов, правая ванна выдала металл.

Тяжко, в муках, с авариями входила в жизнь первая двухванная. То выбрасывался шлак, то выплескивался металл через завалочное окно, то едкий смерч оранжево-рыжей гари бушевал у порогов. Люди отказывались работать на 29-й, подавали заявления с просьбой перевести на другую печь. Правда, через некоторое время, когда неизбежные болезни младенческого возраста были устранены, подручные просили принять их, но было уже поздно: слишком много стало желающих работать на двухванной.

К концу 1965 года на счету 29-й уже числилось 370 тысяч тонн стали. Примерно тогда же подала свой голос двухванная печь № 12 в Череповце. Ей было легче: она могла учесть конструкционные и технологические ошибки старшей сестры. К тому же Анатолий Иванович Бородулин поставил двенадцатую печь, можно сказать, в ровном поле — на свободной площадке правого фланга цеха. Если бы замысел вопреки ожиданиям не удался, то предприятие понесло бы в худшем случае моральный урон. С директора никто бы не спросил сталь с этой печи. Конечно, престиж был бы поколеблен, репутация конструкторов была бы скомпрометирована, но и только.

Воронов оказался в ином, куда более трудном положении. На двухванную печь был переделан во время капитального ремонта, без существенных дополнительных затрат, рядовой, действующий мартен № 29. И никаких скидок Воронову не было дано: печь 29-я, как и все другие, должна была выдать установленный планом металл. А вот выдаст ли? Удастся ли эксперимент? Воронов шел на явный риск, хотя никто не обязывал его браться за это дело. А рисковал он очень многим — государственным планом, авторитетом руководителя. Но директор не мог поступить иначе. Интуиция опытного инженера, трезвый расчет хозяйственника-организатора требовали: «Ты обязан использовать эту возможность увеличения выпуска стали, так нужной стране». Кто знает, может, принимая столь поразительно смелое решение, Воронов вспомнил своего предшественника Г. И. Носова, тоже директора Магнитки: здесь как легенду передают историю одного приказа Носова, отданного в июле 1941 года,— прокатывать броневой лист... на блюминге. Все теоретики содрогнулись: «Это невозможно». Директор ответил: «Если фронт требует, значит, невозможное должно стать возможным». Стало!

Как же события развивались дальше?

Если Воронов действовал, как говорят, на свой страх и риск, то его преемнику (Феодосий Дионисьевич был назначен заместителем министра черной металлургии СССР) Андрею Дмитриевичу Филатову пришлось употребить всю свою недюжинную волю, решительность и принципиальность, чтобы добиться признания печей нового типа. Соратника у него вскоре не оказалось: Бородулин перешел на другой завод. А тут требовались объединенные



Д. Налбандян (Москва). В. И. ЛЕНИН НА СЪЕЗДЕ.

Всесоюзная художественная выставка «СССР — наша Родина».

Ю. Комендант (Донецк). МОЛОДОЙ ШАХТЕР.



Всесоюзная художественная выставка «СССР — наша Родина».



А. Пантелеев (Уфа). УТРО В РУДНИКЕ.



А. Яковлев (Ленинград). СЛОВО БРИГАДИРА.

Всесоюзная художественная выставка «СССР — наша Родина».

усилия. Новые агрегаты чуть ли не с первых дней их существования кое-кто встретил весьма недружелюбно. Удивительнее всего, что среди недругов оказалось Техническое управление Министерства черной металлургии СССР, управление, которое по самой своей сущности призвано, казалось бы, анализировать и поддерживать новаторские начинания. Возник большой спор. В качестве арбитра управление избрало Днепропетровский научно-исследовательский институт, его сталеплавильный отдел во главе с доктором технических наук Я. А. Шнеєровым. Ему-то и было целиком доверено техническое заключение по двухванным печам.

Но ученые не торопились с решением вопроса. Пока созревали их выводы, магнитогорцы и череповчане тоже не дремали. Улучшали технологию, конструкции печей, внедряли разработанную другими, не днепропетровским, институтами автоматику, приборы. Сталевары и мастера летали друг к другу в гости, с открытой душой делились опытом и самым ревнивым образом следили друг за другом. Скрепленного обязательствами договора в ту пору между ними еще не существовало, но вряд ли где-либо можно было наблюдать такое, подлинно творческое соревнование равных по силам коллективов печей 29 и 12! Когда не срабатывала прямая телефонная связь между Череповцом и Москвой, устанавливался контакт через кураторов министерства. Придешь другой раз в ГУМП и слышишь, как Носов, начальник мартеновского цеха № 1 Магнитки, запрашивает «Москву»: «Сколько дала вчера двенадцатая?» Приедешь в Череповец, а там сталевары Попов и Глухов непременно поинтересуются: «На Магнитке давно были? Как там дела у Антона?» — это значит у Ракицкого, сталевара 29-й...

Дух здорового соперничества подстегивал в работе. И работа спорилась! Сначала вели металлурги Череповца — они первыми достигли миллионного рубежа, выплавили миллион тонн стали в год. Затем лидерами стали магнитогорцы, потом снова череповчане... Уровень производства прочно стабилизировался на миллионе, а потом шагнул еще выше. Двухванные печи смогли давать металла в два с половиной раза более того, что способен был произвести большой шестисоттонный мартен, на базе которого возник этот умный агрегат, обладающий даже некоторыми преимуществами по сравнению с конверторами! Было над чем задуматься!

Казалось бы, ясно: завоевание советских металлургов — двухванные печи — надо популяризировать, распространять; заводам, имеющим кислород и не рассчитывающим на скорое сооружение конверторов, они просто необходимы. На Магнитке, как говорят, им сам бог велел быть. Магнитогорские станы сидели на голодном пайке, приходилось возить слябы из Липецка. На Магнитке готовился к пуску стан «2 500» холодного проката, который должен был давать автомобильный лист для ВАЗа. А каждый двухванный агрегат — это 700 тысяч тонн стали в год дополнительно. Солидный привесок! Магнитогорцы говорили об этом, доказывали это с цифрами в руках в министерстве. Но ученые Днепропетровска не торопились, изучали материалы. Техническое управление упорно молчало. Лишь иногда неофициально подавались язвительные реплики: нельзя-де, мол, топить печь ассигнациями, в двухванных агрегатах получается высокий угар железа.

Череповецкий завод занял позицию выжидательную. Не проявляя активности в борьбе за двухванные печи, он никак не мог решиться на сооружение еще одного такого агрегата. Не вдохновлял его даже собственный пример великолепно, ровно работающей двенадцатой. Топтание на месте шло во вред: на заводе тоже стал ощущаться недостаток стали. Трудно было определить, чего больше в этой нерешительности: бесхарактерности или безответственности:

...Официальная бумага, пришедшая наконец из Москвы на имя Филатова, ускорила ход событий на Магнитке. Имеет смысл привести из нее выдержки, они красноречиво раскрывают позицию Технического управления министерства: «По поводу вашего выступления на совещании руководителей предприятий и организаций черной металлургии 22 декабря 1968 года. Министерство в настоящее время не может рекомендовать массовую переделку мартеновских печей на двухванные, поскольку имеет место снижение выхода годного металла на 2,8—3,3 процента по сравнению с мартеновскими печами... и на 3,8—4,0 процента по сравнению с кислородными конверторами». И подпись: «заместитель начальника Управления С. Белорусов 28 января 1970 года». Целый год понадобился управлению, чтобы прийти к столь неутешительно сформулированному выводу! Да, в поспешности и скороспелости его нельзя было обвинить!

Как же реагировал на это письмо директор Магнитки?

Я была в кабинете, когда секретарь принесла почту из министерства, и не забуду, как были возмущены Андрей Дмитриевич Филатов и Дмитрий Прохорович Галкин, секретарь парткома (теперь он главный инженер комбината).

— «Не может рекомендовать»,— процитировал Галкин.— Что же предлагает товарищ Белорусов взамен? Ничего, как видите, не предлагает. А Магнитка не может жить без стали.— В оконной раме, как на картине, вырисовывались сигары-трубы прокатных цехов.— Для комбината это вопрос жизни и смерти. Да, другого пути, чем двухванные печи, у нас на сегодня нет. Экономически это выгодно.

Филатов снова взял бумажку.

— Откуда, однако, у них такие данные? Наши подсчеты и данные по Череповцу Трубецкова, старшего научного сотрудника Центрального научно-исследовательского института черной металлургии, совершенно иные. Мы идем вровень с кислородными конверторами и отстаем от мартенов всего на полтора процента. Раньше был бóльший разрыв. Ясно, откуда все это! Далеки некоторые ученые от жизни. Суть дела не в полноте знания, а в полноте разумения — так, кажется, говорили древние?

Директор не произносил высоких слов о своих правах и обязанностях, но, зная крутой нрав Андрея Дмитриевича, я поняла: «Что-то назревает». И действительно вскоре последовал приказ приступить к реконструкции второго мартена на двухванную печь. Уже тогда Филатов вынашивал широкий план наступления на мартены. Ему уже тогда виделась стройная шеренга двухванных. Он не обольщался, не строил себе иллюзий, что все пойдет гладко, предвидел, например, что станет тесно на разливке и придется ее «расшивать», но магнитогорцы готовы были идти навстречу любым осложнениям. Так надо было! Того требовали интересы производства, задачи, поставленные новой пятилеткой.

...Сегодня вопрос: «быть или не быть» двухванным печам — не стоит. Сегодня в нашей стране работают шесть агрегатов нового типа: четыре — на Магнитке, один — в Череповце и один — на «Запорожстали». Печь в Запорожье пущена совсем недавно —9 декабря 1972 года, и она очень нравится украинским металлургам — красавица печь! Было четыре плавки в сутки, теперь десять — двенадцать. Директор «Запорожстали» Лев Дмитриевич Юпко поделился со мной планами: запорожцы намерены переделать на двухванные все мартены, что даст возможность увеличить производство стали на 1,5 миллиона тонн в год. Вот это резерв! Весной начнет строиться вторая двухванная в Череповце. Несколько таких агрегатов будет еще на Магнитке.

Вопрос сегодня стоит так: что нужно сделать для обеспечения наиболее эффективной работы агрегатов? Как показал опыт работы двухванных печей в первом мартеновском цехе Магнитки, необходимо прежде всего подтягивать тылы: бесперебойно снабжать металлоломом, тележками с изложницами. Нужны приборы и автоматические устройства, позволяющие немедленно определять содержание углерода и других компонентов во время плавки. Тут для институтов «Главэнерго» обширнейшее поле деятельности. Речь об этом шла в начале февраля на совещании у заместителя министра черной металлургии СССР А. Ф. Борисова.

Двухванные агрегаты могут быть поставлены на Орско-Халиловском комбинате, на «Азовстали» и в Макеевке, на Коммунарском заводе, заводе имени Дзержинского, располагающих источниками второго дыхания — кислородными станциями. Об этом говорил мне М. М. Привалов, главный сталеплавильщик Главного управления металлургической промышленности. Таковы могут быть сегодня масштабы дерзкого эксперимента, на который восемь лет назад отважились Магнитка и Череповец!

Могут! Какова, однако, позиция Технического управления Министерства черной металлургии СССР? Заводы ждут от него развернутой, не на один или два года, а перспективной программы модернизации мартенов с учетом новейших достижений науки и техники. Кстати, головными институтами отрасли — ЦНИИчерметом и Гипромезом — уже разработан план по двухванным печам на ближайшие пять лет.

Тут можно было бы и закончить разговор о мере ответственности и смелости руководителя, но я сочла бы его незавершенным, не выяснив точки зрения доктора технических наук Я. А. Шнеерова. Он присутствовал на совещании у министра черной металлургии СССР И. П. Казанца, посвященном изысканию резервов повышения выпуска стали. Кто-то из выступавших прямо сказал, что это по его, Шнеерова, вине невероятно задержалось распространение опыта по созданию агрегатов нового типа.

— Моя точка зрения не изменилась,— подтвердил он мне.— Я считаю, что генеральным направлением в развитии сталеплавильного производства должны быть конверторы и электропечи.

— Но против этой прописной истины никто никогда и не выступал,— заметила я.— Однако каждые четыре тонны стали из пяти выплавляются пока в мартенах. Только к концу пятилетки, с вводом новых мощностей, такое соотношение изменится в пользу конверторов лишь до одной трети. В следующих пятилетках мартены тоже будут жить. Сотни мартенов. Разве двухванные печи не важный резерв увеличения производства стали с тех же самых площадей, без особых дополнительных затрат?

— Да, в отдельных цехах, с определенным сортаментом, на ближайшие годы,— как-то менее твердо соглашался Я. А. Шнеєров. А потом неожиданно, уже прощаясь:— А все же магнитогорцы — молодцы!



Василий Кирнев, сталевар двухванной печи № 32 Магнитогорского комбината.

Фото Д. УХТОМСКОГО.

ТАК И ПО-БОЛГАРСКИ: СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

В 1958 году в Риме известный советский литературовед Корнелий Люцианович Зелинский беседовал с итальянским писателем Карло Леви.

— Вы удивляетесь,— спрашивал романист,— почему Есенин так популярен у нас, в Италии? Но ведь ваши лучшие писатели — все это то, что светит людям, всему человечеству.

Беседа эта (о ней рассказывал Зелинский) вспомнилась мне, когда я листал новые зарубежные издания произведений великого поэта Советской России. Не только в Италии — лирика Есенина популярна в Чехословакии и Венгрии, Югославии и Румынии, Польше и Германской Демократической Республике, во Франции, в Японии... Автор «Анны Снегиной», «Персидских мотивов» любим и болгарскими читателями, чему свидетельство — недавно выпущенный в Софии сборник его произведений. Об этой книге мне хочется поговорить подробнее.

Том объемом в 320 страниц. Голубой тканевый переплет, вверху — золотой фольгой: «Сергей Есенин». На первой странице — по-болгарски: «Издание посвящается 50-летию Союза Советских Социалистических Республик». Портрет поэта, его автобиография «О себе», написанная в октябре 1925 года, потом переводы стихотворений, поэм...

Среди зарубежных изданий Есенина есть такие, в которых его творчество представлено обедненно, в усеченном виде. Некоторые составители, например, основное место в сборниках отдают дореволюционным стихам поэта и «не замечают» ни «Песни о великом походе», ни «Баллады о двадцати шести», ни «Письма к женщине». Выпущена книга, выдвигающая на первый план цикл стихов «Москва кабацкая»; название ее — «Исповедь хулигана». Издатели подобных сборников не считаются ни с какими объективными фактами, в том числе и с последней авторской волей... К счастью, такого рода «почитателей» есенинской поэзии становится теперь все меньше.

Составитель нового болгарского издания Слав Хр. Караславов выполнил свою работу вдумчиво и тщательно, с глубоким пониманием диалектики творчества Есенина.

Среди дореволюционных стихов встречаем такие шедевры есенинской лирики, как «Гой ты, Русь моя родная...», «В том краю, где желтая крапива...», «Песнь о собаке», «Не бродить, не мять в кустах багряных...», «Гаснут красные крылья заката...». Их немного в сборнике — стихотворений, помеченных 1914—1916 годами. Тем не менее, познакомившись с ними, читатель не может не внять и трепетному есенинскому чувству родной земли, и любви поэта к людям, ко всему живому в мире, и глубинности его раздумий о жизни, задушевности песенного живописного слова...

«Товарищ», «Небесный барабанщик» — эти, как их называл сам автор, «маленькие поэмы», раскрывают перед читателем то новое, что привнес в творчество Есенина ветер революции: сознание причастности к великим событиям, ощущение внутренних связей с идущими «сплотить весь мир», углубление социальной тематики... По праву включена в сборник «Кантата», созданная поэтом в 1918 году к торжественному открытию мемориальной доски на Кремлевской стене в память павших героев революции.

Страница за страницей — и вот уже читатель является свидетелем тягостных переживаний, растерянности поэта перед сложностями действительности, становления нового. Стихи с беспощадной правдивостью повествуют о трагедии чистой, нежной души, потерявшей опору в жизни и стремящейся эту опору вновь обрести. И тут сказалось умение составителя отобрать наиболее характерное, существенное из написанного в эти годы, избежать «выпрямления» пути художника, знавшего и радость взлетов и горечь падений.

Как известно, 1924—1925 годы были для Есенина исключительно плодотворными. «Учусь постигнуть в каждом миге Коммуной вздыбленную Русь» — эти слова поэта можно поставить эпиграфом ко всему созданному им за этот период. Здесь более шестидесяти лирических стихотворений, двадцать «маленьких поэм» (среди них «Возвращение на родину», «Русь советская», «Поэтам Грузии», «Мой путь»), цикл «Персидские мотивы», большие поэмы «Песнь о великом походе», «Анна Снегина», «Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве»... Именно лучшие произведения последних лет жизни поэта и легли в основу двух главных разделов издания, включающих есенинские стихотворения и поэмы.

Я не случайно подчеркиваю значение работы составителя: с нею связано выявление подлинного творческого облика художника. Однако в иноязычных изданиях она неотделима от качества перевода, от умения переводчика передать не букву, а дух оригинала. И в этом отношении однотомник Есенина на болгарском языке заслуживает самой высокой похвалы. Большой художественностью, тончайшим мастерством отмечены переводы опытных «есенистов» — Христо Радевского, Младена Исаева, Николы Фурнаджиева, Елисаветы Багряны... Удачно выступают в качестве переводчиков поэты более молодого поколения: Блага Димитрова, Иван Радоев, Андрей Германов. Чудесная музыка «Персидских мотивов» бережно передана в переводах Йордана Милева... Драматическая напряженность, буйная образность оживают в монологах «Пугачева», воспроизведенного Любеном Любеновым...

Надо думать, привлекут внимание читателя краткая летопись жизни и творчества поэта, историко-литературный очерк Елены Фурнаджиевой «Сергей Есенин в Болгарии», рассказывающий о давнишней любви дружественного народа к поэзии великого русского поэта. Украшают издание штриховые рисунки Любена Диманова, предлагающего свое, весьма своеобразное прочтение есенинского наследия.

Однотомником Есенина софийское издательство «Народна культура» открыло новую серию книг — «Вершины советской поэзии». В нее включены сборники произведений Владимира Маяковского, Александра Блока, Валерия Брюсова, Якуба Коласа, Эдуарда Багрицкого, Александра Твардовского... Будем надеяться, что вся эта серия книг станет заметной вехой в упрочении связей между нашими литературами, в знакомстве молодых болгарских читателей с богатствами советской многонациональной поэзии. Серия книг, так счастливо начатая томом стихов и поэм Сергея Есенина, в чьем вечно живом сердце светит Родина.

С. КОШЕЧКИН

НАСЛЕДСТВО АДМИРАЛА МАКАРОВА

Имя адмирала Степана Осиповича Макарова в нашей стране знаменито. Всякий помнит его трагическую гибель вместе с художником Верещагиным и моряками броненосца «Петропавловск», подорвавшегося на японских минах 31 марта 1904 года. В памяти остались постройка ледокола «Ермак» и походы его во льдах под водительством Макарова...

И вот новая книга о нем. Книга, написанная историком, у которого стремление к научной точности и основательности счастливо сочетается с литературным даром. С. Семанов ни на одной странице книги о Макарове не остался бесстрастным жизнеописателем, равнодушно фиксирующим на бумаге дела и события. Чувствуется, что, пока писалась книга, автор жил своим героем, смотрел его глазами, учился у Макарова, оттого она получилась напористая, целеустремленная, какой и должна быть книга о знаменитом адмирале.

Уже на двадцать втором году жизни мичман Макаров, озабоченный частой гибелью кораблей от пустяковых пробоин, изобрел пластырь, который прославил его имя на флоте и был экспонирован на Всемирной выставке в Вене. Через несколько лет будущий адмирал отличился в войне с турками, создав на пароходе «Великий князь Константин» базу минных катеров, и совершил несколько нападений на корабли турецкого флота. Именно он впервые в мире применил торпеды при атаке на турецкие броненосцы у Батума. Это он изобрел «макаровский колпачок», позволивший снарядам пробивать любую броню того времени. Адмирал Макаров выдвинул идею освоения Северного морского пути при помощи ледоколов и сделал попытку осуществить свой призыв: «К Северному полюсу — напролом!» — на построенном под его наблюдением знаменитом «Ермаке». Он командовал эскадрами, портами и флотом, совершал кругосветные путешествия, создал руководство по морской тактике, ставшее в те времена настольной книгой военных моряков всех стран...

За что бы ни брался Макаров, он всегда достигал выдающихся успехов. Его не могла остановить, как пишет автор, «косность и сонливая бездеятельность тогдашних правителей России». Весь свой талант изобретателя Макаров отдавал укреплению боеспособности русского флота.

«Однако прежде всего Макаров был военным,— пишет С. Семанов.— Он и погиб на мостике корабля, ведя в бой эскадру: классическая, если можно так сказать, смерть для флотоводца!»

Очень интересно рассуждение С. Семанова о смерти адмирала Макарова. Была ли она случайной? «И, ничуть не впадая в мистику, можно с полной уверенностью сказать: Макаров ДОЛЖЕН БЫЛ ПОГИБНУТЬ (курсив автора.— Д. Ж.). Россия не могла выиграть этой войны. Не могла, ибо социальная система страны тормозила рост творческих сил народа. Не могла, ибо государственный механизм огромной и богатейшей державы работал вразнос...»

Фатальная неизбежность всегда трудно доказуема. Зато жизненный пример адмирала Макарова бесспорен. С хорошей завистью читаешь, как всегда был собран и организован Макаров, как неутомимо трудился он, отчитываясь перед собой в дневнике прежде, чем лечь в постель, за каждый час, прожитый им. «Помни войну!» — написал Макаров в одном из своих трудов. «Помни войну!» — такой лозунг висел в его кабинете. «Помни войну!» — начертано на цоколе памятника Макарову в Кронштадте.

Адмирал Макаров погиб, не оставив в наследство капиталов. Даже ордена его лежат на дне Желтого моря. Но его труды и сама его жизнь — это большое наследство, оставленное морякам русского и советского флота. Да только ли морякам? Всем нам адмирал Макаров заповедал служить Родине верно, неустанно и без громких слов.

Дмитрий ЖУКОВ

С. Семанов. Макаров. Издательство «Молодая гвардия», 1972.

Владимир ЧИВИЛИХИН,
специальный корреспондент
«Огонька»

ШВЕДСКИЕ ОСТАНОВКИ

2. «КАПИТАН БАЛАКЛАВА»

В окрестностях Лулео, центре лена Норботтен,— сосняк-тонкомер, белесый мох на лесных прогалинах. Воздух невесомо легок, краски пастельно мягки. Север.

Городок не старый и не молодой, компактный, обихоженный, малолюдный. У набережных тяжело плещутся серые волны Ботнического залива. На дальней окраине, в чаду и копоти, высятся трубы и печи металлургического комбината.

Нежданная, поразительная встреча ждала меня в Лулео. Когда машина ворвалась на центральную площадь города, я не поверил своим глазам — осанистые, густо-зеленые, до боли знакомые деревья стояли там. Сибирские кедры? Не может этого быть! Неужто я ошибся? Обогнули площадь, подъехали к гостинице, а я все не мог успокоиться, и спутники даже обратили внимание на то, как я выворачиваю шею, щурю глаза и поправляю очки. Бросив чемодан в номере, выбежал на площадь. Да, характерный темный ствол, тяжелые, кустистые ветки, пять хвоинок из каждого ростового гнездышка. Сомнений нет — сибирский кедр, ореховая сосна.

Увидев родные кедры, с которыми у меня связано столько воспоминаний, переживаний, сбывшихся и несбывшихся надежд, я был счастлив. Счастлив вдвойне, потому что застал эти деревья, полные элегической меланхолии, в пору их высшего благоденствия — они цвели! Скромные серебристо-палевые сережки и темно-малиновые бутончики такого яркого цветового оттенка, что всегда дивишься ему, будто впервые видишь, покрывали пепельными и гранатовыми гроздьями молодое охвоение вершин, спускались по малахитовой горе вниз, редели, совсем исчезали на отвислых, разлапистых, самых старых сучках. А что это за чудо? Кедры плодоносили. Молочные округленные, прошлогодней завязи шишки кучно и поодиночке отягощали лохматые ветки. Они были сине-фиолетовыми, но вот-вот начнут коричневеть, светлеть, а к осени золотые короны украсят царственные головы кедров...

Их девять на площади Лулео, задумчивых и спокойных. Они хорошо себя чувствуют здесь, иначе бы не цвели и не приносили семян. Я бы даже сказал, что они чувствовали себя прекрасно, потому как цветут подряд, без обычного для них двух-трехлетнего перерыва на отдых, и я заметил несколько полновесных шишек так низко, что их можно было потрогать. А такое в наших кедрачах не встретишь, разве только в каком-нибудь распоследнем сибирском кедросаду, чудом сохранившемся с незапамятных времен. Знать, почвы северной Швеции подходят кедру, и влаги ему, знатному водохлебу, тут предостаточно, и солнце этих широт растягивает вегетационный период, а любые холода — при его-то сибирской закалочке — ему нипочем.

Но каким, условно говоря, ветром занесло сюда сибирские кедры? Северная граница их ареала проходит намного южнее. Самый сильный ветер не сможет занести в такую даль от родины тяжелое кедровое семя, и, ясное дело, кто-то их посадил тут, на площади. По состоянию коры, сближенным мутовкам, соотношению размеров ствола и кроны я определил, что живут здесь кедры лет сто пятьдесят — сто семьдесят. Давненько...

Может, какой-нибудь сибирский купец торговал тут когда-то, завез и прорастил орешки? Ведь давней порой кедровый орех как масличный продукт международной торговли покупали у нас и Персия и Англия. Возможна и другая версия. До сих пор по северу европейской России вокруг бывших монастырей стоят искусственные кедровые рощи, и, может, оказался здесь какими-то судьбами лет двести назад беглый монах, который у себя на родине был садовником обители. Не исключено, что семена кедров завезли с Тобола или Томи еще раньше, в петровские времена, плененные солдаты или офицеры Карла XII. Целых одиннадцать лет прожил в Сибири, например, шведский офицер Ф. И. Страленберг (Табберт). В плену он интересовался этнографией сибирских народностей, составлял карты неведомого края, участвовал в далеких научных экспедициях, а в 1730 году опубликовал в Стокгольме интересную книгу о Сибири с картой, на которой впервые в заграничном издании с астрономической точностью было указано местоположение сибирских городов. Конечно же, такой человек не мог не знать кедров! Неизвестно, бывал ли Табберт в Лулео, но здешние места в те годы посещал великий естествоиспытатель Карл Линней, в саду которого росло около ста видов сибирских растений. Впрочем, кто бы ни укоренил кедры в столице Норботтена — швед или русский,— я был совершенно уверен в одном: человек этот любил свою родину, знал природу и чувствовал ее красоту...

Должен признаться, что в поездку по Швеции я взял с собой две семенные кедровые шишки, привезенные в прошлом году из Сибири, снятые с дерева в кедровнике возле родной моей Тайги. Я предполагал, что встречусь тут с лесоводами, подарю им семена кедров, посоветую, как их прорастить, и о кедре расскажу, его орехах. В них ведь жиру до семидесяти процентов, белков в жмыхе в четыре раза больше, чем в пшенице, а само дерево, скажу, красивое, долгоживущее, годится на мебель и карандаши; я, мол, заинтересовал им немецких лесоводов, понимающих толк в деревьях, и даже на священной японской горе Фудзи семь лет назад посадил семь семигодовалых кедров...

Однако зачем, думал теперь я, дарить семенные шишки в Лулео, где уже есть свои, местные семена? Только вот собирает ли их кто-нибудь? Навряд, потому что за кедрами, замечательно украшающими центр города, ухода, как я заметил, никакого нет. Подстилка вокруг вытоптана, под самым большим и красивым деревом утрамбованный песок, а в могучий ствол его было зачем-то забито множество гвоздей. Должно быть, здешние дети, беря пример со своих отцов и праотцев, относятся к этим кедрам, как к чему-то вечному — небу, земле или камням. А назавтра в парке, окружающем резиденцию губернатора, я увидел еще один кедр, десятый. Он роскошно цвел под солнцем, и ему было весело в окружении молодых берез. Но как он все же попал сюда в конце восемнадцатого или в самом начале девятнадцатого века?

Рагнар Лассинантти, энергичный и гостеприимный губернатор Норботтена,— местный, из финской семьи. Знает свои северные края, рассказывает о них интересно, подробно и, кажется, умеет создавать и им и себе популярность. В книгу о Норботтене разрешил поместить свою фотографию — сидит в сауне, финской бане, прикрывшись веником, и смеется. Он любит и понимает шутку. С серьезным видом объясняет, что в Швеции обитают четыре национальности — шведы, финны, саами и... жители долины Луле-Эльв, говорящие по-шведски и по-фински. Вручил я ему свою книгу, изданную на финском, он тут же ответил точно таким подарком и, приложив острейшую финку в кожаном чехле, с костяной ручкой, украшенной саамской вязью, сказал:

— Для самозащиты, на всякий случай. На севере, конечно, не потребуется, гарантирую, но вы же отсюда едете в Стокгольм...

Губернатор говорит, что еще в шестнадцатом веке шведский король Густав I стремился к Ледовитому океану, чтоб торговать с северной Русью. Что ж, это интересно. Может, до шведов доходили слухи о новгородских владениях по Белому морю, о богатых вотчинах Марфы Посадницы, о многоотраслевых монастырских хозяйствах Поморья, о сокровищах именитых людей Строгановых, торговавших даже с Китаем? К тем временам, когда шведский дворянин Густав Ваза поднял народное восстание против засилья датчан и стал королем, на Колу и дальше — по Студеному морю — ходили русские люди. И еще один любопытный факт узнал я от губернатора: до конца девятнадцатого века, пока не прошла в Лулео железная дорога, часть продовольствия и так называемые колониальные товары завозились сюда из Архангельска, через землю саами.

Норботтен занимает четверть территории Швеции. Здесь добывается основная часть шведской железной руды, есть значительные залежи меди и свинца, семнадцать процентов лесных запасов страны, треть гидроэнергии. Лен дает пятнадцать процентов всего экспорта Швеции, располагая всего тремя с половиной процентами населения.

— У нас оленей столько же, сколько людей,— серьезно шутит губернатор.

И есть еще богатства в Норботтене, которые трудно оценить в кронах и процентах, — свободные просторы, чистые, уловистые реки, и сейчас сюда приезжает двести тысяч туристов в год.

О кедрах я не стал спрашивать господина губернатора: мне было бы неудобно, если бы он не знал, откуда в Лулео взялись сибирские деревья.

На вместительном прогулочном катере «Стелла Мария» плывем вдоль города, при-

чалов, разгрузочных площадок для руды, мимо государственного металлургического комбината. Сеется мелкий дождик, все вокруг в туманной мари, однако на катере весело: песни, аккордеон, громкий говор, шахматы, сигареты, кофе. На носу катера укреплены большие осиновые ветки, играют на ветру зеленобелесым листом. Наступает традиционный шведский праздник Середины Лета, по-нашему Ивана Купалы, и администрация, общественность города пригласили нас на эту прогулку. Может, тут я найду человека, что знает историю кедров? А пока разговариваю с техническим директором металлургического комбината Джоном Олофом Экстрёмом, сдержанным, серьезным человеком.

— Бывали у нас? — спрашиваю.

— Никополь, Таганрог, Рустави, — говорит он, и переводчика не надо. — Новолипецк...

— А на Череповецком заводе?

Он кивает, поднимает большой палец, и снова переводчика не надо.

— Трудное хозяйство? — гляжу я на дымы. — Помногу работаете?

— Иногда часов по пятнадцать не вылазишь с завода. И всегда больше нормы. А как же — чугун, сталь, прокат. Между прочим, вашим специалистам-металлургам тоже достается. Горячий цех...

По сравнению с Магниткой или, скажем, Кузнецким комбинат в Лулео небольшой — дает в год всего полмиллиона тонн чугуна, столько же стали и до трехсот тысяч тонн проката, в основном для судостроения. Так вот откуда те десятитонные стальные листы-плиты, по которым я ходил на «Гётаверкен»... Комбинат расширяется. На это отпущено полмиллиона крон. К 1975 году будет построена своя коксовая батарея, и здесь надеются на наш уголь, а пока весь кокс ввозится, в том числе и из Советского Союза.

— А как насчет дымка?

— Дымим, как все металлурги на свете, — говорит господин Экстрём, заглядывая в иллюминатор. — Завод строили в 1940 году, когда газов и дымов так не боялись, но расположили нас хорошо, по розе ветров. Дымы отдувает в сторону от города. Однако ветер все же не запрограммируешь, и горожане прижимают нас в последнее время, заставляют шевелиться.

— Ну и что в перспективе? — спросил я, думая о том, что действительно отдувает, иначе бы кедры давно погибли.

— Стояли у нас электрические очистители, сейчас появились водяные, более эффективные. Меняем. Заказываем новейшее очистное оборудование на наших фирмах и в Австрии. При расширении комбината намечено вложить в очистку отходящих газов и дыма тридцать миллионов крон, почти пять процентов всех средств. Так что эту проблему можно решить. Куда сложнее с рудой. Зимой залив забивают льды, в районе города на десятках гектаров скапливаются завалы руды.

— Так что?

— Пылит, засыпает окрестности, и ничего против этой беды нет.

Для меня это была совсем новая проблема, я наметил себе поинтересоваться ею дома — вдруг у нас чего-нибудь такое придумали, а тут прогулка подходила к концу, и я ничего не узнал о кедрах.

— Влияют ли пыль и дымы на зелень города? — осторожно спросил я, полагая, что у металлурга, кроме кедра, хватает своих забот. — Может, кто-нибудь здесь ведает городским парковым хозяйством?

— Поищем.

Нашелся такой человек. Нильс Мальмгрен, коммунальный советник городского управления, рассказал, что место здесь очень интересное. Почвы плодородные, солнечного времени больше, чем в самой южной точке Швеции, хорошо растут картошка и огурцы. Северная природа дает много оленины, рыбы, морошки. Оранжереи есть в городе, и парковое хозяйство ведется. Имеется даже должность городского садовника, но сейчас она свободна...

— Нет, не замечаю, чтоб дымы, газы и пыль подтравливали зелень. Смотрите, какие заросшие острова! Их тут четыреста штук.

— Интересно, — заметил я, все еще не решаясь заговорить о кедрах, хотя надо было спешить — к ночи программа уплотнялась, рано утром мы улетали, и я терял всякую возможность что-либо узнать. — Но почему на островах нет хвойных деревьев?

— Не успели поселиться. Это ведь молодые острова. Под нами тут что-то происходит, и побережье поднимается примерно на метр в столетие. Берег продвигается в залив, острова растут, и все время появляются новые.

Это и вправду было интересно, только как бы поближе к кедрам?

— Господин Мальмгрен, — решился я, все еще опасаясь натолкнуться на огорчительное неведение. — У вас в городе растут сибирские кедры. Десять экземпляров. *Pinus sibirica Mayr.*

— Да, — с любопытством взглянул на меня собеседник.

— Откуда они тут взялись? — спросил я о главном, инстинктом чувствуя, что узнаю сейчас нечто особенное.

Коммунальный советник оживленно, таким же образом поглядывая на меня, начал что-то объяснять Мише Сульману, нашему переводчику, сыну бывшего шведского посла в Москве, я улавливал одно только слово «Балаклава» и крепко засомневался — какие же в Крыму кедры? Помню, я облазил весь Никитский ботанический сад, полюбовался и ливанскими и гималайскими кедрами, но наших, сибирских, не нашел — не могут они там прижиться, не климат.

Узнал я все же, как попали кедры в Лулео. Морем.

Береговая линия Швеции тянется на тысячи километров, и со времен викингов шведы плавают по далеким морям-океанам. Немало знаменитых капитанов родила эта земля. О капитанах пиратских кораблей не стану говорить, хотя как дань парусной романтике в Гетеборге сохраняют старинный особняк, когда-то принадлежавший легендарному пирату Ларсу Гатенхьельму, и недаром, видно, известная всему свету эксцентричная шведская девчонка Пеппи Длинныйчулок мечтает пойти в морские разбойники.

О прославленных военных капитанах тоже умолчу — не к месту, хотя об одном из них стоило бы книгу написать. Правда, Йон Эриксон был армейским капитаном, и больше изобретателем и искателем, чем капитаном, однако все моряки мира чтут его память. Эриксон первым снял с парохода архаичные гребные колеса с плицами, действующими по принципу весла, и заменил их винтом, прообразом будущего пропеллера. Потом Эриксон уехал в Англию, где создал первый в мире насос, качающий воду энергией пара. Первый винтовой пароход, пересекший Атлантику, был построен Эриксоном, и капитан этот приплыл в Америку очень кстати — во время гражданской войны между Севером и Югом, он построил для северян первый винтовой броненосец с вращающейся орудийной башней. Южане-рабовладельцы ничего не смогли противопоставить скорости, неуязвимости и мощи «Монитора», признали свое поражение на море. Позже американцы с военными почестями на броненосце перевезли прах Йона Эриксона в маленький шведский городок Филиппстад, на родину капитана, установив у могилы орудия с «Монитора»...

А теперь мне хочется сказать доброе слово о шведских капитанах торговых судов. Вместе с мореходами других стран эти большей частью безвестные труженики еще во времена парусного флота свершили на своих утлых суденышках великое историческое дело. Капитаны эти были первыми людьми, установившими глобальные связи между континентами и народами. Романтики на море всегда было куда меньше, чем тяжкого труда и опасностей, а в те далекие времена особенно. Неизведанные рифы и мели, штормы, тайфуны, айсберги, корсары, оледенения, болезни, голод и жажда превращали в подвиг каждый дальний морской рейс за пряностями или пенькой, шерстью или ворванью, чаем или шкурами. И чаще всего ни судно, ни груз не принадлежали капитану, извечному труженику моря.

Одним из таких капитанов был швед из Лулео, привезший сюда сибирские кедры. Неизвестно, как он выглядел. Воображение рисует традиционные баки и бороду, неизменную можжевеловую трубку в зубах, зюйдвестку из грубой материи, пропитанную жиром, видавшую виды робу, сапоги с высоченными голенищами. Не знаю, на чем он плавал — на клипере или бриге, но вероятней всего на так называемой ш н я в е, очень популярном, как считают знающие моряки, скандинавском купеческом корабле тех времен. Не могу я объяснить, что такое шнява, однако по морским справочникам можно установить, что шнява — двухмачтовое судно, своим вооружением (на морском языке это слово означает не боевые орудия, а парусное оснащение) «очень похожее» на бриг, но «отличалось от него отсутствием прямого грота и грота-стакселей, наличием двух блиндов и тем, что косой гафельный грот крепился своей передней шкаториной не к грот-мачте, а к установленной сзади параллельно стреле, упиравшейся в задний край грот-марса, что нижняя шкаторина косой бизани гика не имела и едва доходила до гакаборта». Сознаюсь, что у меня от морских слов начинает болеть голова, и зря все же мы жалуемся на сложность современной технической терминологии.

Так вот, шведский морской капитан, наизусть знавший все выше процитированные премудрости и много больше того, — лицо не безымянное. В Ботническом заливе и за его пределами он был известен под кличкой «Капитан Балаклава». Жил он в Лулео, где той порой развернулось большое парусное судостроение. У моряков тут были крестьянские хозяйства и семьи, но, когда залив освобождался ото льда, они расплывались по белу свету. «Капитан Балаклава» ходил в Англию, Америку и Австралию, но чаще всего на Черное море, возил в Крым лес, а оттуда соль. Не раз он плавал и на Белое море, огибая Скандинавский и Кольский полуострова.

И снедала этого легендарного шведского моряка одна необычная страсть. Отовсюду, где он бывал, «Капитан Балаклава» привозил заморские растения, пытаясь их прижившить на родине, в северной Швеции. Почти наверняка саженцы сибирского кедра, поразившие его своей густотой и очень похожие на маленьких медвежат, он привез с Соловецких островов. Дело в том, что там, в Савватиевском монастыре, был прекрасный дендрарий, почва которого обогревалась горячим воздухом от печей, текущим по невидимым, закопанным в садовую землю трубам. В монастырском саду росли сотни диковинных растений, цвели и плодоносили южные фрукты. А вокруг монастыря с пятнадцатого века росла чудесная кедровая роща, которая, кстати, по сей день жива, и — диво-дивное! — лесные ученые обнаружили, что это единственная искусственная роща сибирского кедра, в которой наблюдается естественное возобновление.

И вот прошло почти двести лет с тех пор, как «Капитан Балаклава» привез в Лулео кедры. Все до единого растения, что он посадил здесь, погибли. Остались только сибирские кедры, десять могучих красавцев, доставивших обыкновенную человеческую радость нескольким поколениям жителей Лулео и продолжающих свою скромную, тихую службу людям.

На вертолетах шведских ВВС летим к саами, лопарям. Озеро Лагнас, километров сто пятьдесят от Кируны. Небольшой поселок Салтулуокта на берегу, в ивняке и горной березке. Даже трудно назвать это селением. Председатель поселка Ампут Ивар Куольёк объяснил, что зимой они живут в Ёкмоке, центральном своем поселке, в обычных домах с удобствами, а олени сейчас на выпасах за сто — двести километров от этого озера. И нельзя было понять, что делают саами здесь, в Салтулуокте.

— Вы всегда в таком костюме? — спросил я.

— Нет, это — праздничное одеяние саами.

Ну, для туристов из Франции, ФРГ или, скажем, Италии такой поселок и все эти одежды с яркими рантами и вышивками — захватывающая экзотика. И многие охотно платят доллары и марки, чтобы побыть часок среди представителей оленеводческой полукочевой народности. А мне показалось, что здесь больше рекламы, чем подлинно саамского образа жизни. Да какая уж тут экзотика, если даже не разобрать было, кто кого больше фотографирует — мы жителей этого поселка или они

нас. Предупредили, чтобы мы не спрашивали мужчин, сколько у них оленей, — саами считают этот вопрос нетактичным. Хорошо, не станем спрашивать.

Мы в кругу мужчин. Интересуемся бытом, семейным укладом, здоровьем детей, а они спрашивают, как живут советские саами и правда или нет, что наши оленеводы могут коллективно купить аэросани. Отвечаем, что покупают не только аэросани, но и вездеходы, и рации, и даже арендуют вертолеты. Потом говорим о весе оленей. Здесь они мелкие, и саами хотят знать подробности о достижениях советских ученых, которые вывели породу оленей значительно большего веса. Говорим о тундровых пожарах, рыбной ловле и охоте: зверей и птицы становится, мол, все меньше. Саами с благодарностью вспоминают о нашем посольстве и советских охотничьих организациях, которые недавно по их просьбе прислали в Ёкмок две пары диких северных гусей, исчезнувших здесь. Короче, разговор получился интересным, о деле, и мне показалось, всем было хорошо оттого, что он оказался несколько выше стандартного туристического уровня. «Саами» по-русски значит «люди», и эти люди понравились мне своей серьезностью, радушием, реакцией на шутку. Когда один из них спросил, есть ли в Советском Союзе комары, а я ответил, что у нас водятся комары, которые начисто откусывают уши, то все долго, со слезой, смеялись.

И с женщинами разговоры были. Жена хозяина Сунн Ристин угощает вкусными бутербродами с копченой олениной, горячим кофе и объясняет, что вот тут, возле печи,— главное место жилища, место хозяйки.

— А где сидит муж?

— Если хорошо себя ведет — рядом, — улыбается Сунн Ристин. — Если плохо — вон там, у двери.

— Какой у саами национальный напиток?

— Кофе, — смеется она.

В поселке есть церковка, сделанная в традициях саамских построек. Молодой священник, в джинсах, свитере, с фотоаппаратом через плечо, показывает нам священные писания, изданные на языке саами. Других книг в поселке я не увидел и вспомнил одну подробность встречи с губернатором. Я спросил его, сколько представителей десятитысячного населения саами выбрано в шведский парламент и губернское собрание. Он ответил, что таких нет, но из десяти членов губернского совета один обязательно саами, назначаемый правительством.

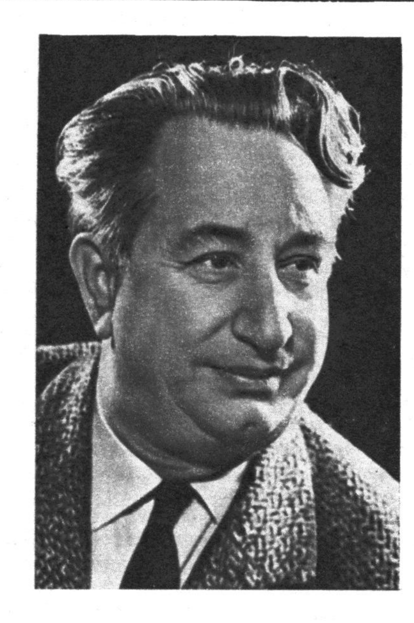
Интересны саамские жилища — простое и мудрое приспособление народа к природе и климату. Откровенно говоря, я не абсолютно уверен вообще-то в известном допущении, будто все люди вначале жили в естественных пещерах. Человека породил лес — только в этой природной стихии он и мог в те времена прокормиться и обогреться, а о пещерах в лесах я что-то не слыхивал. Чтобы защитить свои очаги от непогоды, первые люди пускали в дело любой местный строительный материал. Основные принципы и приемы первостроителей жилищ сохранились с древнейших времен до наших дней.

Скопление русских изб называется деревней, потому что строились они из лесин, из д е р е в а. Мы знаем жилища, сделанные в ракушечнике и лессе, землянки-копанки, глиняные хаты, каменные сакли, травяные шалаши, берестяные чумы, полотняные шатры, снежные иглу, яранги из шкур, юрты из войлока, хижины из бамбука, тростника, листьев пальмы-рафии, фанзы, типи, вигвамы... Традиционная саамская ката не похожа ни на одно из перечисленных жилищ. Из чего, казалось бы, можно сделать тут помещение, которое может защитить от ветров, дождей, снега, мороза, комарья? Землянка? Но сыра и мерзла земля в северной тундре. Крупновалунный камень тоже не годится для построек. Лес тут низкорослый, кривоватый, а на оленьих шкурах саами только сидят и лежат.

Ката делается так. Выбирается сухое место — взгорок, и разравнивается площадка. Из ошкуренных березовых жердей и полубревнышек многогранником возводятся щелястые стенки, переходящие повыше в конус. Эти стенки снаружи покрываются берестой (сейчас толем или рубероидом) и плотно обкладываются со всех сторон и до самого верха толстыми пластами дернины, скрепленной корнями цепких заполярных трав... Ну, отверстие в вершине конуса, закрывающиеся продухи над каждым спальным местом, очаг посредине, а ныне чугунная плита с трубой из оцинковки. Пол устлан свежими березовыми ветками, а у стен оленьими шкурами. Все. Летом прохладно, зимой тепло. Такой дом можно быстро сделать в любом месте тундры. Остроумно и дешево. Хороший народ саами. До свидания, люди!...

А история сибирских кедров в Лулео, надеюсь, найдет когда-нибудь свое доброе продолжение. Дело в том, что мне удалось узнать настоящее имя «Капитана Балаклавы». Этого моего шведского друга звали Юхан Густав Сундстрём. В Государственном архиве Швеции, оказывается, хранятся его корабельные дневники, и я, наверно, долго буду испытывать чувство досады, что не успел, не сумел заглянуть в них. И еще жалко, что в Лулео оказался в цейтноте — мне б хоть один денек, чтобы взрыхлить почву под кедрами да повытаскивать из стволов гвозди: должность городского садовника там свободна.

Продолжение следует.



СВЕТ ДРУЖБЫ И ПРАВДЫ

К 60-ЛЕТИЮ ГЕОРГИЯ ГУЛИА

В предисловии Г. Гулиа к последней его книге рассказов, к сборнику «А если это любовь?», находим характерное для него признание: «Главное — правда... Без нее нельзя. С этой стороны и должно проверяться любое произведение». Да, для Гулиа правда — основа творчества и критерий его оценки. По самой природе своей он писатель-реалист.

До того как стать профессиональным литератором, Г. Гулиа накопил немалый житейский опыт. Сын народного поэта Абхазии, крупного ученого и общественного деятеля, Георгий Дмитриевич воспитывался в атмосфере любви к искусству, требовательного отношения к нему. Он окончил Институт инженеров путей сообщения, работал на стройках, был разъездным газетным корреспондентом, занимался живописью и графикой, около двадцати лет готовился к писательству, пробовал силы в прозе и драматургии.

Лишь 25 лет тому назад, в 1947 году, когда была создана повесть «Весна в Сакене», отлично встреченная читателем, Г. Гулиа решился стать профессиональным писателем. Но как же много успел он написать за эти 25 лет, как многоцветно раскрылся за эти годы его художественный талант, как прочно завоевали его книги читательскую любовь!

Популярность произведений Гулиа во многом объясняется тем, что в его творчестве бьется сердце современника, передового человека, художника правдивого и талантливого. Современны по темам и материалу его «Друзья из Сакена» — трилогия, посвященная людям абхазского села, их преобразовательной работе, во многом определяемой тем, что они живут «по московскому времени», по нормам коммунистической нравственности. О современности, о людях, кровно преданных общему делу советского народа, написаны и романы и повести «Каштановый дом», «Пока вращается земля...», «Скурча уютная» и многочисленные рассказы писателя. Современными можно (сколь это ни покажется парадоксальным) назвать и исторические романы, повести и рассказы Гулиа — произведения, в которых он стремится найти в далеком прошлом мотивы, поучительные для нашего времени, расслышать голоса, звучание которых актуально и ныне. Именно с этих позиций написаны романы из истории Древнего Египта — «Фараон Эхнатон», Греции — «Человек из Афин», Рима — «Сулла», Абхазии семидесятых годов минувшего века — «Водоворот».

Писательское творчество Гулиа органически связано с журналистикой. Нередко именно с ее помощью черпает он темы из жизни, общается с интересными людьми. Гулиа любит колесить по нашей стране, находить героев для своих произведений в горах Кавказа, в Сухуми и в Баку, на берегах Волги и в Подмосковье. Он умеет находить друзей и интересных собеседников и за рубежом — в Болгарии, ГДР, Польше, Египте, Скандинавии, Англии.

Сегодня, когда Г. Гулиа исполняется 60 лет, о нем с чувством любви и благодарности думают тысячи и тысячи его друзей-читателей. Среди них и я, и мне хочется поздравить Г. Гулиа в форме, которая должна быть ему приятна. Как известно, во многих рассказах Гулиа, истинного сына Кавказа, выведены веселые люди, мастера кавказских застольных тостов. Трудно соревноваться с ними в красноречии, но все же дерзну. И, мысленно поднимая заздравный бокал, воскликну от души:

— Дорогой Георгий Дмитриевич! Дорогой, любимый, сердечно уважаемый друг! Свой маленький бокал я пью с большим чувством. Я знаю: друзья-читатели выражают вам горячую благодарность, добрые пожелания, искреннюю симпатию. Будьте же здоровы и счастливы, дорогой наш человек! И пусть над вашим очагом всегда сияет свет дружбы и радости!

Александр **ДЫМШИЦ**

Юрий ЖУКОВ
Фото автора.

Две недели прожил я этой зимой в Америке. В одиннадцатый раз бродил по каменным ущельям Нью-Йорка — они кажутся еще теснее и еще темнее, так как небоскребы стали еще выше; кормил белок на скверах Вашингтона — их там по-прежнему уйма; с грустью глядел из окна экспресса на дымящиеся день и ночь гигантские свалки у Нью-Йорка — туда ньюйоркцы вывозят около восьми миллионов тонн мусора в год; с наслаждением дышал кристально чистым воздухом на лесистых холмах «гранитной долины» штата Нью-Гемпшир; встречался с десятками самых разных людей — со студентами и профессорами, с политическими и общественными деятелями, с миллиардерами, делающими деньги и политику, с дипломатами.

Глядишь в глаза Америке, такой изменчивой и все же неизменной, и не перестаешь изумляться при виде этой необычайно богатой и в то же время потрясающей тебя мрачными картинами своей нищеты и преступности, вызывающей к себе уважение необычайной инженерной изобретательностью и поражающей бесчисленными проявлениями какой-то примитивности идейного мышления страны. И снова, как всякий раз, когда ты возвращаешься из-за океана и когда люди тебя спрашивают: «Ну, какая же она сегодня, Америка?» — долго ищешь слова и наконец говоришь:

— Пестрая!..

ПЕСТРАЯ

ОНИ И МЫ

Недавно небезызвестный американский ученый Герман Кан, специализировавшийся на прорицании будущего, и его коллега по Гудзоновскому институту Б. Брюс Бриггс опубликовали книгу «Грядущие вещи», в которой написаны разумные слова: «Мы не можем жить без мечтаний. Но мы не должны позволять нашей фантазии подменять реальность и конкретное будущее».

О чем фантазирует Кан, мы знаем из его прежних книг об атомной войне, об эскалации, о том, нельзя ли, развивая у людей условные рефлексы, превращать их в исполнительные, но не рассуждающие существа. В его книгах далеко не всегда высказывались разумные вещи, и мы это помним. Но если сегодня и он приходит к выводу, что нельзя позволять фантазии подменять реальность, то это в какой-то мере является знамением времени, хотя такие знамения иной раз затмеваются пылью и дымом текущей политики.

В дни, когда я был в Америке, происходили многие события, и картина, в которую они складывались, была опять-таки довольно пестрая. Во Флориду, на мыс Кеннеди, съехались полмиллиона американцев, чтобы наблюдать за запуском ракеты, которая унесла на Луну трех астронавтов; говорили, что это последнее в нынешнем веке лунное путешествие американцев: программа «Аполлона» обошлась им в 25 миллиардов долларов, и правительство решило поставить на этом точку. На Лонг-Айленде вторую неделю бастовали железнодорожники, и миллионы людей, живущих там, с превеликим трудом добирались оттуда в Нью-Йорк, опаздывая на работу. В госпитале далекого Канзаса умирал бывший президент Трумэн, и газеты писали, что вместе с ним умирает целая эпоха — эпоха «холодной войны», которую он начинал вместе с Черчиллем.

Газеты старались в эти дни быть оптимистичными. На первых полосах каждый день публиковались пространные телеграммы из Парижа, где помощник президента Киссинджер вел переговоры с представителем ДРВ товарищем Ле Дык Тхо. О содержании переговоров ничего не сообщалось, но заголовки газет настраивали читателей на благодушный лад: «Мир настанет с минуты на минуту», «Осталось урегулировать несколько деталей». Потом вдруг газеты напечатали на первых полосах фотографию: мистер Киссинджер стоит возле своего автомобиля, а на крыше этого автомобиля сидит, растерянно озираясь, посаженный туда чьей-то ловкой рукой черный кот. Подпись гласила: «Откуда-то взявшийся черный кот ловко вспрыгнул на автомобиль Киссинджера. Не сулит ли эта примета чего-то неприятного?»

Но в те дни, когда мы — группа советских политических и общественных деятелей, прибывшая в Соединенные Штаты на встречу с представителями американских деловых и политических кругов,— вели беседы с этими представителями, анонимный черный кот еще не вмешался в парижские переговоры, и обстановка была поспокойнее. И вот что интересно: те, весьма солидные и представительные, деятели, с которыми мы разговаривали на протяжении многих часов, с нескрываемой заинтересованностью и, на мой взгляд, совершенно искренне говорили о том, что с «холодной войной» пора кончать и что пришло время перестраивать международные отношения на единственно разумной — реалистической основе (вот тут-то я и вспомнил о книге Кана и Бриггса!).

Даже в том, что касается Вьетнама, нам на этот раз удалось быстрее и легче, нежели на прежних встречах — а это была уже седьмая по счету конференция такого рода,— находить понимание с нашими собеседниками. О, конечно же, у нас не было и не могло быть согласия в вопросе о том, кто несет ответственность за развязывание этой войны, почему американские вооруженные войска оказались в Индокитае и чем они там занимались все эти годы. Но все были согласны, что с этой войной надо кончать, и притом кончать немедленно.

Соблюдая должную объективность, я не могу не отметить, что на конференции в Хановере, где мы встретились с весьма представительной группой влиятельных американцев, явственно чувствовались новые настроения, истоком которых являются уже вошедшие в историю соглашения, подписанные в мае 1972 года в итоге советско-американских переговоров в верхах. Сердцевиной этих соглашений была зафиксированная тогда в Москве истина, гласящая, что в ядерный век отношения между нашими странами могут строиться только на основе мирного сосуществования.

Я видел, что понимание этой истины нелегко давалось некоторым из наших собеседников, воспитанных на протяжении минувшей четверти века в духе теорий Даллеса насчет «отбрасывания коммунизма». Но что поделаешь, нельзя же в самом деле позволять фантазии подменять реальности нынешнего мира, и в частности ту реальность, которая определяется словами «равенство сил». Вот почему на сей раз в числе наших собеседников были не только старые знакомые, которые еще в самом начале шестидесятых годов пришли к мысли о необходимости конструктивного диалога с советскими людьми, но и многие новые, принадлежащие, как принято вежливо говорить в Америке, к «консервативным кругам».

Мне вспоминается сейчас разговор на приеме в одной крупнейшей издательской корпорации — не то на тридцатом, не то на сороковом этаже нью-йоркского небоскреба. Был ранний декабрьский вечер, далеко внизу, на мокром асфальте, поблескивали огоньки бесчисленных автомобилей. Ветер с океана гнал черные тучи, подсвеченные оранжевыми и голубыми отблесками реклам.

Нас принимал хозяин корпорации, рослый, по-спортивному подтянутый, хотя уже седеющий американец с озабоченным лицом,— как раз в эти дни погибал крупнейший в Америке консервативный журнал, его любимое детище: поставщики рекламы переметнулись на телевидение, и журнал задыхался от долларовой анемии. И все же хозяин его выкроил время для участия в нашей конференции. «Это так важно, так важно»,— повторял он. А его сосед, такой же рослый и подтянутый, седеющий американец, старший вице-президент крупнейшего американского банка, густым басом говорил:

— Я хочу, чтобы вы знали: я представитель правого, консервативного крыла республиканской партии, которая сама по себе является консервативной. Но я вам говорю: наш банк полностью поддерживает московские соглашения, и я на днях с радостью принял назначение на пост постоянного представителя банка в Москве. Мы уже делали дела с вами, и мы можем делать еще большие дела...

Вспоминается еще один собеседник — известный генерал, долгие годы командовавший вооруженными силами НАТО, а ныне возглавляющий одну из крупнейших индустриальных фирм,— не без гордости он сообщил мне, что в минувшем году его корпорация продала своей продукции на шестьсот миллионов долларов. Поначалу генерал чувствовал себя не очень уверенно в новой для него обстановке, выступал не часто, больше приглядывался. А потом вдруг сказал однажды за ужином: «Вы знаете, когда я был в НАТО, я все представлял себе иначе. А сейчас я оказался по эту сторону забора и гораздо лучше вижу, что происходит. Найти общий язык все-таки можно и нужно...»

В Вашингтоне я беседовал с видными сенаторами, важными должностными лицами, хорошо осведомленными журналистами. Они тоже говорили, что перестройка американо-советских отношений на конструктивный лад — дело трудное, но необходимое.

В своем блокноте я перечитываю запись беседы с одним из весьма информированных должностных лиц Белого дома:

— Линии, намеченной в майских соглашениях в Москве, несомненно, принадлежит будущее, хотя темпы позитивного развития американо-советских отношений не будут сенсационными. Во-первых, надо учитывать, что двадцать пять лет «холодной войны» создали психологический барьер между нами и вами. Во-вторых, остаются нерешенными многие политические проблемы, разделяющие нас. В-третьих, в стране существуют влиятельные силы, проявляющие скептицизм и выступающие против перестройки наших отношений. Поэтому улучшение американо-советских отношений будет длительным процессом и встретит на своем пути много трудностей. Но этот процесс начался, и остановить его уже невозможно...

Ну что ж, в основном с этой осторожной, но все же оптимистической оценкой можно согла-

ситься. Я бы только уточнил, о каких «влиятельных силах», выступающих против перестройки наших отношений, идет речь. Это те самые силы, которые символизировал своей персоной черный кот, подсаженный изобретательными американскими фоторепортерами на крышу автомашины Киссинджера в Париже. Речь идет о пресловутом военно-промышленном комплексе и его политическом аппарате. Это весьма могущественные силы, и недооценивать их влияние нельзя.

АМЕРИКАНСКИЕ БУДНИ

Один деятель Уолл-стрита сказал нам в эти дни: «Ну, кажется, самое неприятное уже позади — затяжной экономический спад кончился». Да, после того, как в 1970 году объем промышленного производства в Соединенных Штатах упал на 4,1 процента, а в следующем году остался на том же сниженном уровне, в 1972 году валовой национальный продукт (производство плюс услуги) увеличился на 6,5 процента. Но если сравнить этот нынешний итог с тем, что имела Америка до спада, то окажется, что максимального предкризисного уровня она достигла лишь во второй половине 1972 года.

Вот почему за воротами предприятий в четвертом квартале 1972 года оставалось все еще 4,6 миллиона безработных, а те, кто работал, хотя и пользовались более высоким жизненным уровнем, нежели во многих других странах, но все острее чувствовали на себе последствия обесценения доллара: цены неудержимо растут, а сам доллар, который некогда слыл самой прочной валютой, продолжает катиться в тартарары.

К этому добавляются все возрастающие трудности с торговым балансом. Хотя Америка, защищаясь от своих конкурентов, ввела дополнительный десятипроцентный налог на импорт, одни лишь японцы ухитрились в минувшем году продать на внутреннем американском рынке своих товаров на четыре миллиарда долларов больше, нежели американцы смогли сбыть им своих. И если в 1971 году Соединенные Штаты впервые в своей истории свели свой внешнеторговый баланс с дефицитом в 2,1 миллиарда долларов, то в 1972 году этот дефицит достиг огромной суммы в 6,4 миллиарда...

Я, конечно, далек от того, чтобы преуменьшать успехи американских промышленников, конструкторов, инженеров, рабочих. Достаточно пройтись по улицам городов Соединенных Штатов и поглядеть на быстро растущие повсюду, словно грибы, колоссальные небоскребы из бетона и нержавеющей стали, алюминия, бронзы, стекла и пластмасс, чтобы убедиться в том, что американский технический гений не дремлет. Не говорю уже о том, что последний полет американских астронавтов на Луну, который показывался изо дня в день на экранах цветного телевидения, выразительно напоминал о мощном потенциале науки Соединенных Штатов Америки. Но при всем том и сегодня, как и всегда, эта страна поражает невероятными контрастами в своем развитии и в своей жизни.

Вот нам показывают последнюю новинку городского строительства — две гигантские стодесятиэтажные башни в деловом квартале Нью-Йорка, гордо именуемые «Всемирный торговый центр». Они взметнулись в высоту на целых полкилометра. Их строили восемь тысяч двести рабочих. Строили шесть лет. Перед нами — бетон и сталь, сто тысяч квадратных метров стекла, двадцать одна тысяча восемьсот окон. Их моют автоматические моющие машины, движущиеся вверх и вниз со скоростью «пять этажей в минуту». Сто один лифт обслуживает двести тысяч посетителей этих «билдингов» в день. И в каждом лифте — красная кнопка: если на вас в лифте нападут бандиты и насильники, нажмите на эту кнопку, и из полицейского участка, который находится в одном из шести подвальных этажей, пулей взлетит на другом лифте «вертикальный патруль»— есть нынче и такой термин в словаре служителей порядка.

А неподалеку от этого «Всемирного торгового центра», где все механизировано и автоматизировано, где рокочут и шепчутся на своем металлическом языке бесчисленные электронно-вычислительные машины, делающие деньги, находится самая настоящая барахолка вроде той, какая была когда-то где-нибудь в Гадяче или Жмеринке — поглядите на снятые мною фотографии, и вы убедитесь в этом. Это улица Орчард-стрит, а таких улиц рядом с Уоллстритом сколько угодно — здесь и итальянский, и китайский, и еврейский, и многие другие кварталы, сохранившиеся точно в таком же виде, в каком они сложились в конце прошлого века, когда эмигранты из Европы высаживались неподалеку отсюда, на Острове слез.

По-разному, очень по-разному живут американцы. В дни, когда мы были в Соединенных Штатах, газеты печатали такие, к примеру, сообщения:

— Калифорнийский миллиардер Нортон Саймон приобрел в Нью-Йорке за три миллиона долларов «Мадонну» Рафаэля — одно из самых выдающихся произведений этого итальянского мастера, какое когда-либо попадало в американскую коллекцию за долгие годы. Всего в Америке есть лишь полдюжины его картин, в том числе только одна в музее «Метрополитэн» и две в Национальной галерее.

— Письмо в редакцию. «Мой муж мало зарабатывает, и мы не в состоянии свести концы с концами. Денег едва хватает на уплату за квартиру и за еду, а приобретать одежду мы не в состоянии. У нас четверо детей — мальчики четырех, шести и восьми лет и девочка полутора лет. Умоляю прислать нам поношенную одежду и обувь». Далее следуют размеры одежды и обуви госпожи И. Д., ее мужа и детей.

— Седьмого декабря состоялась рекордная продажа драгоценностей в «Сотби Парк Беннер», Нью-Йорк: за один день было продано украшений на 3 226 225 долларов. В моде изумруды. Четыре года тому назад госпожа Э. Анненберг Гафит купила кольцо с изумрудом в 34 карата за 265 тысяч долларов. Недавно она скончалась, и наследники решили продать это кольцо. Они получили за него 385 тысяч долларов. Нарасхват идут рубины и сапфиры.

— Состоялось очередное заседание сенатской комиссии по борьбе с голодом. Профессор питания Калифорнийского университета Бриггс заявил, что «американская диета ужасна» и что плохое питание порождает множество «хилых младенцев, физически и умственно недоразвитых детей», вызывает у людей «слабость, сердечные и сосудистые болезни, высокое кровяное давление, ухудшение зубов, диабет, неполадки в пищеварении, болезни костей» — «все это в какой-то мере объясняется бедным питанием».

Это были предрождественские дни. В магазинах царило веселое оживление: люди, у которых есть деньги, спешили приобрести подарки родным, друзьям, детям, и Деды Морозы с ватными и нейлоновыми бородами, в красных камзолах без устали звонили в медные колокольчики у дверей универмагов: «Заходите! Заходите! Не забудьте сделать предпраздничные покупки!» И люди гурьбой валили в широко раскрытые двери.

Но были и другие американцы, которые не могли купить подарков своим детям, и те по своей наивности писали письмо главному Деду Морозу и вежливо просили его не забыть все же их. В эти дни работник центрального торгового офиса, что на углу Восьмой авеню и Тридцать третьей стрит в Нью-Йорке, Томас Фланигэн объявил, что такие письма поступают во все возрастающем количестве. На конвертах адреса: «Соединенные Штаты, Деду Морозу». Или с бóльшим полетом фантазии: «Северный полюс, Деду Морозу». Прошлый год было отправлено шесть тысяч таких писем. В этом году их было еще больше. И в каждом конверте просьба прислать либо ботинки, либо игрушку, либо пальто...

Работники почты собирали пожертвования, чтобы послать детям посылки от имени Деда Мороза. Но одежда, обувь, игрушки стоят дорого, а жертвователей немного. Одна женщина из Канзаса, посылая почтовикам перевод на скромную сумму, приписала: «Я ненавижу рождество, потому что оно всегда напоминает о пропасти между богатыми и бедными».

Сбор пожертвований на подарки нуждающимся детям организовала и газета «Бостон глоб». Чтобы разжалобить своих читателей, она напечатала репортаж «Нелегко быть мужчиной в 13 лет». Это был рассказ о мальчике по кличке Чакки, который, чтобы помочь семье, работает за чаевые в тавернах и барах. «Он знает язык мужчин,— писала газета.— Он знает свою роль, знает, как надо скрывать под улыбкой свои переживания, как надо шутить и сохранять бодрый вид. В свои 13 лет он владеет мастерством добывать чаевые. Он знает экономику жизни».

И тут же было помещено письмецо этого «веселого Чакки»: «Я пишу ради моих маленьких братьев и сестер. Отец наш зарабатывает мало, а мать оглохла и не может работать. У меня две сестры — восьми и десяти лет — и два брата — одному пять лет, другому годик. У нас грустное рождество. Я буду благодарен вам за любую помощь нашей семье. Обещаю всем, что, когда я вырасту, я буду помогать бедным детям».

Газета «Бостон глоб» печатала изо дня в день списки жертвователей. Нельзя сказать, чтобы эти списки блистали значительными суммами. «Друг» пожертвовал один доллар; «Аноним»— тоже доллар; Эшби Уиквайр — два доллара; Бупси — двадцать три цента; человек, написавший «Я хотел бы дать больше»,— два доллара; Стефан Махони, одиннадцати лет, Эми Махони, шести лет, Мэри Махони, десяти лет, и Морган Махони, двенадцати лет, собрали и прислали 70 центов, и только один жертвователь отвалил от щедрот своих 614 долларов. Но бедных детей так много, что и эта сумма оказалась каплей в море...

А в эти же самые дни газеты опубликовали такое сообщение агентства Ассошиэйтед Пресс:

— Расходы на оборону в наступающем бюджетном году не только не будут сокращены,

АМЕРИКА

но, наоборот, повысятся до суммы, превышающей 80 миллиардов долларов,— заявил министр обороны Лэйрд перед отъездом в Брюссель на сессию совета НАТО. Ранее намечалось израсходовать на оборону 76 миллиардов...

КОЕ-ЧТО ИЗ ГАЗЕТНОЙ ХРОНИКИ

Я не хочу сгущать краски и рисовать повседневную жизнь американцев мрачнее, чем она есть. Конечно же, в Америке есть много преуспевающих людей. Они хорошо живут, у них собственные дома и автомобили, они хорошо одеваются и сытно питаются, откладывают деньги на черный день. Тем больше бросается в глаза неустроенность и трагическая судьба тех, кто не в состоянии получить работу, кто протягивает руку за подаянием, как этот несчастный «весельчак Чакки», кто умирает с голоду в трущобах Гарлема.

Официальная Америка признает, что все это существует в ее жизни. Об этом говорят члены правительства, сенаторы, социологи. Об этом пишут газеты с миллионными тиражами: что поделаешь, везет не всем, говорят они. Но тщетно вы пытались бы обнаружить в таких выступлениях следы социального анализа этих бедствий. Вы найдете их лишь в изданиях американских коммунистов, но их читают пока еще, к сожалению, немногие. А в так называемой «большой прессе», которая, стремясь войти в доверие к читателям, часто и охотно вступает в диалог с ними, вы встретите лишь констатацию фактов и обнаружите довольно ловкие попытки увести читателей в сторону от размышлений о том, почему же жизнь складывается так трудно.

Вот лежит передо мной воскресное издание нью-йоркской газеты «Дейли ньюс», которая похваляется тем, что она много места уделяет письмам своих читателей и ответам на них. На развороте — аншлаг: «Вопросы, наиболее часто задаваемые нашими читателями, и наши ответы на них». И заголовки: «Насчет красоты...», «Насчет людей...», «Насчет пищи...», «Насчет детей...», «Насчет хороших манер...».

Какие же вопросы газета считает наиболее важными и типичными? Вот они: «У меня длинные волосы, я решила их остричь. Хорошо ли это будет?», «Как ухаживать за бровями?», «Мне семнадцать лет, и я беременна, что я должна сказать об этом матери?», «Можно ли использовать в этом году замороженную индейку, купленную год тому назад? Я ее сберегла», «Является ли ошибкой посылка рождественской открытки семье, в которой кто-то умер в этом году?»

А вот как строится диалог редакции «Дейли ньюс» со своими читателями.

Читательница. «По-моему, в наше время дети достаточно хорошо разбираются в вопросах секса. Должна ли я дополнительно информировать об этих вопросах своего восьмилетнего сына?»

Редакция. «Не ломайте себе голову над тем, насколько хорошо ваш сын разбирается в вопросах секса. Вероятно, он не знает и половины того, что, как вам представляется, ему известно... Вы можете помочь ему разобраться в его сексуальных проблемах, но для этого вам нужно вооружиться необходимыми сведениями. Свяжитесь с Советом сексуальной информации — 1855, Бродвей, Нью-Йорк, 10023».

Читатель. «Нас пригласили в гости по случаю обручения молодых. Должны ли мы принести с собой подарок?»

Редакция. «Те, кто вас пригласил таким образом, грубо нарушили этикет: упоминать в приглашении, что произойдет обручение, не полагается. Отец невесты должен объявлять об этом лишь тогда, когда все гости уже в сборе. Поэтому гости избавляются от расходов на дары. Однако в последнее время это правило нарушается все чаще, так как невесты хотят получать подарки. В некоторых кругах такая практика вызывает травматизирующее воздействие, так как она разрушительно сказывается на семейном бюджете. Все же, поскольку вам сообщили, что речь об обручении, вы на всякий случай должны захватить с собой небольшой подарок, но если другие гости придут с пустыми руками, то вы будете вправе оставить его при себе».

Из всех социальных проблем газеты чаще и охотнее всего пишут о неуклонном росте преступности и наркомании, хотя опять-таки старательно уходят от анализа глубоких причин этих явлений. Что верно, то верно: тема о преступности в США весьма актуальна, поскольку она достигла ныне поистине невообразимого уровня.

Помнится, 12 декабря я вдвоем с сотрудником нашего посольства в Вашингтоне направлялся в Белый дом на встречу с представителем по связи с прессой. Было около часа дня. Тысячи работников учреждений, покинув свои конторы, спешили в кафетерии и рестораны пообедать. Мы стояли у крохотного окошечка в толстом, пуленепробиваемом стекле проходной, за которым могучий сержант тщательно проверял наши документы и звонил по разным телефонам, а четверо других стражей порядка сидели рядом в боевой готовности. Вдруг раздались пронзительные свистки, душераздирающий рев сирен, и по улице бешено промчались несколько полицейских машин, тут же свернувших куда-то за угол. «Обычная история, за кем-то гонятся»,— сказал мой спутник. В это время нас наконец впустили во двор Белого дома, и мы забыли об этом.

О том, что же случилось, нам напомнили в тот день вечерние газеты: под крупными заголовками они сообщили, что в трех кварталах от Белого дома, на самой людной торговой магистрали «Ф-стрит», рядом с крупнейшим универмагом Гарфинкеля, была совершена попытка ограбления банка.

Дело было так. К окошку кассы подошел некий господин и небрежно протянул двадцатидвухлетней кассирше Деборе Вейсс пятидолларовую ассигнацию, к которой была приколота записка: «Я ветеран Вьетнама. Мне нечего терять. Отдай мне все деньги». Кассирша в страхе отшатнулась. Тем временем нежданного гостя узнал другой сотрудник банка: оказывается, этот «ветеран Вьетнама» уже дважды таким же образом грабил это же самое отделение — 10 ноября 1971 года и 18 июля 1972 года. Сотрудник тут же нажал кнопку «тихого» сигнала, который приняли дежурившие на улице полицейские, а те, в свою очередь, вызвали подкрепление. Оно-то и мчалось на «Ф-стрит», когда мы входили во двор Белого дома.

Пока кассирша трясущимися руками выгребала из сейфа 1 250 долларов и вручала их налетчику, полицейские уже появились на пороге. Налетчик тут же схватил стоявшую рядом и ничего не понимавшую восьмидесятилетнюю клиентку банка и, укрываясь ею, как щитом, открыл огонь из пистолета. Но полицейский офицер Майк Дж. фон Фоссен оказался более ловким: изловчившись, он влепил грабителю пулю в висок, и тот рухнул, увлекая за собой перепуганную насмерть старушонку,— она чудом осталась невредима, было прострелено лишь ее пальто.

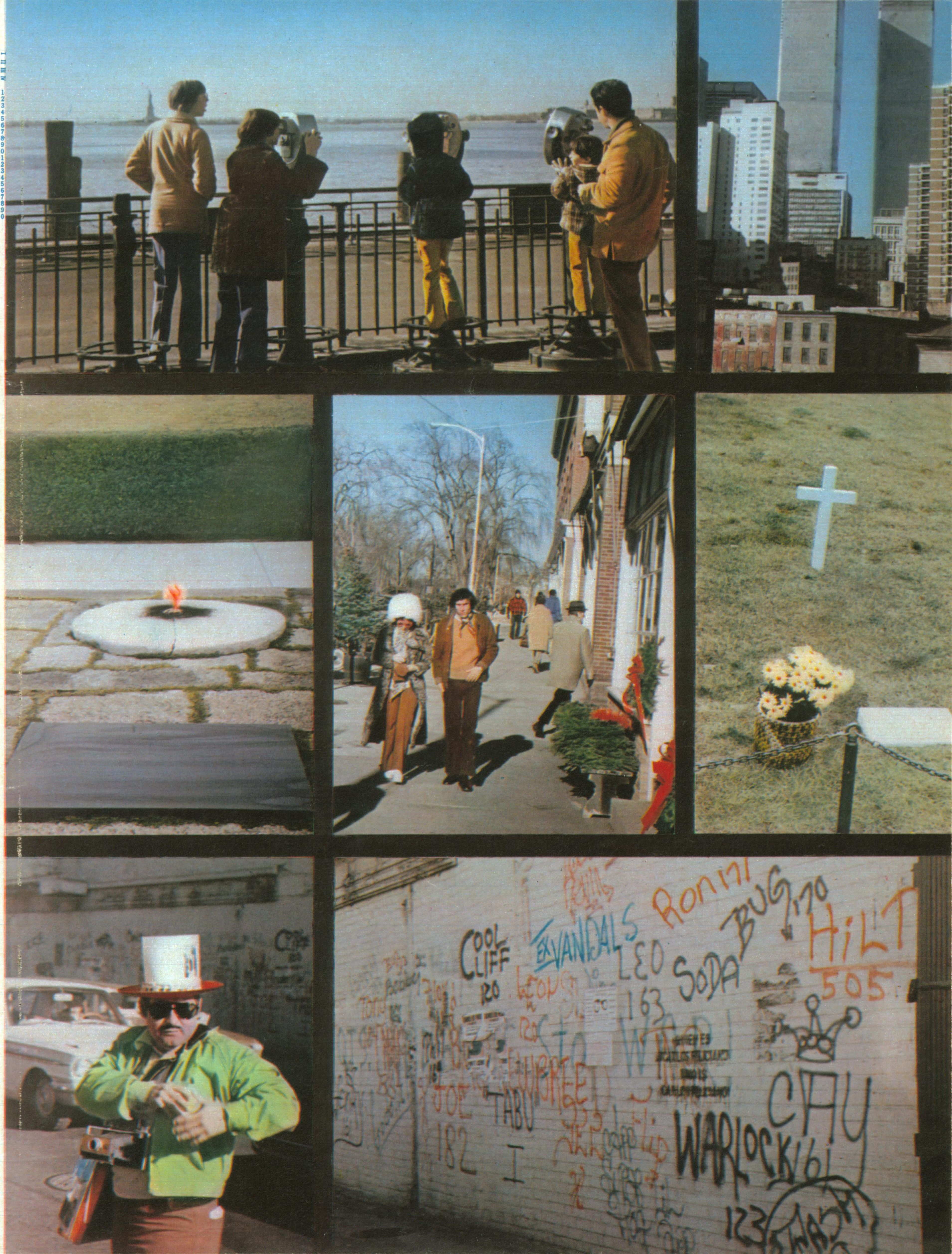
«Ветерана из Вьетнама», специализировавшегося на ограблении банков, опознали. Это был Вильям М. Хоукинс, 51 года. Он всегда действовал одним и тем же способом: входил в банк, протягивал кассиру пятидолларовый денежный билет с приколотой к нему запиской, и тот отдавал ему все деньги. Прием действовал на банковских служащих неотразимо. Пять налетов остались безнаказанными. В шестой раз налетчику не повезло.

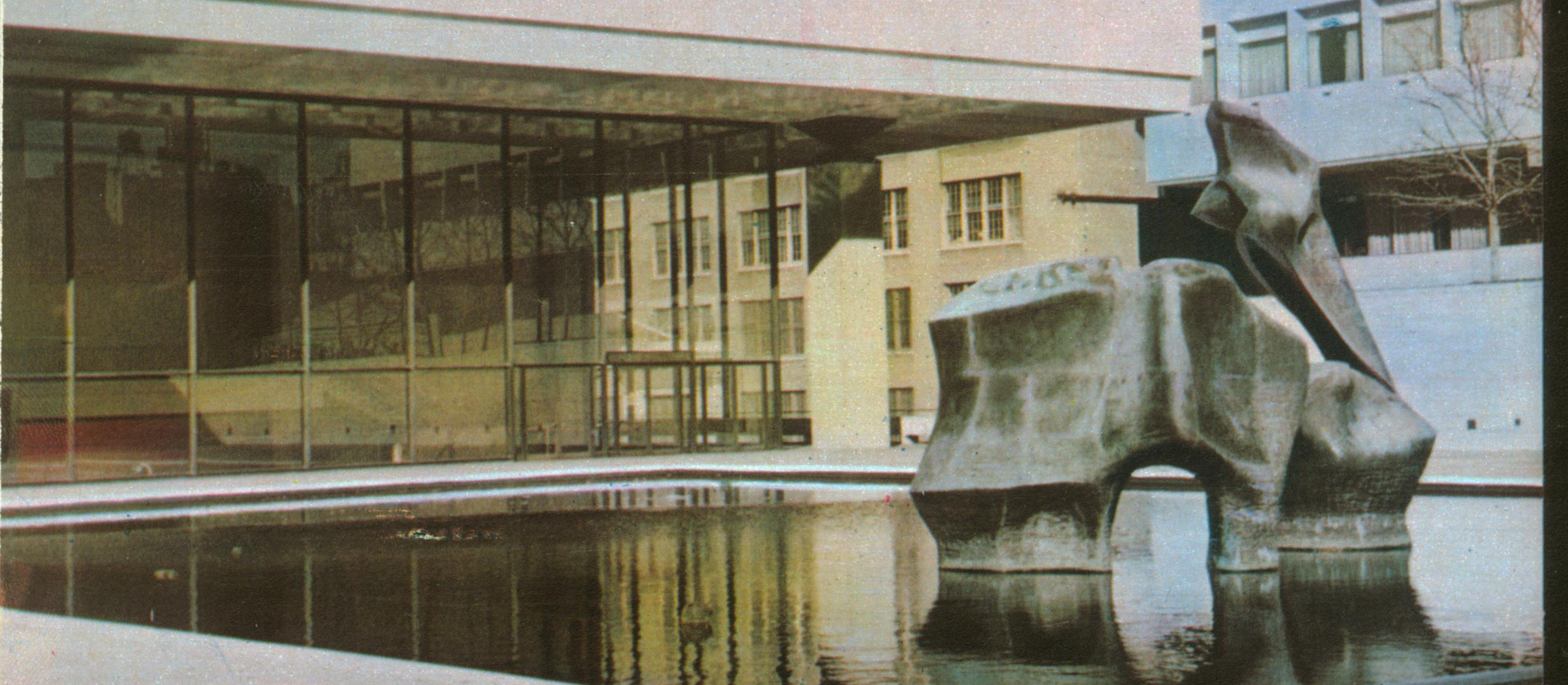
Закончилась эта история трагикомично: в момент перестрелки какая-то машина из штата Охайо, стоявшая у банка, вдруг тронулась с места и умчалась полным ходом. Полиция устремилась за ней, полагая, что там соучастники преступления. Гонка продолжалась долго, но окончилась конфузом: выяснилось, что это машина конгрессмена из штата Огайо, которая случайно оказалась в гуще событий...

По данным полицейской статистики, Вашингтон сейчас пользуется сомнительной честью быть первым городом в США по числу преступлений на душу населения. В газете «Вашингтон пост» есть постоянная рубрика: «Преступления и правосудие». Под этим заголовком ежедневно печатаются сообщения об убийствах, ограблениях на сумму свыше пятисот долларов, насилиях, кражах на сумму свыше ста долларов и о «любых других правонарушениях, в результате которых жертве было нанесено ранение»,— так сказано во вводке к этой рубрике.

У меня сохранился номер «Вашингтон пост»

ЧЕГО ТОЛЬКО НЕ УВИДИШЬ В АМЕРИКЕ! Бросьте монетку в автоматический телескоп, и вы сможете полюбоваться кораблями, уходящими в Европу, и даже далекой Свободой — вон ее статуя, еле заметная, слева от высокого парня в желтой куртке. В Даунтауне вы сможете увидеть два самых высоких в мире небоскреба — это так называемый «Всемирный торговый центр». ВО ВТОРОМ ряду снимков — слева могила Джона Кеннеди на Арлингтонском кладбище; помните, был в США такой президент, которого убили. В 1967 году возле той могилы еще дежурили курсанты морской пехоты, сейчас их уже нет. Экономия! Правее — могила Роберта Кеннеди; он тоже хотел стать президентом, но и его убили. А в центре — двое студентов на улице студенческого городка Ханове́р в штате Нью-Гемпшир. По случаю рождества у домов выставлены хвойные ветки с лентами. ВНИЗУ еще два снимка. Взгляните на эту стену — это ли не свидетельство «свободы слова» в США? Вы можете, если поблизости нет полицейского, написать на ней все, что вам угодно: любое ругательство, любое словечко — и даже расписаться. А уличный фотограф готов за плату сфотографировать вас на этом выразительном фоне.


COOL CLIFF
EX VANDALS
Ronni
BUG 170
HILT
505
LEO
163
SODA
CAY
WARLOCK 161
JOE 182
TABU I




LUNG KEE CO.




133
A&G
MENS•BOYS
OTHING



за 13 декабря. В нем со скрупулезной точностью (событие, место действия, час и минута) описаны случившиеся накануне на улицах и в домах Вашингтона и его пригородах одиннадцать вооруженных ограблений, семь случаев ранения и изнасилований и двенадцать крупных краж, включая похищение счетной машины из правительственной типографии «между четырьмя часами 30 минутами после полудня в пятницу и 8 часами после полуночи в понедельник». Таков был полицейский баланс. А вот баланс правосудия остался неизвестным и в этот день и во все другие, которые мы провели в Вашингтоне. Хотя редакция газеты и заявляет, что в этой рубрике публикуются наряду с информацией о преступлениях также «сообщения об арестах и судебных приговорах», ни строки, посвященной таким сообщениям, я не видел. Многие американцы в беседах со мной сетовали на то, что преступления часто остаются нераскрытыми...

Министерство юстиции Соединенных Штатов торжествующе заявило в конце декабря, что «за первые девять месяцев 1972 года число совершенных в США тяжелых преступлений увеличилось всего на 1 процент, что является рекордно низким усилением преступности... Увеличение числа преступлений на 1 процент,— продолжало министерство,— это наименьший рост преступности с тех пор, как в 1960 году Федеральное бюро расследований начало публиковать квартальные отчеты о преступности. Число преступлений неуклонно возрастало, но темпы роста преступности неизменно уменьшались, после того как в 1968 году было отмечено рекордное увеличение числа преступлений — 19 процентов».

Ну что ж, видимо, такова логика американских блюстителей порядка: если нельзя похвалиться уменьшением преступности, можно порадоваться и тому, что она растет сейчас менее быстрыми темпами, нежели раньше. Могу засвидетельствовать, однако, что рядовых американцев эта статистика не радует: многие из них с откровенным страхом говорили мне, что они боятся выходить на улицы своих городов с наступлением темноты, да и в светлое время предпочитают без нужды не рисковать. Впрочем, в Америке человек с револьвером или с ножом в руках может настигнуть вас и в доме, и в номере гостиницы, и даже в лифте.

«Насилие становится образом жизни в Бостоне и других городах» — таким был аншлаг в газете «Бостон санди глоб» 3 декабря 1972 года, а под этим аншлагом был помещен на трех газетных страницах рассказ о росте преступности в Бостоне — городе, который, между прочим, слывет наиболее респектабельным и наименее опасным для жизни людей в США. Но вот, поди ж ты, даже в Бостоне люди боятся ходить по улицам.

Еще бы! Вышла из своей квартиры на Биконстрит 19-летняя Робэн Лефковиц, чтобы позвонить по автомату приятельнице, имея в кармане всего 35 центов, а несколько минут спустя ее уже везли в госпиталь с четырьмя ножевыми ранениями; атаковавший ее грабитель не поверил ей, что в кармане у нее нет большей суммы денег. Вышел на улицу, направляясь в гости, молодой парень Дэвид Диксон, и тут же четверо налетчиков, напав на него, измолотили так, что он месяц пролежал в больнице и получил за лечение от врачей счет к уплате восьми тысяч долларов. (Нападение на Диксона, между прочим, было двенадцатым за день в Бостоне!) Вышла на улицу двадцатидвухлетняя студентка Сандра Эрамдян, направляясь на работу в бар, где она зарабатывает на учебу, и исчезла вовсе, а ее родителям было сообщено по телефону: «Хотите увидеть свою дочь живой, — уплатите выкуп в 25 тысяч долларов»...

Кому же после этого захочется гулять по улицам американских городов?

* * *

Вот так и жила нынешней зимой Америка. По-разному жила: были у нее и свои радости, были и печали; были основания для гордости — чего стоит хотя бы блистательный подвиг тех же астронавтов на Луне! — и были основания для тревог и угрызений совести — вспомним то, что делали американцы во Вьетнаме! Были горести и разочарования, но есть и надежды и мечты — о них мне с волнением говорили студенты Дартмутского колледжа: они горячо желали мира и дружбы народов.

Небольшая, но красноречивая деталь: этот колледж сравнительно небольшой, но обладающий давними традициями (ведь это одно из старейших в Америке высших учебных заведений, основанное еще до завоевания независимости), воспринял организованную на его территории советско-американскую встречу как важное для себя событие. Студенты и профессора долго готовились к ней. Даже старинные куранты на башне колледжа они перестроили на русскую музыку, и они каждый час отбивали мелодию «Во поле березонька стояла». Студенты придумали и изобразили эмблему наших встреч: советский стяг с серпом и молотом в соединении с американским звездно-полосатым флагом, а под ними зеленая сосенка, символ лесистого штата Нью-Гемпшир. Они подготовили для нас концерт самодеятельных хоров. Отлично пели эти ребята не только классические хоралы и народные американские песни, но и наши «Подмосковные вечера».

По их просьбе мы выступили перед ними с докладами. Борис Полевой рассказывал им о советской литературе, академик Евгений Федоров о том, как у нас заботятся об охране природной среды, я говорил о развитии советско-американских отношений. С каким неподдельным интересом слушали студенты эти доклады, какое огромное количество вопросов задали они нам,— вопросов, в которых сквозил огромный и притом неизменно доброжелательный интерес к нашей, такой далекой от них, но столь интересной им стране!

Глядел я в их искрящиеся живым, неподдельным чувством глаза, слушал их, толковал с ними и думал: а все-таки время берет свое, черт побери! Мало-помалу начинают рассеиваться ядовитые туманы «холодной войны», рушатся устойчивые предрассудки, навеянные многолетней, яростной антисоветской пропагандой. И, как ни пестра Америка, как ни сложны ее противоречивые внутренние процессы, и как ни стремятся мощные подспудные силы обратить вспять начавшийся в мае 1972 года процесс разрядки, рано или поздно здравый смысл одержит верх.

С этим теплым чувством мы и вернулись в Москву.

Это Нью-Йорк во всей своей поразительной пестроте. СВЕРХУ — одно из зданий знаменитого ансамбля культурных учреждений имени Вашингтона. В этот ансамбль входят и опера, и драматический театр, и концертный зал, и консерватория. На переднем плане — одна из многих абстрактных скульптур. Подумайте только, сколько меди на нее ушло!

ВТОРОЙ РЯД фотографий, слева направо: два обитателя Чайна-тауна, китайского квартала, встретились у магазина «Ланг, Ки энд компани» и обсуждают какие-то новости; рядом — бизнесмены с барахолки на Орчард-стрит; еще правее — покупатели. А ВНИЗУ — туристы, греющиеся в лучах декабрьского солнца на берегу реки Гудзон.



ПОЧЕМУ Я НЕ КРАПИВА?

Было то самое время, когда зима повернула на мороз, а солнце — на лето. Солнцу надо верить и загодя, зимой, готовить для весны телегу. Телегу, конечно, иносказательную: мне нужно к весне платье — новое, нарядное. Для этого куплен отрез жизнерадостной материи. Книга, называемая «Телефоны г. Таллина», раскрыта на разделе «Ателье мод». Ого, оказывается, их не так уж и мало — целых 33! Какое-нибудь из них, понимая вечно женственное желание прихорошиться к весне, пойдет навстречу и обязательно сошьет для меня весенний наряд. Склоняюсь над телефонной книгой и начинаю выбирать. Из тридцати трех ателье вычитаю семь — они занимаются не шитьем, а ремонтом одежды. И еще одно: трикотажные изделия. Минус еще четыре — только верхняя одежда. Остается двадцать одно. Вполне достаточно. Звоню два дня беспрерывно, в ущерб работе и домашним делам. В первый день все телефоны непробиваемо заняты. К концу этого дня и в течение второго выявляется очень высокий КВД. За два дня до шести ателье дозвониться так и не удалось: то ли они совсем прекратили общение с внешним миром, то ли шьют платья по телефону. Осталось пятнадцать. Приемщица ателье на Ратушной площади на вопрос: «Принимаете ли вы женские платья?» — тотчас швырнула трубку, и правильно сделала: ателье-то «Люкс», знай наших! Второе ателье «Люкс», на улице Лауристини, бросило по телефону высокомерное, краткое и жестокое: «Нет». Осталось тринадцать. Из них двенадцать ответили, что прием ограничен до четырех — шести платьев в день, а у некоторых — в неделю, и вообще существует длинная предварительная запись, а срок исполнения — в конце мая. Ателье на улице Пикк любезно сказало, что оно, конечно, принимает, даже срок исполнения невелик — всего два месяца, но шьют только из своего собственного, ательевского материала. А у меня есть мой, жизнерадостный. Вследствие чего это ателье мне не подошло. И вот, наконец, ателье на Тартуском шоссе, 39, оказывается добрым ко мне и приемщица словоохотливой.

— Попробуйте зайдите,— сочувственно говорит она. — Только мы принимаем по десять платьев в день, очереди большие, закройщица спешит и нервничает, и срок — конец апреля.

Увы! Мне конец апреля ни к чему. Мне нужно начало апреля или еще лучше — середина марта.

Стала звонить в управление бытового обслуживания горисполкома по телефону 443-65. Два дня этот телефон или был занят, или не отвечал. А третий день у меня был уже для других дел отведен. Да и ответ на мой вопрос относительно ситуации в ателье мод мне давно известен, я и в прошлом году туда звонила и в позапрошлом ходила. Отвечали: заказов много, а рабочих рук мало. Все хотят носить новую одежду, а оборудование старое. К тому же плохие помещения. А если спросишь, почему же управление бытового обслуживания так долго не принимает мер к улучшению, то в ответ услышишь... молчание многозначительное. Его надо так понимать: виноватые-то есть, а вот кто именно, не скажем!

Вот и пригорюнилась я перед весной. Жаль, что я не сирень или еще лучше — не крапива. Крапива в нашем дворе каждую весну надевает новое, в приятную ворсинку платье. И в случае чего за себя постоять сумеет!

Н. СЕРГЕЕВА

УЛИЦА И

Корреспондент «Огонька» Ю. ЧЕРНЯВСКИЙ беседует с заместителем министра внутренних дел СССР Б. ШУМИЛИНЫМ об одной из острых проблем.

ВОПРОС. Сперва о статистике. О чем она говорит: сокращается ли в нашей стране количество правонарушений, совершаемых подростками?

Ответ. За последние годы в нашей стране наблюдается благоприятная тенденция сокращения детской безнадзорности и преступности несовершеннолетних. Это результат того, что Коммунистическая партия и Советское правительство многое сделали для дальнейшего укрепления социалистической законности и правопорядка в нашей стране. И в первую очередь для усиления борьбы с антиобщественным поведением подростков и молодежи. Мы по праву гордимся советской молодежью, которая достойно продолжает дело старшего поколения.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии товарищ Л. И. Брежнев отмечал: «Партия по праву гордится молодыми строителями коммунизма. Наш долг — передавать новым поколениям свой политический опыт, опыт решения проблем экономического и культурного строительства, руководить идейным воспитанием молодежи, делать все, чтобы она достойно продолжала дело своих отцов, дело великого Ленина».

Советское государство с первых дней своего существования последовательно добивалось преодоления антиобщественного поведения подростков. Вот несколько примеров из истории. Еще 31 декабря 1917 года В. И. Ленин подписал декрет, положивший начало проведению в жизнь нового принципа социального воспитания. В 1918 году в стране были организованы комиссии по делам несовершеннолетних. Чуть позже декретом СНК был образован Совет защиты детей. В 1920 году Народным комиссариатом просвещения была создана детская милиция — особый орган, наделенный широкими полномочиями и сыгравший большую роль в ликвидации детской беспризорности и преступности.

Я уже говорил о благоприятной тенденции — сокращается количество преступных деяний, совершаемых подростками и молодежью. Однако не следует себя успокаивать статистикой: увы, детская преступность у нас еще не изжита! И это по-прежнему остается острой проблемой, которая волнует и семью, и школу, и комсомол, и, конечно, органы Министерства внутренних дел.

Не закрывая глаза на сам факт существования детской преступности, мы должны отчетливо представлять, где ее истоки. Ведь чтобы лечить болезнь, надо хорошо знать причины, ее порождающие. И тут нельзя не отметить принципиальное различие первопричин, вызывающих преступность среди молодежи в капиталистических государствах и у нас, в стране социализма. Хочу напомнить, что в большинстве капиталистических государств, как свидетельствует та же статистика, наблюдается необычайно резкий рост преступлений, совершаемых молодежью. По данным ФБР, среди лиц, арестованных за тяжкие преступления, 46,2 процента — это несовершеннолетние; среди воров — 50, среди грабителей — 26,3 процента. В американской прессе чуть ли не каждый день появляются такие, например, сообщения: в Линкольне (штат Небраска) был задержан 13-летний Чарльз Старквезер, убивший 10 человек за 48 часов. Или же: четверо нью-йоркских подростков — младшему из них исполнилось 15, а старшему 18 — пытали, мучили, убивали, а потом сбрасывали с мостов свои жертвы. Главарь этой банды, уничтожив несколько человек в течение одной ночи, заявил в полиции: «Сегодня ночь была полна приключений, как никогда».

В капиталистическом обществе преступность молодежи является проблемой № 1. Это вынуждены признавать не только криминологи, но и государственные деятели. Антиобщественному поведению подростков во многом способствуют нищета и безработица. По сообщению Национального комитета по вопросам преступности США, более 750 тысяч молодых американцев ежегодно оставляют учебу в школах, так как вынуждены искать хоть какой-то заработок. Социальное неравенство, частнособственническая психология, индивидуализм, моральная изоляция личности от общества, отсутствие цели в жизни, страсть к наживе, дух конкуренции и азарта — все эти неизбежные спутники капиталистического строя, культивируя в молодом человеке самые низменные чувства, толкают его на преступления. А тут еще бесконечный культ секса, жестокости и насилия на экранах кино и телевидения. Огромное влияние на формирование правосознания молодого американца оказывала война во Вьетнаме. Убийства американскими солдатами мирных жителей — женщин, детей, стариков,— несомненно, отражались и на психологии подростка, который считал, что насилие — это и есть норма жизни.

Капиталистическое общество не в силах воспрепятствовать бурному росту детской преступности — таковы уж устои эксплуататорского строя.

В Советском Союзе детская преступность — это не закономерное явление, исходящее из социального строя, а результат воздействия на детей различных неблагоприятных факторов, результат наших промахов в воспитании молодежи, неумения использовать все имеющиеся возможности для формирования высоких нравственных качеств подростка. Поэтому в борьбе с антиобщественным поведением молодежи мы такое большое значение придаем укреплению единого фронта деятельности государственных и административных органов, общественных организаций, коллективов трудящихся, семьи и школы.

Вопрос. Нельзя ли привести некоторые примеры активных действий бойцов этого фронта?

Ответ. Думается, что прежде всего следовало бы сказать о бойцах самого напряженного участка этого фронта — о школе. Я поставил бы в пример педагогов Новгородской области. Они повели свое дело таким образом, что буквально каждый школьник находится в поле зрения учителя. Здесь активно борются с властью улицы, чутко реагируют на тревожные сигналы о неблагополучии в какой-то семье, учат родителей искусству воспитания детей. Родительские университеты, лектории, семинары, конференции по обмену опытом воспитания в семье, собрания отцов, где ведется серьезный разговор о «мужской руке», тесный контакт с общественностью, создание клубов по месту жительства ребят — все это помогает учителям предупреждать безнадзорность, предупреждать правонарушения школьников. За 1971—1972 годы отсев из школ Новгородской области сократился более чем на пятьдесят процентов. А ведь исключение из школы — это первый шаг в мир преступников.

Особо хотелось бы отметить новгородскую среднюю школу № 13 с ее очень продуманной организацией учебного процесса, целенаправленной воспитательной работой с детьми вне школы. Самоуправление здесь не дань форме, а принцип активной общественной жизни ребят, принцип, стимулирующий их подготовку к самостоятельным действиям, решениям. Пионерская и комсомольская организации увлекают ребят живыми, интересными делами — это и походы по местам партизанских боев и шефство над инвалидами войны.

При школе есть отряд юных друзей милиции. Деятельность его многообразна. Тут и предупреждение озорства, хулиганства, нарушений правил уличного движения. Ребята следят за чистотой на улицах, во дворах и скверах, оберегают зеленые насаждения. С помощью работников органов внутренних дел юные друзья милиции оборудовали класс-полигон, где изучаются правила уличного движения. Каждая третья неделя месяца в школе — трудовая: после занятий юноши и девушки отправляются или на стройку нового дома, или на озеленение автотрассы Ленинград — Москва.

Все это помогает удерживать подростков от соблазнов улицы, воспитывает в них критическое отношение ко всяким дурным сборищам, к скверным уличным традициям.

Конечно, эту кипучую деятельность школьного коллектива никакими цифровыми показателями не оценишь. Но мы не можем не отметить такой отрадный факт: из 1 150 учащихся школы только пятеро состоят на учете в детской комнате милиции. Они считаются здесь самыми трудными, и коллектив внимательно, чутко, я бы сказал, с хорошей осторожностью и доброжелательством, с верой в победу добра над злом следит за ними. Ученик 6-го класса Игорь Ш. воспитывался в неблагополучной семье. Он рано вышел из-под контроля родителей, попал в компанию хулиганов и стал заниматься карманными кражами. Нетрудно представить, чем бы это могло кончиться, если бы преподаватель труда В. В. Преображенский не проявил отеческой заботы об Игоре. С большим педагогическим тактом он проложил путь к сердцу подростка. Учитель приглашал Игоря к себе домой, прививал любовь к труду, долго и терпеливо наставлял его. В конце концов юноша отошел от своих «дружков», стал хорошим общественником, полюбил слесарное дело и сейчас отдает ему часть свободного времени.

Известный советский педагог В. А. Сухомлинский неоднократно подчеркивал, что так называемых «трудных» ребят исключать из школы нельзя, их надо терпеливо воспитывать, используя весь арсенал педагогических приемов. Исключать из школы «трудных» ребят, избавиться от них — это, конечно, заманчиво, сразу выскакиваешь в передовые! Но путь этот опасный, если исходить из интересов общества в целом, а не одного только коллектива педагогов. В Ленинграде девять из десяти несовершеннолетних правонарушителей были в свое время отчислены из школ за неуспеваемость и плохое поведение. Тогда здесь забили тревогу. Началась длительная, упорная борьба с второгодничеством, отчислением подростков из школы до окончания ими восьмого класса. И вот результаты: в последние годы число второгодников и отчисленных из ленинградских школ уменьшилось более чем вдвое. И что показательно: в два раза сократилась преступность среди учащихся.

Но иногда можно наблюдать и иную картину, когда учитель не хочет утруждать себя, не хочет «возиться» с так называемыми трудными. Он быстро складывает оружие в битве за душу подростка. В октябре 1970 года Валерий Шелковников за нарушение дисциплины был исключен из школы № 74 города Новосибирска. Комиссия по делам несовершеннолетних не утвердила решение педагогического совета, Валерий вернулся в школу. Но вместо того, чтобы взять его под особый контроль, удержать от всяких соблазнов, устранить все, что мешало Ва-

ПОДРОСТОК

лерию успешно учиться, администрация школы старалась во что бы то ни стало утвердиться в ложной позиции: «Не выйдет из Валерки человека». Его перевели в другую школу. В знак протеста он отказался ходить туда. Четыре месяца не учился. И, конечно, попал под влияние хулиганов. Убегал из дома, выпивал. В феврале 1971 года Валерия вновь вернули в школу № 74 и оставили на второй год. В новом учебном году в школу он ходил только две недели, так как от занятий был отстранен. Комиссия по делам несовершеннолетних опять решила направить Валерия на учебу. Теперь уже в профессионально-техническое училище. Но путевка пришла после того, как парень совершил преступление и был осужден на полтора года лишения свободы. Коллектив школы не принял на себя это черное пятно: «Валерий уже не наш ученик». Но ведь это явный самообман. Судьба Валерия из Новосибирска во многом схожа с судьбой Игоря Ш. из Новгорода. Только в Новгороде нашелся педагог-боец, а в Новосибирске в коллективе 74-й школы такого не оказалось.

Надо сказать, что в Новосибирске из этой печальной истории сделали необходимые выводы.

ВОПРОС. Но ведь один в поле не воин, нельзя же все возлагать только на школу, на учителя...

Ответ. Это верно. Тем более, что на плечи учителя взвалено сейчас непомерно много. И не снимая ответственности со школы, не умаляя меру ее ответственности, следует во весь голос заявить: мы еще мало заботимся о досуге ребят вне школы. Вот исповедь паренька из Кривого Рога (она в прошлом году была опубликована в печати): «Выходишь на улицу, пошатаешься из угла в угол, потом встретишь приятелей, которые тоже вышли на улицу от нечего делать. Идти некуда, только разве что к кинотеатру «Кривбасс» — на место всех сборов и встреч. Здесь можно увидеть и услышать все что угодно. Собрались, постояли, поговорили, рассказали свежие анекдоты друг другу. А что дальше? Дорога в «Гастроном». Рядом школа, в которой некоторые из нас учатся. И во дворе этой школы, за углом, под окнами пьем из горлышка, передавая друг другу бутылку».

«Идти некуда...» Почему? Почему мы так безынициативны, когда речь идет о местах интересных встреч ребят? Такими местами, на наш взгляд, должны быть все общеобразовательные школы — в свободное от занятий время они могут стать ученическими клубами. В свое время Н. К. Крупская призывала педагогов и комсомольских работников открывать детские клубы «всюду и везде, проявляя инициативу, заинтересовывая все организации, вовлекая в эту работу всех, кто может быть ей полезен». К этому делу серьезно отнеслись в Ростове-на-Дону, где усилиями взрослых создан клуб «Орленок». Тут и зрительный зал, и библиотека, и комнаты для кружков, кукольный театр, тир, техническая станция. На площади перед клубом сооружен автодром, детская улица со светофорами, знаками для пешеходов и автомобилей, спортивное поле, плавательный бассейн. И вот результат: в этом микрорайоне не бывает правонарушений, совершаемых «трудновоспитуемыми». Просто мальчишкам не до хулиганства, когда им предлагают столько интересных дел.

Отрадно отметить, что клубы, подобные «Орленку», за последнее время появились и в других городах. Трудно переоценить значение этих клубов. В свое время «Огонек» много писал о таких клубах по месту жительства и следил за их соревнованием.

Всем очевидно, что преступления, как правило, совершаются молодежью в свободное от работы или учебы время, когда она предоставлена самой себе. Как важно в связи с этим осуществить комплекс мер, объединяющих в интересах подростка усилия всех организаций! В этом отношении поучителен опыт Ленинграда, где под руководством городской партийной организации создан тот самый единый фронт, о котором я уже говорил. Линия этого фронта проходит через школу, профтехучилище, промышленные предприятия, домоуправления, райкомы комсомола, органы милиции. В Ленинграде действуют дополняющие друг друга, разнообразные формы профилактики детской безнадзорности и правонарушений. И решающую роль играет работа с подростками по месту жительства во внерабочее и внеучебное время: здесь имеется 1 200 спортивных площадок, 300 подростковых клубов. Двери ленинградских школ гостеприимно открыты для ребят в вечернее время. В 1972 году две тысячи «трудных» подростков отдыхали и работали в военно-спортивных лагерях. В качестве воспитателей туда выезжали студенты, военнослужащие, спортсмены. Все это не могло не сказаться на той самой статистике, о которой вы спрашивали: за девять последних лет в Ленинграде преступность несовершеннолетних сократилась на 60 процентов, а удельный вес детской преступности — с 17 до 9 процентов.

Недавно в городе на Неве состоялся семинар министров внутренних дел союзных и автономных республик, начальников УВД, на котором был изучен опыт ленинградцев, намечены пути широкого его распространения.

Не могу не отметить столь же хорошую инициативу партийных, советских и комсомольских организаций Львова и Кемерова. Во Львове большой популярностью у ребят пользуются клубы «Алый парус», «Мушкетеры», «Кожаная перчатка», «Республика четырнадцатилетних». В жэках там работают инспектора по физкультуре и спорту, воспитатели-организаторы. В Кемерове для ребят создан хороший «Клуб моряков». Сколько подростков получило здесь путевки в плавание по бурному житейскому морю! Вот, например, Саша С., которым долгое время вынуждена была заниматься детская комната милиции. Инспектор привел Сашу в клуб, и он стал тут первым штурманом теплохода «Романтик». А когда окончил 8 классов, то поступил на работу в пароходство.

В Оренбурге активно привлекали «кандидатов в правонарушители» к деятельности студенческих строительных отрядов. Здесь им сразу дали понять: «Скидок на возраст не ждите! За любой проступок будете наказаны. Вы равноправные члены отряда». В атмосфере трудового энтузиазма перековывались и такие подростки, которых школа уже давно зачислила в безнадежные. Виктор Х., состоявший на учете в милиции, в 1971 году был направлен со студенческим отрядом мединститута на Ириклинскую ГРЭС. Дисциплина, строгий распорядок дня сначала испугали его. Он пытался бежать. А в прошлом году сам попросился в отряд. За отличную работу его наградили грамотой РК ВЛКСМ. Так же примерно сложилась и судьба Владимира О. из Оренбургской школы № 1. Он систематически уходил из дома, занялся воровством, его неоднократно задерживала милиция за появление в нетрезвом виде в общественных местах. Над парнем взяли шефство студенты мединститута Виктор Боев и Александр Пебединский. Вместе с ними он поехал на строительство ГРЭС. Прошел год, другой. Владимир стал совсем другим человеком. Ныне это один из сильнейших спортсменов школы, о нем хорошо отзываются учителя, одноклассники...

ВОПРОС. Вы говорили о школе, о роли общественности. Но ведь решающее значение в формировании правосознания ребенка имеет семья. Не так ли?

Ответ. Бесспорно. Именно в семье закладываются основы характера, взгляды, привычки, моральные критерии. Именно семья помогает детям разобраться в путанице чувств и мыслей, предостерегает от дурных увлечений, учит правильно выбирать друзей. И, увы, порой нам приходится наблюдать, как дурной пример родителей перевернул в душе маленького человека все критерии добра и зла, породил в нем уродливые представления о том, что есть нравственно, а что безнравственно. К сожалению, убеждаешься в этом, когда перед тобой уже стоит преступник, которому едва минуло 18 лет.

Как говорил А. С. Макаренко, «...воспитывает все: люди, вещи, явления, но прежде всего и больше всего — люди. Из них на первом месте — родители и педагоги». Дела несовершеннолетних преступников свидетельствуют: чаще всего в преступный мир попадают дети, у родителей которых нет твердых моральных устоев, дети из семей, где наблюдается разлад между отцом и матерью, где процветают нечестность, пьянство. Нередки случаи, когда первую рюмку детям подносят на семейных торжествах сами родители — с их точки зрения, в этом нет ничего предосудительного. А по существу, происходит жестокое надругательство над детьми. Первая рюмка, поднесенная мальчику на семейном торжестве, — это первый шаг к пьянству, к общению с закоренелыми пьяницами, хулиганами. Среди подростков, привлеченных к уголовной ответственности, сорок процентов совершали преступления в пьяном виде. Опрос, проведенный в нескольких колониях для несовершеннолетних правонарушителей, показал, что шестьдесят процентов из них были вовлечены в пьянство еще до того, как им исполнилось 16 лет.

Дурной пример родителей—это страшное зло. Юра Д. из города Петропавловска (Казахская ССР) пишет в штаб народных дружин: «Помогите нашей семье. Папа часто приходит пьяный, выгоняет нас из дома. Учусь в седьмом классе, но уроки делать не могу. Придется бросать школу...»

Дети взывают о помощи! И тут уж слово за коллективом, в котором трудятся отец и мать. Ни один руководитель такого коллектива не имеет права отмолчаться, спустить дело «на тормозах».

Но преступники-подростки — вот ведь, казалось бы, странность! — оказываются не только в дурных семьях. Бывает, к сожалению, и так, что правонарушитель выходит из вроде бы вполне благополучной семьи: родители не пьянствуют, ведут себя в общественных местах вполне прилично, в трудовом коллективе на хорошем счету. Но когда начинаешь анализировать, почему же оступился отпрыск таких родителей, то каждый раз наталкиваешься на характерный для самых различных случаев факт: такому ребенку отец и мать не привили интереса и уважения к духовным ценностям жизни, не воспитали в нем острого чувства гражданственности, не научили занимать свой ум и свое время полезными, интересными делами.

Семья, если только это здоровая семья, в силах уберечь сына или дочь и от употребления спиртных напитков, и от скверного влия-

ния морально неустойчивых людей, и от преступной компании. Успех борьбы за душу ребенка решает атмосфера дружеских, доверительных отношений в семье, при которой дети испытывают потребность делиться с родителями или старшими своими мыслями, намерениями, планами. Общеизвестно, что подросток не сразу попадает под влияние антиобщественных элементов. Это процесс длительный. И если в семье царят взаимное доверие, дружба, то старшие всегда сумеют вовремя угадать опасность.

ВОПРОС. **Расскажите, пожалуйста, о правовом воспитании учащихся ПТУ, о воспитании подростков, работающих на заводе, фабрике...**

Ответ. С 1972 года во всех ПТУ введено обязательное изучение вопросов советского права. Работники милиции, суда, прокуратуры регулярно встречаются с учащимися, их родителями, педагогами.

Несколько слов о профилактике правонарушений. Мне бы и здесь хотелось поставить в пример ленинградцев, в частности объединение «Электросила». Я имею в виду прекрасный опыт бригады слесарей, возглавляемой коммунистом С. С. Витченко. Это не просто бригадир, а бригадир-наставник, воспитатель. Под его опекой — подростки, начинающие свой трудовой путь. Он учит их не только слесарному мастерству. Он учит их жить, правильно шагать по жизни. Он их наставник в самом широком смысле этого слова. Через бригаду С. Витченко, как через школу, прошло более ста подростков. Большинство среди них — это «трудные» в прошлом ребята. Коллектив бригады, наставник помогли им стать передовиками производства, ударниками коммунистического труда. Пять воспитанников С. Витченко сами стали наставниками, мастерами, 97 молодых рабочих из его бригады вступили в комсомол. Почин С. Витченко подхватили многие кадровые рабочие страны.

ВОПРОС. **Что нового в работе детских комнат милиции?**

Ответ. Прежде всего хочется отметить, что сегодняшние инспекторы детских комнат милиции — это, как правило, педагоги, воспитатели, психологи, люди, имеющие богатый жизненный опыт. Среди них большинство—это педагоги с большим стажем работы, многие имеют высшую юридическую подготовку.

Следует отметить и то обстоятельство, что сеть детских комнат милиции постоянно расширяется, а их учебно-материальная база укрепляется. Растет количество детских комнат милиции на общественных началах — таких сейчас 26 тысяч.

У инспекторов детских комнат милиции целая армия помощников-общественников — более ста тысяч педагогов, пенсионеры, инженеры, техники, передовики производства, люди, способные перевоспитывать ребят. Добавьте к этому такую силу, как десятки тысяч членов комсомольско-оперативных отрядов.

При детской комнате Волжского горотдела внутренних дел Волгоградской области постоянно действует большой совет общественников. Десять лет бессменно возглавляет его коммунист К. Браду, бригадир строительного участка Волжского механического завода. Это человек беспокойной души, которого волнует судьба каждого подростка. Его часто можно видеть беседующим с ребятами то ли в школе, то ли в семье, то ли в цеху, где работают подросток или его родители. Вместе с другими внештатными инспекторами детской комнаты милиции он перевоспитал много ребят, вывел их на правильный путь. И если в городе за последнее десятилетие резко уменьшилось число преступлений, совершаемых подростками, то не последнюю роль тут сыграла детская комната милиции и ее общественный актив.

В городе Жуковском, Московской области, более двадцати лет трудится в детской комнате милиции Ирина Григорьевна Сиверцева. Ей с помощью общественников удалось спасти от влияния улицы много ребят. Она получает от них, от их родителей трогательные письма, полные душевной благодарности.

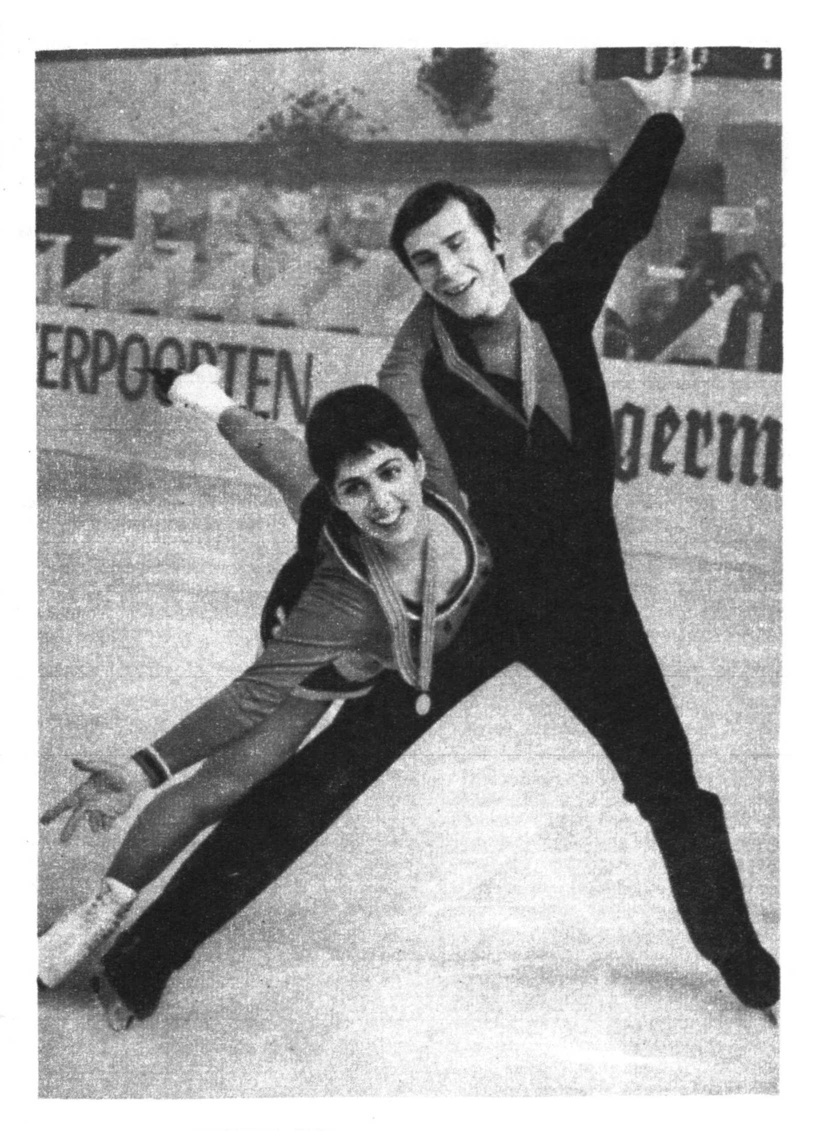
Немало хлопот доставили ей в свое время братья Уваровы, но Сиверцева терпеливо разобралась во всех тех сложных обстоятельствах, которые привели ребят в дурную компанию. Она помогла им устроиться на работу, помогла правильно выбрать профессию. Валерий Уваров стал летчиком ГВФ. Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили труд Ирины Григорьевны Сиверцевой — она награждена орденом Октябрьской Революции.

В 11-м отделении милиции Москвы состоял на учете Сергей Наумов. Старший инспектор детской комнаты Любовь Петровна Болотова уделяла особое внимание этому парню. Трудно было ей совладать с ним. Но она не оставила Сергея, пока не добилась его возвращения в школу. А потом помогала в занятиях. Сергей окончил институт, стал педагогом, учится в аспирантуре. Не забыл он своего воспитателя, часто бывает в отделении милиции, долгое время на общественных началах занимался с группой подростков в детской спортивной школе, а в конце 1971 года сам пошел работать в милицию, в УВД Мосгорисполкома. Его поле деятельности—безнадзорные ребята, предупреждение правонарушений...

* * *

Для органов внутренних дел борьба с детской преступностью—одна из главнейших задач. Мы отчетливо представляем меру своей большой ответственности за исход этой борьбы и ведем ее совместно с государственными, общественными организациями, с семьей, школой, комсомолом. И в заключение мне хочется еще и еще раз подчеркнуть, сколь важен тут единый фронт. Здесь никто не имеет права стоять в стороне или кивать на другого: «Пусть моим сыном занимается школа...» Или: «Пусть Сашей занимаются его родители...» Или: «А где же милиция?» Тут нет места равнодушию, позиции стороннего наблюдателя. Все мы в ответе за будущее наших детей.

Выступлением Б. Шумилина редакция «Огонька» начинает разговор о судьбе трудных подростков, о причинах, иногда толкающих молодежь на путь правонарушений. Надеемся, что выступление это не оставит равнодушными всех, кого волнует будущее юношей, вступающих в жизнь. Редакция обращается к родителям, учителям, комсомольским работникам, сотрудникам милиции, наконец, к самой молодежи с просьбой принять участие в разговоре; поделиться своими мыслями, наблюдениями, волнениями, касающимися этой важнейшей проблемы.



Александр ДОБРОВ

ХАРАКТ

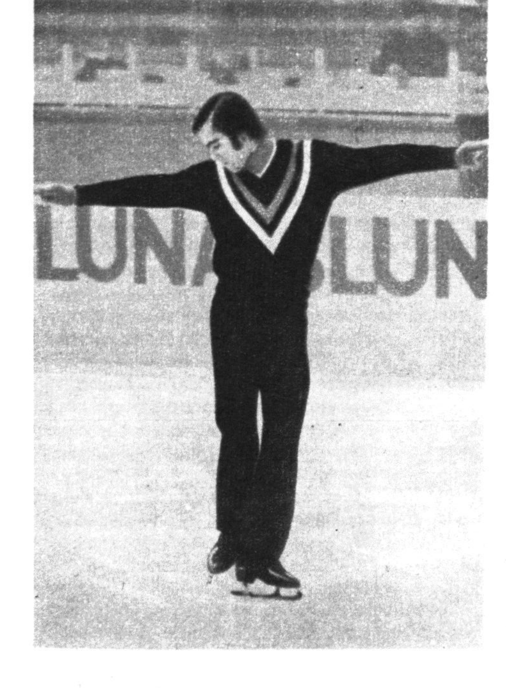
Мировые чемпионаты по фигурному катанию по традиции проводятся на стыке зимы и весны. Вот и здесь, в Братиславе, спортсмены двадцати двух стран стартовали 27 февраля, а завершили состязание в первые дни первого весеннего месяца, 1—3 марта...

Братислава издавна славится своими садоводами. И участники и гости чемпионата любовались огромными букетами красных, розовых и белых гвоздик, которые украшали Зимний стадион. Букеты цветов по традиции вручались призерам чемпионата, гвоздиками и тюльпанами засыпали зрители своих любимцев.

Цветы — это прекрасная форма выражения признательности публики, это, если хотите, тоже награда. И все же не будем забывать, что высшие награды — это золотые медали чемпионов мира. Их в Братиславе получили советские спортсмены Ирина Роднина и Александр Зайцев в парном катании, Людмила Пахомова и Александр Горшков в танцах на льду, а в женском и мужском одиночном катании — канадка Карен Магнуссен и житель Братиславы Ондрей Непела.

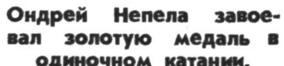
Нет еще и года, как Ирина Роднина и Александр Зайцев начали тренироваться вместе, а срок их выступлений на официальных соревнованиях и того меньше. За этот короткий отрезок времени спортсмены под руководством заслуженного тренера СССР Станислава Жука провели огромную работу и добились отличных результатов еще до Братиславы, завоевав первенства СССР и Европы.

Здесь, в Братиславе, Ирина и Александр вышли на лед для исполнения обязательной программы, уверенные в своих силах. Эта уверенность основывалась на прочном фундаменте высокой техники фигуристов, опыта и твердого характера четырехкратной чемпионки мира. А между тем у наших спортсменов были все основания для волнений. Дело в том, что кто-то из технических работников перепутал время вы-



Лучший танцевальный дуэт чемпионата мира — Людмила Пахомова и Александр Горшков.

Телефото ЧТК — ТАСС

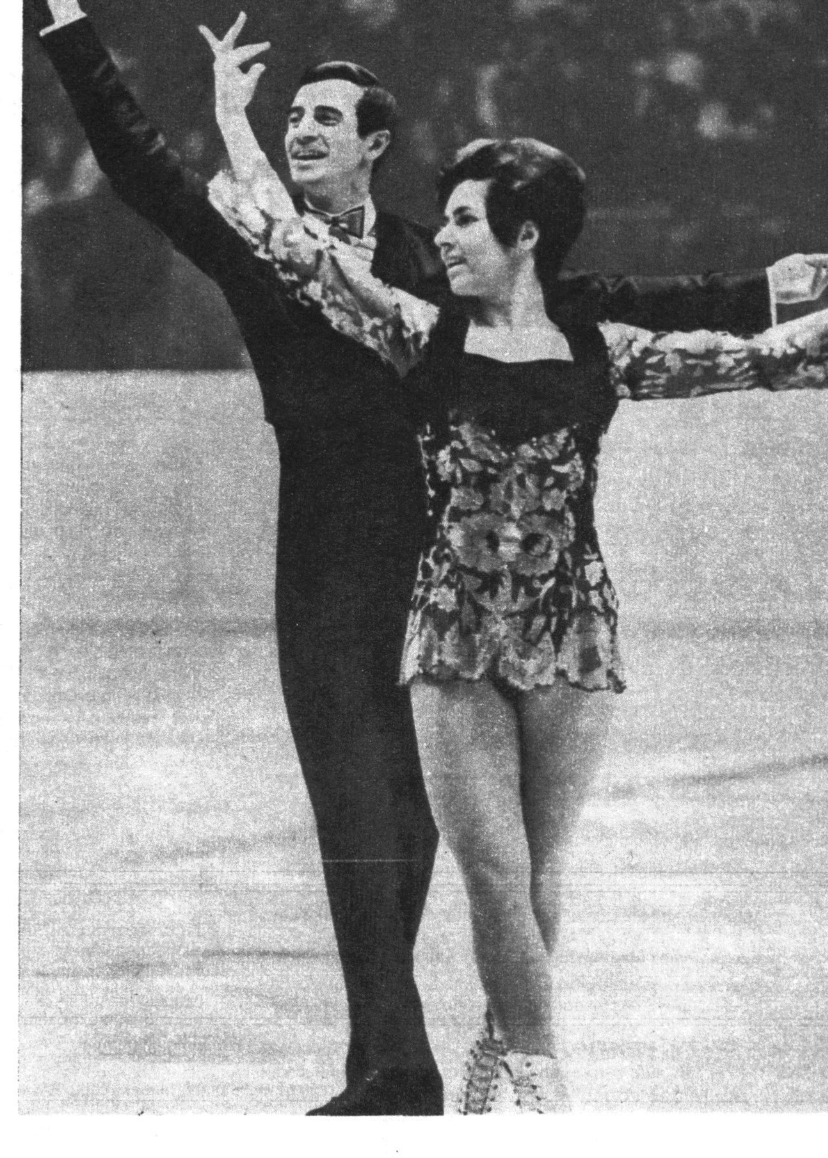


Ондрей Непела завоевал золотую медаль в одиночном катании.

На пьедестале почета три сильнейшие фигуристки: Джанет Линн (США), Карен Магнуссен (Канада), Кристина Эррат (ГДР).



◀ На братиславском льду новые чемпионы мира Ирина Роднина и Александр Зайцев.



ЕРЫ ЧЕМПИОНОВ

ступления сильнейших спортивных пар; они, стартовавшие первыми в своей группе, раньше необходимого срока провели разминку на тренировочном катке, и, хотя в такой ситуации легко, как говорится, «перегореть», сумели сохранить боевое настроение, и катание их единогласно было признано всеми судьями самым лучшим.

На следующий вечер спортивным парам вновь предстояло выйти на старт и продемонстрировать свою произвольную программу.

...Это произошло после того, как Ирина с Александром выполнили трудный прыжок в два с половиной оборота. Зрители не отрываясь смотрели за перемещениями фигуристов на льду и в первые секунды, наверное, никто и не осознал, что спортсмены катаются без музыкального сопровождения. Но это только в первые секунды, а затем зал замер в напряжении: «А что же будет?» Они продолжали кататься. И только после блистательного финала зрители облегченно вздохнули.

Судьи оценили эту «симфонию без музыки» очень высоко.

Если драматический сюжет выступления Ирины Родниной и Александра Зайцева развивался у всех на глазах, то за борьбой, которая велась между советской танцевальной парой — Людмила Пахомова — Александр Горшков с Анжеликой Бук — Эрихом Бук из ФРГ,— можно проследить по тем официальным протоколам, которые получали журналисты. Ведь эти протоколы не просто свод оценок судей, но и зеркало их симпатий.

Борьба эта была напряженной, несмотря на то, что завершилась с огромным преимуществом Людмилы Пахомовой и Александра Горшкова. Первым обязательным танцем, который исполняли дуэты, был звездный вальс. Восемь судей из девяти отдали свое предпочтение Людмиле Пахомовой и Александру Горшкову. После второго старта — исполнялась румба — Людмила и Александр вновь впереди. Семь арбитров безошибочно признали их первыми.

В программе следующего дня соревнований — аргентинское танго и оригинальный танец. Трехкратные чемпионы мира — воспитанники заслуженного тренера СССР Елены Чайковской — исполняют танго, как всегда, с таким техническим блеском и настолько артистично, что зрители, даже днем плотно заполнившие трибуны, не могли остаться равнодушными. Все решал произвольный танец. О том, с каким блеском он был исполнен нашими спортсменами, лучше всего говорят и единодушие судейской бригады, в составе которой были арбитры из разных стран, в том числе ФРГ, Великобритании, Канады, и шесть оценок по 6,0 — оценок уникальных в таком комплекте, впервые выставленных на чемпионатах мира танцевальным дуэтам.

Чемпионка мира Карен Магнуссен, американка Джанет Линн, занявшая второе место, Кристина Эррат из ГДР, бронзовая призерша чемпионата, произвели отличное впечатление на зрителей и судей.

Выиграв золотую медаль, Ондрей Непела на пресс-конференции не стал скрывать от журналистов своего желания уйти в балет на льду. Слишком велика стала для ветерана конкуренция в мужском одиночном катании со стороны серебряного призера Сергея Четверухина, которого тоже можно отнести к разряду ветеранов, и целой плеяды более молодых и совсем еще юных фигуристов.

Чемпионат мира в Братиславе подвел итоги минувшего сезона, очень сложного, если учесть большое число нововведений в одиночных разрядах. И вдвойне приятно, что позиции советских фигуристов, успешно выступивших в Братиславе, и завтра представляются нам чрезвычайно прочными.

Братислава (по телефону).

Леонид ЛЕНЧ

Рассказ

Хранитель тигров

Сережка жил с отцом и матерью в маленьком городке «в самой сердцевине России» — так говорил Сережкин отец, учитель местной школы.

Сережке городок нравился. Нравились его трехоконные одноэтажные домики и дощатые тротуары. А больше всего нравился соседский двор, куда можно было запросто зайти, поговорить с козой Бяшкой, понимавшей человеческий язык.

Стоило только Сережке подойти вплотную к Бяшке, лежавшей подле сарайчика в небрежной позе властелина двора, и, заглянув в ее пегие глупые глаза, сказать «Бе-е», как Бяшка тут же отвечала «Бе-е». Она, дурочка, со всем соглашалась, что ей ни скажи!

Еще жил во дворе кот Максим, нахал и драчун, здоровенный щекастый зверюга, серый, по бокам черные полосы, безбоязненно вступавший в борьбу с любой уличной собакой.

Максим относился к Сережке снисходительно, иногда даже позволял себя погладить, но чаще грозно урчал, когда мальчик приближался к нему,—предупреждал, что у него плохое настроение и ему не до Сережки.

Тихая и в общем мирная Сережкина жизнь кончилась с приездом деда Николая Ивановича, мамина отца.

Дед был низенький, коренастый, краснолицый и голубоглазый, на голове поношенная моряцкая фуражка с золоченым потемневшим «крабом».

Мама говорила, что дед за долгую свою жизнь был и рыбаком, и моряком, и охотником, и в какие-то там экспедиции ходил в тайгу, а сейчас на пенсии и живет один, и еще, что он «чудак и баламут» и, наверное, приехал неспроста, а с какой-то тайной целью. И что надо быть начеку, потому что дед может всех и все взбаламутить.

И дед действительно всех и все взбаламутил и в первую голову Сережку, которого увидел впервые. Сережка с ним подружился, спали они с дедом в одной комнате.

На второй день по приезде Сережка спросил у деда:

— Ты, дед, откуда взялся?

— Я взялся с Дальнего Востока!— ответил дед и подмигнул Сережке загадочно.

— А где он, Дальний Восток?

— На востоке,— усмехнулся дед.— На дальнем.

— Ты покажи, где!

— Покажу! Завтра утром. Рано-рано, когда солнышко только еще встает, я тебя разбужу, и ты его увидишь.

И разбудил. Сережка стал капризничать, хныкать — не хотелось вылезать из теплой постели, но дед был неумолим. Пришлось подчиниться. Продолжая кряхтеть и хныкать, Сережка встал, надел рубашку, штаны с помочами, сунул босые ноги в тапочки и тихонько вместе с дедом вышел на крыльцо.

Утро было свежее, росистое. Дивной ароматной прохладой тянуло от темной зелени сиреневых кустов из палисадника.

Дед показал Сережке на малиновый медленный шар солнца в чистом, но еще не голубом, а призрачно-сероватом небе и сказал:

— Вон там — Дальний Восток!

— Красиво как там!— не отрывая глаз от малинового шара на горизонте, сказал Сережка.

— Сказка!— подтвердил дед-баламут. Помолчав, он нагнулся к Сережке и сказал ему на ухо шепотом:— Хочешь, поедем туда насовсем — жить?!.

— А как же мама с папой?

— Уговорим — и они тоже поедут!

Подошла коза Бяшка, просунула голову в щель между досками забора, сказала «Бе-е», здороваясь с Сережкой. Сережка ответил ей «Бе-е», коза вежливо тряхнула головой — поблагодарила за утренний привет. Где-то в кустах противным баритоном вякнул кот Максим. Наверное, охотился за воробьями, прыгнул, промахнулся и сам себя обругал по-кошачьи.

— Бяшку и Максима возьмем с собой?— спросил у деда Сережка.

— Зачем? Кого ты удивишь своей козой да котом? У нас, брат, на Дальнем тигры еще живут. Ты видел тигра?

— На картинке видел. И в кино показывали.

— Это все чепуха. Я тигра вот как тебя сейчас видел. В естественных условиях!..

Дед стал рассказывать Сережке про тигров. Тигр — прекрасный, огромный зверь. Он как полосатое солнце, но не малиновое, как сейчас, а золотое, как в полдень. И с темными красивыми полосками вокруг туловища. Одним ударом своей царственной лапы тигр может свалить с ног быка. Клыки у тигра, как сабли,—острые и беспощадные. Тигр — хищный зверь, среди них попадаются даже людоеды.

— Людей едят?!— ахнул Сережка.

— Едят!

— И детей... тоже?

— И детей. Кто попадается — того и стрескает. Я одного такого молодца прикончил. Давно это было.

— Как... прикончил?

— Так! Из ружья! Прицелился, бахнул — и... стал мой тигр чучелом. Знаешь, что такое чучело?

— Не знаю!

— Темный ты человек, Сережка!— вздохнул дед.— Ну, шкуру с него содрали, набили опилками, зашили, глаза вставили стеклянные, и сделался мой тигр, как живой. Вот это и называется — стать чучелом. Понял?

Сережка кивнул и, подумав, спросил:

— А я могу тигра прикончить?

— Можешь!— сказал дед.— Но для этого тебе надо поскорее вырасти. А чтобы поскорее вырасти, нужно отсюда ехать на Дальний Восток. У нас там все в сто раз быстрее растет, чем здесь: и цветы, и трава, и зверята, и ребята.

Сережка слушал деда-баламута не дыша, как зачарованный. Дед снова заговорил доверительным шепотом:

— Ты мне помогай маму с папой уговаривать переехать жить на Дальний, ко мне!

— Как?

— Реви и кричи во все горло: «Хочу-у на Дальний Восток!»

Сережка запрыгал на крыльце, заорал что было сил:

— Хочу-у на Дальний Восток!

— Тише ты!— испугался дед, зажав Сережкин рот маленькой жесткой ладонью.— Я тебе скажу, когда надо будет кричать, или подмигну — вот так.

Дед скривился, один глаз смешно зажмурил, а другим стал быстро-быстро моргать.

— Запомнишь?

Сережка засмеялся и пообещал:

— Запомню!..



Деду удалось уговорить маму с папой, но ему пришлось здорово потрудиться! Ложась спать, Сережка через закрытую дверь вполуха не раз слышал, как мама, папа и дед о чем-то спорят между собой. А как-то взрослые стали спорить и при Сережке за ужином.

Папа сказал деду:

— Это ведь не в соседнюю область переехать, Николай Иванович, а вон куда — на край света, как говорится. Надо подумать как следует!

— Экий ты вялый какой и нерешительный!— сердился дед.— Надо быть легким на ногу! Подумай наконец о парне своем. Ему надо новые горизонты жизни показать, а то растет он у вас в вашем микромире байбак байбаком.

Дед исподтишка взглянул на Сережку, зажмурил один глаз, а другим стал быстро мигать.

Сережка завопил радостно:

— Хочу-у на Дальний Восток!

Мама и папа засмеялись, а дед сказал:

— Устами младенца глаголет истина!..

Тут же за ужином все было решено: через два месяца мама, папа и Сережка уедут на Дальний Восток насовсем. Жить будут у деда, в его квартире в городе Владивостоке. Не понравится — переедут в другой город с веселым названием Находка, на берегу океана. Такие люди, как папа — учитель и мама, знающая английский язык, как собственный русский, везде нужны! Так сказал дед, а дед, хоть он чудак и баламут, знает, что говорит!

Всего лишь вторую неделю жил Сережка у деда во Владивостоке, а про маленький деревянный городок «в самой сердцевине России» даже и не вспоминал. Перед ним открылись «новые горизонты жизни» — просторные, яркие и необыкновенные.

Необыкновенным был сам город Владивосток — шумный, многолюдный, широко раскидавший красивые многоэтажные дома по невысоким горкам. Здесь их называли сопками.

Папа сразу стал работать в школе — учить ребят арифметике, а мама поехала в Находку погостить к дедовым друзьям, посмотреть, есть ли смысл менять Владивосток на этот молодой и, как дед говорил, «перспективный» город на берегу океана.

Сережка все дни проводил с дедом, и тот показал ему все: и знаменитую бухту Золотой Рог с ее длиннющими причалами, с отдыхающими тут океанскими кораблями, и пляжи Амурского залива с угадывающимся вдали Великим, или Тихим, океаном, и сопки — их оказалось так много, что дед начал их считать, сбился и, махнув рукой, сказал:

— В общем, их пересчитать — пальцев не хватит на руках, а разуешься, и все равно, пожалуй, не хватит!

Одна из сопок называлась Тигровой. Сережа спросил:

— Там тигры живут?

Дед засмеялся:

— Раньше жили тигры, а теперь люди!

— А где же тигры?

— Далеко, в тайге.

— А я их увижу?

— Увидишь. Со временем.

— Я хочу сейчас!

— Хорошо,— сказал дед с обычной своей загадочной усмешечкой,— постараюсь это дельце сейчас устроить!

Сели в такси и поехали по городу. Машина остановилась подле красивого большого дома. Дед и внук вошли в дом, поднялись по лестнице — туда и сюда сновали по ней нарядные, веселые девушки и юноши.

Дед велел Сережке обождать его в коридоре, ушел и скоро вернулся не один, а с каким-то дядечкой, высоким, бородатым, но, судя по веселым глазам и быстрой походке, молодым.

Бородатый дядечка наклонился к Сережке, сказал:

— Я знаю, что тебя зовут Сережей. Я сам бывший Сережа, а теперь Сергей Александрович. Давай лапу, пойдем, я тебе покажу тигров.

Он взял Сережку за руку и быстро повел за собой по коридору. Сережке было ничуть не страшно, тем более, что позади семенил дед, и Сережа слышал, как он пыхтит, стараясь не отставать.

Дядечка отворил дверь в комнату.

— Входи, Сережа!

Сережка вошел и оторопел: повсюду — на полках, на шкафах и в шкафах за стеклом — на деревянных подставках стояли и сидели разные зверьки и птицы.

Одна птица, у самого входа, была огромная — прямо как самолет! Белая, прекрасная, с длинным клювом. Сережка замер от страха, смешанного с чувством восторга, глядя на ее развернутые во всю ширь могучие крылья.

Молодой дядечка с бородой сказал:

— Не бойся, это все чучела. Ты знаешь, что такое чучело?

— Знает!— сказал дед.

— Прекрасно! Ты попал в наш университетский биологический музей, Сергей, так мы называемся. А птица, поразившая, как я заметил, твое воображение, называется альбатрос. Это океанская птица, скиталец морей. Ну, идем к тиграм.

Прошли в глубь комнаты, и тут Сережка увидел тигра. Он был невелик ростом — хватило бы, пожалуй, полусотни, а то и меньше котов, чтобы слепить одного такого тигра. Но главное заключалось не в том, что тигр был невелик ростом, а в том, что ничего людоедского не было в этом красивом звере. Он не внушал ни страха, ни отвращения. Наоборот, он был очень симпатичен и мил, его усатая кошачья морда выражала простодушие, какую-то детскую доверчивость и любопытство. Хотелось гладить его по голове, называть кис-кисом, играть с ним, как с Максимом, когда у того хорошее настроение. Но, увы, тигр был всего лишь чучелом! Сережа протянул руку, дотронулся до его холодной спины — шерсть была как шелковая, приятная на ощупь.

— Это совсем молоденький тигр,— сказал дяденька с бородой.— Он уже не котенок, но еще и не взрослый зверь, а так... тигр-подросток.

Глаза у Сережи налились слезами, он обернулся к деду:

— Зачем ты его... из ружья?

Дед стал оправдываться:

— Я же не этого подростка застрелил, а другого, здоровенного взрослого тигра. Когда он рычал, гром шел по тайге. Настоящий людоед!

Дяденька с бородой странно усмехнулся и показал деду и Сереже на большой ящик со стеклянной дверцей — он находился поблизости от чучела тигра-подростка.

В ящике на подставке стояло не чучело, а вместо ребрастое, с черепом вместо головы, омерзительно-страшное, с тонкими костяными ногами, с хрящеватым хвостом без мяса и шерсти.

— Это скелет взрослого тигра!— сказал Сергей Александрович.— Ты знаешь, что такое скелет, Сережа?

Дед поспешил на всякий случай ответить за внука:

— Косточки, на каких мясо держится,— у нас, у зверей, у рыб...

Сережка кивнул — согласился с дедом.

— С этим тигром,— продолжал рассказывать Сергей Александрович, обращаясь преимущественно к деду,— произошла драматическая история. Он вышел из тайги на окраину одного таежного села, залез в пустой коровник и залег там. Сбежались жители, стали его пугать, гнать вон — он не идет. Вызвали охотников, те его застрелили. А потом оказалось, что это был старый-престарый тигр, даже челюсть у него была деформирована. Он, видимо, в коровник залез, чтобы погреться, хотел, бедняга, умереть в тепле!..

На этом свой рассказ Сергею Александровичу пришлось прервать, потому что Сережка вдруг громко расплакался.

Сконфуженный дед вытащил из кармана носовой платок, стал вытирать Сережке мокрые глаза, нос, щеки. Лицо у деда было виноватое. Он бормотал, действуя платком:

— Экий ты, дурачок какой! Этот старик тоже не тот, которого я... из ружья. Мой здоровенный был, страшный, даю слово. И зачем я тебя сюда привел! С зоопарка надо было начинать!..

Сережка продолжал громко реветь. Дяденька с бородой присел перед ним на корточки, понимающе погладил по голове.

— А сам собирался, когда вырастешь, стрелять в тигров из ружья!— сказал дед.— Эх ты, ревакорова!

Дяденька с бородой сказал:

— Собирался стрелять в тигров, а теперь будет их охранять. Хочешь быть хранителем тигров, тезка?

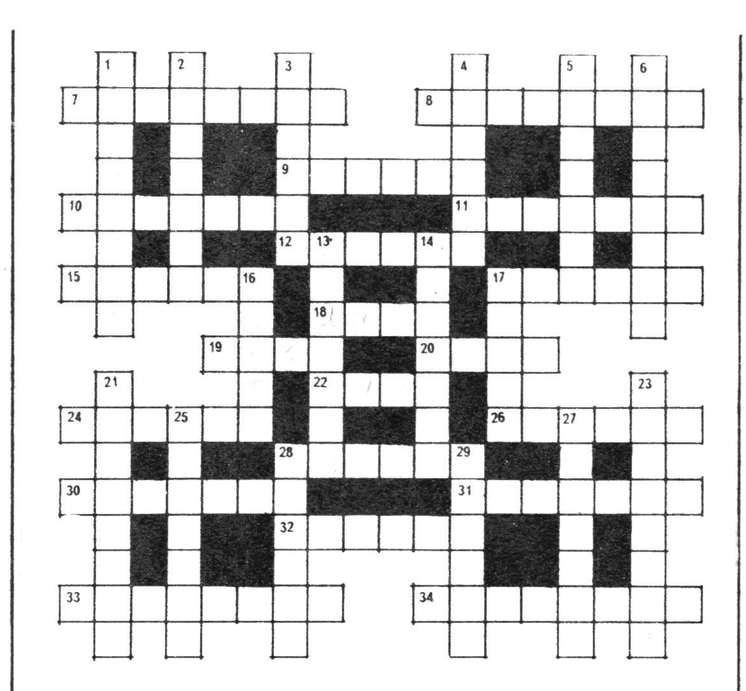
Сережка поднял голову, сказал, всхлипывая:

— Хочу!

— Вот и прекрасно! Поскорей вырастай! Вырастешь — поедешь в тайгу, всех тигров пересчитаешь, каждому на хвост повесишь бирку с номером и будешь ходить по лесу с ружьем — охранять тигров от разных безобразников. Охотиться на тигров сейчас нельзя — запрещено законом. Их и осталось-то всего ничего!

...Ночью Сережке приснился тигр. Он стоял на полянке в лесу, огромный, клыкастый, полосатый, цвета золотого солнца. Он был так красив, что не казался страшным. На хвосте у тигра болталась какая-то жестянка — наверное, с его номером.

Сережка хотел подойти к тигру, чтобы поздороваться с ним, но тигр вдруг предостерегающе зарычал! Гром пошел по лесу! Сережка остановился, не подошел. И зря не подошел, потому что это не тигр рычал, а это дед храпел рядом, на своей кровати!



КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Советский писатель. 8. Сигнальный фонарь. 9. Город в Одесской области. 10. Русский поэт. 11. Тканая картина. 12. Голландский мыслитель. 15. Тригонометрическая функция. 17. Часть электрической машины. 18. Вечнозеленое дерево или кустарник. 19. Испанский живописец. 20. Корнеплод. 22. Древнескандинавское сказание. 24. Парусный корабль. 26. Охотничья сумка. 28. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». 30. Остров в Атлантическом океане. 31. Прохладительный напиток. 32. Действующее лицо оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник». 33. Рассказ А. П. Чехова. 34. Исполнитель главной роли в кинофильме «Депутат Балтики».

По вертикали: 1. Вертящееся устройство, устанавливаемое при входе. 2. Рыба отряда окунеобразных. 3. Форма рельефа. 4 Лесная певчая птица. 5. Кондитерское изделие. 6. Продольный брус крыла самолета. 13. Повесть Н. В. Гоголя. 14. Пристройка к зданию. 16. Английский полярный исследователь. 17. Серо-коричневая краска. 21. Река в США. 23. Подразделение полка. 25. Землеройная машина. 27. Чешский композитор. 28. Роман Б. Пруса. 29. Соединительная часть трубопровода.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали: 5. Серафимович. 8. Викторина. 9. Атмосфера. 13. Арика. 14. Мотобол. 15. Пилотаж. 16. Силок. 18. Фрагмент. 19. «Антигона». 23. Труба. 26. Стеллаж. 27. Пифагор. 28. Канюк. 30. Репертуар. 31. Бульдозер. 32. «Предложение».

По вертикали: 1. Рефрактор. 2. Зарница. 3. «Полтава». 4. Цитология. 6. Пирогов. 7. Ординар. 10. Ариэль. 11. Леонкавалло. 12. Простокваша. 16. Сонет. 17. Канва. 20. Бубнов. 21. Стартер. 22. Партитура. 24. Кибальчич. 25. Полонез. 28 Команда. 29. «Кочубей».

На первой странице обложки: Николай Крапива — монтажник Новокемеровского химического комбината (см. в номере «Соратница хлебороба»).

Фото А. Гостева.

На последней странице обложки: Березовая роща.

Фото В. Гиппенрейтера.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 19/II-73 г. А 00032. Подп. к печ. 5/III-73 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 449. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 236.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Т. ЛОТИС

Фото Д. УХТОМСКОГО.

Программа Ленинградского мюзик-холла называется «Нет тебя прекрасней». Недавно состоялось тысячное представление. Случай на эстраде редкий. В чем же секрет успеха?..

Все три часа, пока идет представление (постановка Ильи Рахлина), испытываешь удивление и радость, но только ли потому, что двое ведущих знакомят нас с Ленинградом?..

Дело в том, что в представлении есть и другие, более прочные, внутренние связи между номерами. Они впечатляющи, естественны и рождаются как бы сами собой.

...«Колокола Ростова Ярославского» — балет, интересный, яркий. В танце, в красках зарождается и звучит тема народной силы, неиссякаемого мужества.

А вот звучит вальс. Голубое небо и набережная Невы. Танцуют юные. Движения их целомудренны, сдержанны: будто боятся юноши и девушки приблизиться друг к другу; в жестах, в выражениях лиц, в улыбках — застенчивых и влюбленных — виден каждый характер, видны нравы, отношения... Танец пронизан тонкой грацией и рождает сложные ассоциации: он возникает как бы из давнего прошлого, приходит к нам, современникам, и уходит в завтра, в будущее, оставляя ощущение мечты и грусти...

Разумеется, мюзик-холл — это не только балет. И в программе много вокальных номеров. Более всего запоминается Ольга Вардашева, у которой с одинаковым подъемом, с откровением получаются и лирические песни и озорная, лихая песенка с танцами из «Гусарской баллады».

Песню «Разве тот мужчина» Фельцмана и Гамзатова Ольга Вардашева поет так, что ни секунды не сомневаешься в «праве» актрисы на эту песню, потому что именно мягкость, женская задушевность помогают глубже проникнуть в смысл песни и раскрыть его... Вардашева еще молода, но у нее есть своя индивидуальность. Каждый ее номер оригинален, а все вместе они воспринимаются как единое поэтическое целое.

Впрочем, это высокое качество свойственно многим номерам Ленинградского мюзик-холла, утверждающего победную, торжествующую красоту жизни и молодости.

МЮЗИК-ХОЛЛ:

Ольга Вардашева.



«Гусарская баллада».

«Вологодские кружевницы».

ТЫСЯЧНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ





Еще недавно Евгений Шпитько был рабочим сцены. Конферансье в «Балагане-13» — его сценический дебют. И дебют великолепный.

«Носильщики».



Цена номера 30 коп.

Индекс 70663